

ФОРУМ

ФОРУМ

ОБЩЕСТВЕННО — ПОЛИТИЧЕСКИЙ
ЖУРНАЛ

7

1984

7

1984

ФОРУМ

ОБЩЕСТВЕННО — ПОЛИТИЧЕСКИЙ

ЖУРНАЛ

7

1984

«СУЧАСНІСТЬ»

Ответственный редактор:

ВЛАДИМИР МАЛИНКОВИЧ

Консультативный совет:

Петр АБОВИН-ЕГИДЕС, Владимир БОРИСОВ, Борис ВАЙЛЬ, Николай ДРАГОШ, Кронид ЛЮБАРСКИЙ, Михайло МИХАЙЛОВ, Игорь ПОМЕРАНЦЕВ, Галина САЛОВА, Тамара САМСОНОВА, Надия СВИТЛЫЧНА, Сейтхан СОРОКИНА, Виктор ФАЙНБЕРГ, Борис ШРАГИН.

Статьи, подписанные авторами, выражают их собственное мнение.

Журнал выходит четыре раза в год.

Für den Inhalt verantwortlich: Dr. W. Malinkowitsch.

Адрес редакции: Georg-Mauerer-Weg 11, 8000 München 50, BRD.

Оформление подписки на журнал: «Sučasnist» e. v. München, Müllerstr. 33, Rgb, 8000 München 5, BRD.

ПРОБЛЕМЫ ДЕМОКРАТИИ

ИЗБИРАТЕЛЬНАЯ СИСТЕМА В СССР И МОРАЛЬНО—ПОЛИТИЧЕСКОЕ ЕДИНСТВО СОВЕТСКОГО ОБЩЕСТВА

Самиздат

Советская политическая система вызывает подчас чувство неподдельного удивления: что бы ни происходило в нашем государстве — успехи, неудачи, урожаи, популярны или непопулярны политические лидеры, — в регулярно проводимых выборах 99% избирателей голосует за правящую партию.

На Западе сколько угодно могут потешаться над «избирательным фарсом» в СССР, но сама по себе способность режима столь энергично контролировать массы или мистифицировать избирательной статистикой миллионы людей не может не вызвать интерес.

Мы задались целью проверить данные советской избирательной статистики и выяснить вопрос о правомерности тезиса о морально-политическом единстве советского общества, который основывается в некоторой степени на данных о победах блока коммунистов и беспартийных на выборах.

Наша работа носила характер конкретно-социологического обследования в форме опроса. В системе выборов в СССР есть звено, которое во время выборов располагает реальной информацией о поведении избирателей. Таким звеном является низший орган по проведению выборов — участковая избирательная комиссия. Он, с одной стороны, имеет дело с реальными людьми, приходящими голосовать, а с другой по нашим данным, именно здесь начинается манипуляция с цифрами. Ответы и данные, полученные нами от некоторых членов этих комиссий, согласившихся ответить на наши

вопросы, наш собственный опыт работы в этих комиссиях легли в основу данного обследования.

Оно охватывает три избирательные кампании в представительные органы разных ступеней (1979 г. — в Верховный Совет СССР, 1980 г. — в Верховный Совет РСФСР и в местные советы, 1982 г. — в местные советы). После того как в итоге сопоставления результатов обнаружилась повторяемость ряда явлений во всех трех кампаниях подряд, мы пришли к выводу, что данные, полученные нами, типичны и характеризуют систему выборов в целом.

Для понимания поведения масс на выборах в СССР необходимо уяснение механизма их проведения.

Участковая избирательная комиссия — это основное низовое звено проведения выборов — основывает свою работу и избирательную статистику по своему участку на списках избирателей, которые находятся в ее распоряжении. В крупных городах на такую комиссию приходится от 2 до 6 тысяч избирателей. Списки эти составляются районными властями на основании данных о прописке. Каждый житель города или деревни, проживая временно или постоянно в каком-либо доме, должен зарегистрироваться в домоуправлении, представив туда документы местных органов власти и милиции на право занятия жилья и, во-вторых, справку с места работы (где и кем он работает), т. е. прописаться.

Составленные единожды, эти списки перед каждой избирательной кампанией нуждаются в уточнении — кто-то выехал, умер и т. д. Начиная с уточнения списков в дело вступает второй после избирательной комиссии компонент советской системы проведения выборов — агитаторы.

Название «агитатор» довольно обманчиво. Агитировать, убеждать — это не основная его функция.

Проведение и организация избирательной кампании строится на том, что все жилые районы города закрепляются за различными государственными учреждениями и предприятиями. Они и обязаны обеспечить явку жителей закрепленных за данными учреждениями домов в избирательный участок для голосования. Соответственно членами избирательных комиссий и агитаторами назначаются рабочие и служащие этих предприятий. Далее все распределяется «по

цепочке» — определенное число квартир закрепляется «для агитации» за каждым отделом, сектором и т. д. данного учреждения. Руководство каждого из этих звеньев выделяет из своих работников агитаторов, которые и вступают в непосредственный контакт с жильцами записанных за ними квартир. В этом контакте взаимозависимы и уязвимы обе стороны. Агитатор и его положение на работе в известной степени зависят от того, придут ли его избиратели голосовать.

Избиратели знают, что, если они вызовут энергичное недовольство агитатора, он может передать неблагоприятную информацию к ним на работу. Есть у этих отношений и иной, чисто человеческий аспект. Избиратели знают, что, отказавшись голосовать, они подведут прежде всего агитатора, такого же трудягу, как и они сами. И это обстоятельство играет немаловажную роль, делая агитатора в какой-то степени заложником в руках властей.

С учетом этого избирательного механизма и следует подходить к оценке поведения избирателей в СССР во время выборов. Наше обследование показало, что никакой однозначной монолитности в поведении избирателей нет. Напротив, имеется несколько крупных групп, поведение которых существенно отличается друг от друга.

Всего таких групп четыре. Две из них, применяясь к условиям, стремятся действовать только в безопасных рамках, и обнаружить их можно только при детальном знании советского избирательного механизма.

В проведении выборов предусмотрена специальная процедура для лиц, которые в день выборов не могут принять участие в голосовании там, где им положено, т. е. по месту жительства. В этом случае избиратель сообщает агитатору, что он будет в отъезде (или что-либо подобное), и просит вычеркнуть его из избирательных списков, или он приходит заранее в избирательную комиссию и берет т. н. открепительный талон, дающий право голосовать в другом месте. Сама по себе эта процедура не представляет чего-либо необычного. Однако масштабы, которые приняло это явление в Советском Союзе, заставляет взглянуть на него по-иному. По данным последних трех выборов, от 10 до 12% избирателей в крупных городах из избирательных списков

вычеркивается (в соответствии с их собственным желанием). Причем по результатам этих же выборов только 0,5-1% получивших право голосовать в другом месте этим правом пользуется.

Как же быть после этого с 99% населения, принявшими участие в голосовании? В данном случае мы сталкиваемся в очередной раз с чудесами статистики. Дело в том, что лица, открепившиеся в своем избирательном участке, из списка вычеркиваются и списки снова остаются 100-процентными. Этих людей как бы не существует, хотя они существуют. Своеобразное применение идей Павла Ивановича Чичикова в масштабах всей России.

Вторую группу можно обнаружить непосредственно в день выборов. Как показывает наше обследование, она также соблюдает мимикрию законности, но от участия в выборах уклоняется. Числящиеся явившимися на избирательный участок на самом деле туда не являются.

В соответствии с законом избирательные бюллетени можно получать только лично по предъявлении документа. Но на практике многие избиратели это положение обходят. Распространение получило такое положение, когда один голосует за нескольких — сосед за соседей, мать за всю семью, знакомые за нескольких приятелей. Голосование за 3-4 человек весьма распространено. Подобная практика, по нашим данным, охватывает 30% избирателей, числящихся принявшими участие в голосовании. Последние три кампании показывают увеличение этой цифры.

И, наконец, нам удалось обнаружить еще одну (третью) массовую группу, не значащуюся в официальных статистических данных. Эта группа существенно отличается от двух названных выше. В нее входят люди, которые прямо, не таясь, уклоняются от явки на избирательные участки. В ходе обследования выяснилось, что в нее входят не единицы, а 8-10% общего числа избирателей. Именно такое количество избирателей в среднем к концу времени голосования на избирательные участки не является. И эта группа исчезает — она игнорируется в статистических отчетах. Послать такой процент отсутствующих «наверх» избирательная комиссия, как правило, не решается. После окончания голосования все избирательные бюллетени должны отправляться в районный

совет. Перед отправкой нехватящее число бюллетеней нередко подкладывается, что, в общем-то, *встречает понимание* «инстанций». Как тут не вспомнить опыт Луи-Наполеона, который придумал такой порядок, когда хранителем всех бюллетеней во время выборов был местный префект. После этого «хранения» результаты были всегда одинаковы — в пользу императора.

Манера, присущая третьей группе, в наших условиях не может получить слишком большого распространения — велики возможности давления на избирателей. В нее входят лица, не интегрированные в систему, слабо поддающиеся контролю государства.

Сама система подсчета голосов исходит из необходимости соблюдения определенного, фиксированного 1-2-процентного максимума проголосовавших «против» и не явившихся голосовать.

Способов реализации этой установки несколько. После окончания голосования избирательная комиссия торжественно удаляется в отдельную комнату, достают из урны бюллетени и затем их... вообще не считают, а увязывают в пачки и отправляют в районный совет, где их тоже никто не считает. А протокол голосования заполняется в соответствии с «установкой», независимо от результатов голосования и задолго до окончания выборов. Так действуют наиболее опытные комиссии. В других случаях голоса подсчитывают и затем подкладывают недостающие бюллетени (не пришедших голосовать). Если кто-либо в комиссии проявляет педантизм и требует реального подсчета голосов, то его в следующий раз в избирательную комиссию не включают.

Наше обследование неправильно истолковывать так, что большинство населения СССР настроено антиправительственно. Это не так. Оно показало только, что государственные представительные учреждения в СССР доверием не пользуются. Если почти половина населения не участвует в выборах (а именно это показывает наше обследование), то их правомочность вообще выглядит сомнительной.

В наших условиях равнодушие, а иногда и презрение к советским представительным учреждениям, распространяется на систему представительной демократии вообще. В

сознании многих представительная демократия с ее соревновательностью и гласностью или гласной соревновательностью выглядит как «пустая говорильня», как «баловство». Сознание большинства по-прежнему склонно уповать на вождя, на «хозяина», а не на какие-либо институты политической демократии.

Роль реально представительной демократии как фактора активизации социально-экономического развития у нас оказалась в большой степени утерянной. Не отсюда ли столь быстрое (после сравнительно недолгой стадии подъема) нарастание черт консерватизма, костности, разложения в социально-экономической и политической областях жизни нашего общества?

Картина, которая предстала перед нами, вызвала необходимость сопоставления полученных нами данных с идеями классиков марксизма-ленинизма, с идеями Ленина о политической демократии.

Ленин, как известно, предполагал, что при социализме все виды политической демократии, приобретя новый классовый характер, получают дальнейшее развитие. Противопоставляя буржуазной системе выборов советскую систему, он считал, что при капитализме массы являются объектом манипулирования со стороны имущих классов. Советская власть, устранив эти классы от участия в выборах, а затем ликвидировав их, сможет открыть путь к превращению выборов в инструмент подлинного народовластия. Они должны были, по его мнению, играть при социализме большую роль, чем при капитализме. Общий подход Ленина к социализму определялся выдвинутым им положением о том, что «в социализме нет ничего, возникшего в стороне от столбовой дороги развития мировой цивилизации»¹. Интерпретируя это положение применительно к политической системе социализма, известная немецкая коммунистка Роза Люксембург писала: «Все виды политической демократии, включая выборы в представительные учреждения, получают при социализме дальнейшее развитие и будут по-настоящему определять жизнь общества». Знакомство с практикой

1. В. И. Ленин ПСС, т. 23, с. 40.

работы этих учреждений и системой проведения выборов в СССР показывает, что эти взгляды оказались утопичными.

Наше обследование показывает, что степень манипулирования массами избирателей в условиях социалистического государства оказалась чрезвычайно высокой. С другой стороны, сам институт выборов оказался урезанным. Если при буржуазной парламентской системе он включает в себя такие формы проявления воли избирателей, как 1) выбор между различными кандидатами, 2) уклонение от участия в выборах, 3) поддержка проправительственного кандидата, 4) отказ в поддержке проправительственного кандидата, то в условиях социалистического государства сохранился только один пункт (3). Даже пункт 2 реализовать открыто решаются немногие, не говоря уже о пунктах 1 и 4.

В контексте истории мирового рабочего движения с его многовековой борьбой за представительство трудящихся в законодательных учреждениях подобное положение является шагом назад.

Точкой отсчета для марксистов в этом отношении является Парижская коммуна, которая, отстранив от участия в выборах имущие классы, смогла тем не менее создать систему, в которой присутствовал активный соревновательный момент и гласность на уровне, не уступающем буржуазно-демократической системе. Ленин считал, что русская революция не должна ничего добавлять к опыту Парижской коммуны, за исключением одного — она должна победить. Но история распорядилась своеобразно: русская революция победила, но опыт Парижской коммуны она растеряла. Она растеряла опыт и первых лет собственного развития.

В ходе революции и гражданской войны Ленин и партия действовали авторитарно. Было разогнано Учредительное собрание с его многопартийностью. Революция лишила права голоса имущие классы. Не удалось сохранить двухпартийное правительство — левые эсеры выступили против большевиков и были разгромлены. Это обстоятельство рассматривают часто как явление, автоматически ведущее к краху представительной демократии [свобода

мнений в условиях гласности, соревновательности в работе высших государственных и (или) партийных учреждений]. Так думают адепты западной плюралистической системы и так, по существу, считают сторонники Иосифа Виссарионовича Сталина. Они на этом основании все успехи советской власти относят на счет своей модели развития. Но нам кажется, что дело обстояло иначе.

В Советской России в первые годы ее существования в условиях однопартийности существовал период, когда сохранялись элементы представительной демократии. Это был, с нашей точки зрения, наиболее яркий период русской революции. Она сумела одержать военную победу, сумела выжить в условиях разрухи, нашла силы ввести НЭП — и все это при сохранении демократических норм жизни партии и ее руководства. Уровень гласности и соревновательности в этот период вполне сопоставим с достижениями Парижской коммуны и положением во многих крупных партиях представительной демократии.

На сохранение такого рода партии и надеялись ее создатели, и прежде всего Ленин. Когда в 1922 г. у него появилось беспокойство по поводу ее будущего, он внес предложение, которое так и не осуществили, но которое можно рассматривать как его попытку сохранить неизменными нормы жизни партии. Он предложил увеличить состав ЦК за счет включения в него 50 или 100 рабочих и крестьян. Что стоит за этим предложением? Что оно по существу означало? Такие рабочие и крестьяне, не связанные с различными группировками внутри партии, могли, по мысли Ленина, присутствуя на его заседаниях, «придать устойчивость...ЦК»².

Что это значит: «придать устойчивость ЦК»? Учитывая, что в ЦК имелись конкурирующие группы, что изменило бы появление в нем новой группы? Очевидно, что при сохранении демократической процедуры борющиеся за

1. Многоточие добавлено нами — ред. АС.

2. «Письмо к съезду» от 24. 12. 1922, добавление записано 26. 12. 1922, В. И. Ленин, ПСС, т. 45. с. 348.

влияние лидеры могли бы соревноваться между собой, борясь за голоса этой группы, и ЦК работало бы в регламенте реально представительного учреждения.

Это предложение Ленина подтвердило, что негативное отношение к буржуазному сочеталось у него с убеждением, что принцип реально представительной демократии необходим для социализма.

Для Ленина и партии того периода было характерно, как нам кажется, стремление сохранить в партийном и государственном управлении соединение трех начал:

- 1) действовать в рамках марксистской теории,
- 2) в условиях сохранения единства партии,
- 3) при сохранении свободы мнений и гласности в высших органах партии.

Сохранить это триединое начало, к глубочайшему сожалению, не удалось. Выпадение одного звена (реально представительного характера руководящих органов партии и государства) привело к эрозии и других компонентов. Борьба за единство партии приняла характер сначала доминирования, а затем засилья одной группы внутри ЦК, ее утверждения в качестве единственного носителя идеи единства, и привела к политическому, а затем и физическому уничтожению тех членов руководства, которые не входили в эту группу. Марксистская основа партии свелась к интерпретации марксизма и социализма в соответствии с установками победившей группы.

Между тем ныне можно констатировать, что все существовавшие в нашей партии в конце 20-х гг. течения стояли на позициях социализма не в меньшей степени, чем группа Иосифа Виссарионовича Сталина. Пути борьбы за социализм они понимали по-разному. Теперь стало очевидным, что тот экстремистский характер, который приняла в Советском Союзе коллективизация, совершенно не обязателен, не говоря уже о том, что опыт ряда соц. стран показал, что она вообще не обязательна для построения социализма. Выдвижение лозунга ускоренной индустриализации в нашей стране оказалось увязанным со свертыванием НЭПа. Между тем опыт соц. стран также показал, что никакой жесткой связи тут нет. Даже наоборот, наличие частного сектора помогает строительству социализма.

Все группировки, представленные в руководстве партии к концу 20-х гг., имели свои сильные и слабые стороны, но механизма, который бы отбирал сильные и отбрасывал слабые, у нас уже не было. Утверждение господства одной группы привело к утверждению господства одного человека.

Догадка, высказанная Лениным в 1922 г., о том, что в будущем «конфликты небольших частей ЦК могли получить слишком непомерное значение для всех судеб партии», подтвердилась. В этой связи неправильно, как нам кажется, говорить, что Советское государство выражало интересы рабочего класса в целом. Поскольку систему социалистической реально представительной демократии создать не удалось, то не удалось и обеспечить интересы рабочего класса как господствующего класса. Террор, захвативший в 30-е гг. значительные группы рабочих, крестьян, партийного аппарата, офицерского корпуса в армии, показал, что определенные группы трудящихся и их авангард были от власти оттеснены. Правильнее говорить о том, что правящая в СССР группа опиралась и выражала интересы отдельных слоев рабочего класса (не самых передовых и политически грамотных) при нейтрализации или физическом уничтожении других его групп.

Подтверждением того, что восстановить положение и вернуться к представительству всего рабочего класса (не говоря уже о всем обществе) не удалось, являются приведенные в данной работе сведения о 40-50%-ном уклонении от участия в выборах.

Революции в мировой истории неоднократно сталкивались с ситуацией, напоминающей судьбу революционной России. Подобные откаты можно было наблюдать во время революции в Англии, Великой французской революции. Нам за пределы подобного типа развития выйти не удалось.

Один из уроков нашей модели развития состоит в следующем: при внешней соблазнительности и легкости отказа от системы реально представительной демократии, с

3. В. И. Ленин «Письмо к съезду», ПСС, т. 45, с. 343.

ее досаждающими властям элементами вмешательства в их прерогативы, более сложным и длительным процессом принятия решений, — этот путь, после некоторого периода безболезненного пренебрежения демократической процедурой, ведет затем к довольно быстрому нарастанию элементов стагнации и отставания. Не случайно, проблема экономического соревнования с США и Западом становится (за пределами военно-промышленного комплекса) все более абстрактной и нереалистичной. (Единственной страной, которой удалось «догоняние», оказалась в наше время вставшая из руин буржуазно-демократическая Япония.)

В заключение нам хотелось бы коснуться известного тезиса о морально-политическом единстве советского общества. Для его доказательства довольно часто используются два момента:

- 1) ссылки на результаты выборов,
- 2) ссылки на победу советского народа в Великой Отечественной войне. Несостоятельность первого тезиса показана в проведенном нами обследовании. Что касается второго фактора, то при его значимости нельзя забывать и того, что войны русские выигрывали и раньше, до установления советской власти. Отечественная война 1812 г. была выиграна, когда армия состояла из крепостных крестьян, в условиях отсутствия морально-политического единства общества.

Кризисные явления в социализме не связаны прямо с кризисом патриотизма. В связи с этим неправильно, нам кажется, рассматривать трудности, которые испытывает советский человек при социализме, под углом зрения ослабления его воли к защите Отечества. Это — ошибка, которую, к сожалению, допускают многие западные политики. Кризис социализма — это еще не кризис идей государственности и национализма.

В советском обществе идет (когда ослабевает состояние осажденной крепости) процесс спада активности широких масс, растет настроение равнодушия, безразличия в отно-

шении нашего политического строя. Несовершенство советской политической системы все в большей степени порождает черты консерватизма в экономическом и социальном развитии общества.

Ныне наступил такой момент, когда наши руководители хотели бы (в рамках существующей структуры) активизировать роль масс, усилить их воздействие на руководящие звенья госаппарата. Но эти попытки вызывают все более слабую реакцию. Невольно вспоминаешь высказывание одного из героев Андрея Платонова, ярого большевика, который, обращаясь к рабочим, восклицал: «Эх масса, масса, что же ты, стерва, с авангардом делаешь!»⁴ В попытках оздоровления системы мы вновь обращаемся к дряхлеющим приемам аппаратного руководства, и вновь и вновь перед каждым из нас встает вопрос: «Неужели мы не сможем стряхнуть груз нарастающего консерватизма? Неужели мы только унаваживали почву для грядущих великих социальных движений?».

Марксистская общественная группа 68 80,
исследовательская

4. Точнее: «Эх ты — масса, масса... И что тебе надо, стерве такой? Ты весь авангард, гадина, замучила!» (из повести «Котлован» — см. журн. «Грани», N 70,1969, с.44).

С ДРУГОГО ДЕРЕВА*

«Чесність з собою»
(Володимир Винниченко)

Когда редакция журнала «Альтернативы» предложила мне ответить солженицынским «плюралистам»**, первой реакцией было — отказаться. И времени нет (хотя Солженицын и делает вид, что он только работает, занят чем-то более важным, чем эмиграционные бои), и по всем главным пунктам обе «стороны» давно высказались (со стороны «плюралистов» могу указать статью Сахарова о письме Солженицына «Вождем Советского Союза», статьи Чалидзе, книгу И. Зильберберга «Необходимый разговор с Солженицыным» и др.)

И главное — каждого из «плюралистов» как-будто объединяет с Солженицыным нечто большее, чем разъединяет: борьба с бесчеловечностью советского режима. Парадокс полемики в том, что каждый из «плюралистов» во многом согласен с Солженицыным и расходится с другими «плюралистами». Если не указать этих точек схождения и расхождения, то неизбежно попадешь не на свою позицию. Этого-то ведь Солженицын и добивается, загнав всех своих идейных противников в некое им самим созданное идейно-безыдейное пространство (физик!..).

И потешается над распрями *этого* лагеря...

И не отвечал бы может из этих и иных соображений, если бы вдруг не услышал от многих аргумента об общем «деле». «Для пользы дела» — лучше бы не ответить Солженицыну, т. к. он

* Сокращенный вариант этой статьи публикуется во французском правозащитном журнале «Альтернативы».

** См. статью А. Солженицына «Наши плюралисты», опубликованную в «Вестнике Р. Х. Д.», N139.

пользуется большим авторитетом на Западе, к нему прислушиваются. Что же будет, если мы докажем, что великий писатель не Правдец?

Ведь в таком случае усомнятся и в той правде, которую он несет своими талантливыми произведениями?

Однако, если считать западного читателя недоросшим до *всей* правды, если разделять правду на выгодную и невыгодную нам, то мы вернемся туда, откуда изошли, — к советской системе инструментального подхода к истине, т. е. «станем жить по лжи». В таком случае «нэ тратьтэ, кумэ, сили, спускайтэся на дно»: в случае нашей победы над советской ложью создадим новое общество лжи.

Окончательно меня убедило в необходимости отвечать «Нашим плюралистам» телеинтервью Солженицына для программы «Апостроф».

Это интервью раскрыло мне один из источников методологии Солженицына в его историософии и публицистике: это «кино-правда» Дз. Вертова, «эффект Кулешова» и «монтаж» С. Эйзенштейна. Случайно так сложилось, что я перед чтением «Наших плюралистов» развинтил «Три песни о Ленине» Вертова и был уже знаком с методом свинчивания неправды из документальных кадров.

Но начну по порядку — с полотна, созданного «Нашими плюралистами», не угрызая себя никакими «коэффициентами неуверенности» перед их создателем. Вертов ведь тоже начинал с правды.

Картина, талантливо нарисованная Солженицыным, мрачна и непонятна читателю, не знавшему контекста полемики. Великий писатель не покладая рук трудится над горами исторического материала, разгребает горы фальсификаций, спасает Россию и русский народ. А в это время из Советского Союза выезжает масса каких-то странных существ, целью жизни которых стало облыгать писателя-историка, а заодно и весь русский народ. Еще более странно их желание так или иначе оправдать Советскую власть и коммунизм.

Титан, несущий на себе груз истории и печалования,

кручины по своему народу, по другим славянским народам и человечеству вообще, оторвался от работы и с недоумением услышал «гулók» этой оравы и решил сбросить их всех в ...«некуда».

Какая бездна иронии, презрения, брезгливости, раздражения и гнева заложена в тщательно подобранных, выисканных из всех сфер старого и нового (советского) русского языка, словах и словосочетаниях! Вот она, та пена у губ «пророка», от которой предостерегал его Померанц: «главный Эстет», «коммивояжер», «некто Любарский», «философ», «присоединившийся Михайлов» (оригинальность издевки так понравилась публицисту, что он повторяет выражение). Эти существа сидят по своим «гнездышкам» (?) и ...если не работают с «отмычкой» (?), не «размазывают» своих писаний, то ...«захлебнутся в собственном яде» могут.

Солженицын пытается разместить их по «гнездышкам» Ламарка. Они — то ли пресмыкающиеся гады, то ли «мыши, хоронящие кота» (мы-то думали, что лев!..). Но Ламарк дополнен гномами из «Стачки» Эйзенштейна. Плюралисты — «хоровод оживленных гномов», кружащихся «на павшем теле» России.

Это похуже, чем «дуб» Советский и вся его «дворняжная» печать. Это стачка — заговор «кротчайших мудрецов» Григорий Соломоновичей с шабашом, т. е. уже даже не С. Эйзенштейн, а картины И. Шевцова и Г. Климова («Во имя отца и сына», «Любовь и ненависть», «Набат» — «Имя им легион», «Протоколы советских мудрецов» и др.).

Жуть!.. Невольно воскликнешь: «Архангеле Михаиле! Спаси и укрепи десницу новоявленного Георгия Победоносца, в миру кроткого раба Божьего Александра!»

Правда, кротким Солженицына трудно назвать, хоть он и стилизует себя под такового: «меня бить — легче нет, сношу все удары» ...Те, кто хоть немного знаком с эмиграционными баталиями, знают, что картина выглядит несколько иной.

Перуны солженицынского пера не одного ударили — бьет без промаха, не брезгуя ничем: ни своим даром, ни шестерками. Тем, кто с солженицынским христианством не знаком, могу рекомендовать книгу И. Зильберберга, тщательно замолчанную отнюдь не плюралистической русской прессой.

Однако примеры деятельности «плюралистов», приводимые Солженицыным, настолько красноречивы, что оправдывают бранчивый и, скажем прямо, хамский стиль его «Наших плюралистов».

В самом деле, сколько злобы и ненависти к русскому народу, России в этих, например, речениях: «Страна Иванов и Емель», «что это за девушка, которую все, кому не лень, насилуют?»

Можно привести высказывания и того похуже. Причем в самом деле русофобские. Мне самому как-то пришлось уйти из одной компании, бросив оставшимся, что их разговоры напоминают мне «Протоколы сионских мудрецов»...

Но... читаю статью Е. Клепиковой «Земля Иванов и Емель» (ж. «Время и мы», N24, 1977 г.). Статья посвящена анализу советской шовинистической макулатуры журнала «Молодая гвардия». Выражение взято из одного молодогвардейского вирша. Это же *их* самоопределение — красносотенцев.

Да читал ли Солженицын статью, название которой, чуть видоизменив, употребил *так*? Нет ведь в *этой* статье русофобских выпадов. Есть правда ироническое замечание о Солженицыне, о его комплексе национальной неполноценности. Неужели в *этом* Солженицын увидел ненависть или презрение к русскому народу? Допустимо ли до такой степени отждествляться со всем русским народом — аж до Софроновых, Куняевых и прочая?

Так как Солженицын редко указывает источники своих цитат, то может *эта* фраза взята у другого автора? Не исключаю.

Не могу проверить фразу и о «девушке». Встречал ее не раз, но всегда в ином смысле, чем у Солженицына. Это говорится обычно в защиту русского народа от слишком усердных его защитников, которые все исторические беды России пытаются объяснить насильниками-варягами, татаро-монголами, украинцами, немцами, латышами, китайцами и евреями. «Тлят» Русь — по меткому замечанию деревенщика Ивана Шевцова.

Тоньше искажена Солженицыным позиция сотрудника «Континента» Германа Андреева («Христианство, Толстой и сборник „Из-под глыб“» в «Демократических альтернативах»). В его фразе «как до революции господствовало зло и

подавлялось добро, так и после революции» Солженицын выделил «как, так» разрядкой и тем усилил значение уравнительности. Это уравнивающее значение Солженицын развил в следующей цитате, из *другого** автора, и *таким* образом превратил толстовскую религиозно-этическую оценку обоих режимов в их политическое «качественное сходство». Этому же служит предыдущая цитата *иного* автора: «семена социализма погибли в русской почве». Толстовский этический максимализм последующей цитаты из статьи Андреева «Христианство — это путь, не испытанный Россией» представлен в свете «семян социализма» как проявление социалистической позиции автора. Андреев отнюдь не социалист. Но проповедника жизни «не по лжи» это не останавливает.

«Чуть-чуть» (сила искусства!) преображенный Герман Андреев опоясан рифмой (а в в а) к иному (иным?) плюралисту, сварен в некий то ли слоеный пирог, то ли матрешку.

На стыке кинопланов разных человеческих позиций возникает некая зловещая фигура «философа» ** в Солженицыне. «Как бы 4-е измерение получается» — удачно определил в телеинтервью Солженицын свои астрально-диофантовые матрешки. Из скромности Солженицын не объяснил, что это выражение Эйзенштейна, которое тот позаимствовал-то ли у Кулешова, то ли у Вертова (см. статью С. Эйзенштейна «Четвертое измерение в кино» 1929 г.) А может не из скромности, а из-за «большевизма» Эйзенштейна и Вертова?

Хочу отметить, что методы склейки, монтажа, разработанные Вертовым, позволяют создавать более тонкие амальгамы, не прибегая к извращению фактов.

Если б Солженицын не прибегал к таким методам, то с ним можно было бы согласиться во многом.

Третья волна выбросила по обе стороны океана немало

*Я не специалист по диофантовым уравнениям — и посему из «философа» не смог извлечь остальных авторов.

**Цитирую солженицынские объяснения г-ну Пиво в телеинтервью. Не исключаю, что чуть-чуть недослышал — перевод мешал. Но оборот Эйзенштейна всё же удалось расслышать...

мути. В самом деле, групповая борьба и борьба амбиций выходит часто за пределы элементарной порядочности. Как со стороны «плюралистов», так и с «нашей стороны» Солженицына.

Неясно, правда, что это за сторона — Солженицын так избегает точных определений, и так настойчиво отрекается от многих своих сторонников, что неясно кто, кроме всего русского народа, состоит в «нашей стороне».

Как-будто ныне Солженицын обрел союзников в лице «основной массы» прямиков. Но если вспомнить, что писал Солженицын о них же сравнительно недавно, стоит ли на этой «массе» останавливаться?

Плюралисты защищали *личное* право *каждого* из «массы» еврейской эмиграции *выбирать* новую страну проживания и уж никак не рассматривали их в качестве своих «тылов».

Как индивиды, прямики — всякие и разные. Как «масса», они хотят навязать Америке свои антидемократические навыки homo soveticus.

Солженицын огульно обвинял их в недостатке патриотизма, теперь огульно видит в них опору своему патриотизму и антидемократизму.

Второй союзник — «русская» партия — и того сомнительней. Солженицын назвал несколько фамилий — но даже этих нескольких не стоило б объединять в одну группу. Осипова, например, посадили лишь тогда, когда он выступил в защиту Сахарова и порвал с излишне «патриотической» традицией «Молодой гвардии» и собственных журналов «Вече», «Земля».

Солженицынский совет «войти ... в союз» с «пресловутым» национализмом обставлен такими оговорками, что неясно — то ли это ирония, то ли повторение старой мечты национал-большевизма 20-30-х г.г. и нынешней стратегической фантазии НТС о «своих» кадрах в армии, то ли следование по пути, намеченному схемой А.Янова: от Солженицына через Шиманова к Шарапову-Скуратову.

Не стоило б Солженицыну так педалировать социальную близость «плюралистов» с властью имущими. Ни состав ВСХСОН (включительно с Гедони), ни «Вече» и «Московский сборник», ни свидетели по делу Иванова-Скуратова, ни даже

«Молодая гвардия» не отличаются особой рабоче-крестьянской чистотой или удаленностью от власть имущих.

Смешивая плюралистов с грязью, Солженицын втапывает в нее подавляющее большинство политических зэков. Стоит ли постоянно ссылаться на Огурцова, Осипова и Бородина, если более половины — нерусские, и уже по одному этому признаку они не могут вступать в союз с «русской» партией или быть солженицынцами? Да и среди русских зэков, слава Богу, «русская партия» пока не преобладает.

Остается в «нашей стороне» Солженицына один только весь русский народ совокупно с другими славянскими народами. Но стоит ли без спросу тревожить народы? Кремль-то ведь тоже выступает от имени безмолвствующего народа.

Водораздел между «нами» и Советской властью, «нами» и Солженицыным проходит не по признаку патриотизма, а по смыслу этого патриотизма.

Проблему народофилии и народофобии Солженицын связывает с вопросом о единственности истины. Не знаю «плюралистов», отрицающих единственность объективной истины. Принцип единственности истины мы все (и «плюралисты», и «русская» партия) долбили в школе. Хуже того, на ней, этой самой истине монизма, теоретически базирует свое право на представительство народа и его истины советская моновласть (как отметил однажды хитроумный В. Шульгин: «нет, я не за монархию, я — за «моно»...»)

Если в начале своей статьи гносеологию «плюралистов» Солженицын характеризует как легкомысленно-толерантную («как можно больше разных мнений» и «главное, чтобы никто серьезно не настаивал на истинности своего»), то в конце она превращена им в релятивистски-нигилистическую («Да ведь — истины же нет, и никто не знает, „как надо“ и „как не надо“»). Увы, на практике толерантности не хватает даже «плюралистам». Солженицын сам ведь вынужден жаловаться на отсутствие толерантности... по отношению к нему.

Нет же, не отказались плюралисты от истины и поисков ее. Они отказались лишь от смешной претензии быть единственными истолкователями этой истины и отводят потому претензию и Ленина, и Солженицына, любого вождя

или пророка быть Магометом этой истины.

Отсюда то разнообразие взглядов, над которым потешается Солженицын. Правозащитное движение принципиально лично — не «мы», а «я» думает, страдает, верит и выбирает. У Солженицына, как и у Советской власти, думает «народ» или ему адекватные личности, харизматические вожди и пророки. Остальные, индивидуальные — нуль и вздор, «не-мы».

Солженицынская художественная метафора принципа дополнительности в современной физике лишь затемняет, но не отменяет того факта, что в XX веке прежний детерминистический монизм себя изжил. Да, дополняющие модели — «оттоки одной реки», да, «поддерживают и утверждают друг друга» квантовая и волновая модели (списано с учебника диамата.) Но ведь убедились мы в том, что спор Гюйгенса и Ньютона о природе света снят не победой одной из взаимоисключающих гипотез, а новой, неаристотелевой логикой науки. Странно, что в идеологии все еще царит манихеизм: «кто не с нами — тот против нас».

Взаимоотношение истины объективной и истины личностной гораздо сложнее, чем это кажется Солженицыну. Плюралисты уже знают, что полнота истины достигается не в монологе каждого из нас, а в диалоге. О народе и его истине можно говорить лишь в той мере, в какой народ участвует в этом диалоге. Интеллигенция и даже «образованцы» — столь же народ, сколь и Солженицын, и все эти «альтернативы», «противостояния», «самосознания» и «синтаксисы» — попытка части народа вступить в диалог. Они преступают свое право представлять народ лишь тогда, когда претендуют говорить от имени всего народа. Но и это меньшая неправда, чем у Солженицына, который, судя по его «плюралистам», отождествляет глас народный со своим гласом (у плюралистов — «гулók».)

Мне тоже многое не нравится в стиле полемики «Синтаксиса». Но синтаксис полемики Солженицына кажется мне более опасным для рождающейся в СССР свободной мысли.

Много солгано Солженицыным в фактах — но еще больше солгано синтаксически, в методе подбора и монтажа фактов-личностей и слов плюрализма.

В телеинтервью Солженицын показал, как он это делает. Газета, журнал, любой текст разрезается на части, а затем из этих обрезков «образованщины» склеивается истина — в том числе тотемные образы «мышей», «гномов», «образованцев» и «плюралистов.»

Для художественного творчества это, может быть, и неплохо — но для историографии и публицистики опасно.

Солженицын так увлечен механистической, обрезательной-склеивающей частью игры в документализм, что считает демонстрацию ее в телефильме неопровержимым свидетельством своей правдивости.

Солженицын забывает, что так именно создавались «кино-правды», что суть проблемы — в методах синтеза истины из ее аналитических обрезков, в монтаже. В добросовестности монтажника.

Степень недокументальности отдельных кадров-цитат «Наших плюралистов» велика. Но еще больше неправда склеек. В одну зловонную ядовитую кучу «плюрализма» Солженицын склеил разные жизненные позиции людей разного уровня морали и интеллекта.

Склеив русофобские высказывания с пародией на мессианистические поэзы и с констатацией империалистической природы Российского государства, Солженицын создал образ плюралиста-русофоба.

Нет же, «вся растрava между нами» не в ненависти плюралистов к России и русскому народу. Это лажа Солженицына — это он сплющил плюрализм в русофобию. У нас с Солженицыным различное понимание любви и ненависти. И границы проходят даже не между эмиграционными журналами, а внутри них. Не случайно в перечне своих противников Солженицын опустил «Континент». В «Континенте» можно прочесть статьи солженицынцев. Но ведь и Сахаров — член редакции этого журнала. И не он один представляет в «Континенте» правозащитное движение и отстаивает право личности на свою мысль. Солженицын, как впрочем и многие из «плюралистов», стремится обойти этот факт.

В 1974 г. Сахаров откликнулся на письмо «Вождям Советского Союза», и в свойственной ему уважительной к каждому человеку манере, сказал о ряде ошибок Солжени-

цына, сближающих его программу с позицией советских вождей, в частности — Сталина.

Позиция Сахарова в целом представляет то лучшее, что есть в правозащитной борьбе, то, что Солженицын относит к плюралистическому легкомыслию и русофобии.

Но Солженицын, вздыхая по «крупным фигурам», предпочитает расправляться с теми, кого обзывает «гномами». Например, по вопросу о роли идеологии в становлении советского режима, он делает вид, что не помнит близких Шрагину и Михайлову высказываний Сахарова: «Сталин совершал свои преступления не непосредственно по идеологическим мотивам, а в борьбе за власть в процессе формирования общества нового, „казарменного“, по определению Маркса, типа». Для современных вождей Сахаров считает «характерной идеологическую индифферентность и прагматическое использование идеологии». В частности, Сахаров напоминает Солженицыну о прагматическом использовании церкви: «Сталин во время войны и до самой смерти допускал „прирученное православие“».

«Религиозно-патриархальный романтизм» все более заслоняет Солженицыну опасность утилизации Советской властью православного (и всякого иного) фашизма. Об этой опасности пишут «плюралисты» — и это Солженицын рассматривает как клевету на православие и оправдание коммунистической идеологии.

Уведен в скрытые цитаты и Галич, бывший при жизни членом редколлегии «Континента». «Как надо» в «Наших плюралистах» — из Галича:

А бойтесь единственно только того,
Кто скажет: «Я знаю, как надо!»

Солженицын спрятал плюралистическую мысль Галича за чьей-то цитатой и к тому же оглушил ее от себя.

Если в явной дискуссии с Сахаровым Солженицын говорит о заблуждениях Сахарова уважительно, то полемизируя с ними «скрыто», он позволяет применять к ним те же приемы, что и в отношении прочих «гномов».

Примером могут служить топорные насмешки над «всемирным правительством» Михайлова в «Наших плюралистах» и более пристойный тон в интервью токийской газете «Йомиури» о подобных высказываниях Сахарова.

По отношению к Сахарову Солженицын однако тоже использует нечестный прием, изображая его и в «Бодался теленок с дубом», и в последующих текстах наивным Иванушкой, которым манипулирует еврейская и «плюралистическая»... (Оставлю Солженицыну удовольствие проставить существительное).

Одна из самых опасных амальгам Солженицына — смешение народов и соответственно разнонациональных «плюралистов». На ней остановлюсь особо, т. к. Солженицын претендует, как минимум, на представительство вымирающих славянских народов. Претендует безосновательно, т. к. смотрит на историю с русского дерева.

«Жандарм Европы Суворов, реакционер Кутузов» (из перечня ушел в осадок царь Петр I...) — из Покровского 20-х годов? Спросите любого поляка, слева направо, и он, не зная Покровского, скажет: «жандарм». И похуже скажет. О Кутузове хуже скажет любой крымский татарин, знающий свою историю.

Одним ближе в национальном вопросе позиция большевиков в 20-е годы, вынужденно интернационалистская, другим — позиция 30-х, сталинская, с культом прогрессивных царей и завоеваний.

Но ведь не только при Сталине, но и при Александре Освободителе депортировали чеченцев. Те же крымцы свидетельствуют о депортациях их народа, проводимых христианствующей и философствующей Екатериной II, введенной в госдокументы неюридическое «по совести».

Относительно совести.

Даже славянофил А. Хомяков (не чета Шарапову!), разрабатывавший фантазии о России-избраннице, орудья Бога, поставил предварительным условием исполнения ею своего назначения покаяние. Без встречных исков. По совести А. Хомяков повторяет все «русофобские» высказывания плюралистов (любовь? Но ведь ни у Хомякова, ни у Солженицына нет копирайта на любовь к своему народу):

В судах черна неправдой черной
И игом рабства клеймена
Бесчестной лести, лжи тлетворной
И лени мертвой и позорной
И всякой мерзости полна!

Это о России. А вот о совести:

И раны совести тлетворной
Елеем плача исцели.

Что уж говорить об украинском христианине-славянофиле Т. Шевченко. Шрагин — по Солженицыну — повторяет ленинскую мерзость о «России — тюрьме народов» (кстати, никто не отрицал, что среди заключенных — и русские). Да ведь это было общим местом литературы XIX-XX веков. Шевченко сформулировал эту мысль жестче: «Москалі і світ Божий в путо закували».

Он не был образованцем, хотя и позволял себе революционно-демократические высказывания. Не был он и русофобом, скорее «москалефобом», т. е. ненавистником русской солдатчины, русского империализма и крепостничества. Не о Советском Союзе и не маркиз де-Кюстин, а бывший крепостной Шевченко в ответ «Клеветникам России» Пушкина писал:

А тюрм! а люду!.. Що й лічить!
Од молдаванина до фіна
На всіх язиках все мовчить
Бо благоденствує!

Украина перед злосчастливым присоединением к России имела поголовно грамотное население, перед отъединением в 17-м году — почти поголовную неграмотность.

Трудно не согласиться с тем, что Столыпин был одним из немногих государственных мужей России XX-го века. Но для всех украинцев, не считая малороссов, это фигура одиозная. «Енциклопедія українознавства» так формулирует эту украинскую точку зрения: «Столыпин проводил антиукраинскую политику», «В результате политики Столыпина был закрыт ряд „Просвіт” (т. е. общественных просветительных организаций) и украинских газет, преследовалась украинская культура, запрещено было отмечать 50-летие со дня смерти Т. Г. Шевченко и т. д.»

Столыпин дал прекрасную формулу своей политики: «Вам нужны великие потрясения, мне — великая Россия». Последнее не входило в первоочередные задачи украинцев. Вот почему украинцы Москвы и Петербурга приняли активное участие в «Феврале», а русскую Октябрьскую социалистическую превратили в Украинскую национальную революцию. Голод 32-33г. и тотальное уничтожение украинской интеллигенции в 30-40-х годах — результат поражения *нашей* революции, того, что «мы» опять попали в имперский котел.

Голод 33-го года проводился под аккомпанемент отмены политики украинизации, отмены заблуждений школы Покровского и перехода к школе имперской историографии с культом Суворовых, Кутузовых, Петров I и Иванов Грозных.

Для русских ныне — 3-я волна исхода из России. Для нас — 4-я. У нас другое исчисление времен. Для русских важен вопрос: продал ли Ленин Украину в Брест-Литовске? Для нас в Брест-Литовске был подписан вынужденный договор Украинской Народной Республики с Германией (с вынужденного согласия красной России). Если в России было два основных лагеря, два полюса: белые и красные, то войска У. Н. Р. вынуждены были бороться с белыми и красными и со своей атаманщиной. Для «белого» М. Булгакова Петлюра был «антихристом», для петлюровской Украины было два, белый и красный, «антихриста».

Да, красная Россия оказалась пострашнее царской. Но ведь не большевики построили Ленинград на казацких костях, а Петр — Петербург. «Людоедами» считал русских царей *наш* Шевченко — и не сделал *ни одного* исключения.

Да, большевики гнусно расправились с русской церковью. Но мне кажется, никто циничнее не надругался над церковью, чем Иван Грозный и Петр I (пьяные святотатственные оргии Ивана, всешутейный Собор Петра). Это они переломили хребет независимой церкви.

И не от них ли, этих царей, любовь большевиков и Сталина персонально к циничным театрализованным спектаклям истории? Ведь не в советское время создали на Украине первые Потемкинские деревни?

Вот как видится (вкратце) с украинского исторического дерева история русской дубравы. Может ли Солженицын представлять точку зрения славянства? У Солженицына

узкоимперская точка зрения. Увы, ею нередко заражены и его противники. Выражая русскую точку зрения на события, они нередко выдают ее за общечеловеческую.

Узкоимперская точка зрения неизбежно приводит Солженицына к противоречию с самим собою и создает опасную близость с позицией части советского аппарата.

Но и претензия Солженицына на выражение полноты правды русского народа не обоснована. Правозащитники выражают тенденцию воскресающей вольной русской мысли к ненавистному Солженицыну формализму, юридизму, т. е. к тому самому правовому сознанию, о необходимости развития которого Короленко писал как о самой насущной для России. «По совести» вместо «по закону» очень широко использовали большевики. Правозащитники ведут просветительскую работу среди народа, который никогда не знал, что такое демократическое право, закон, юриспруденция. Солженицын орудует в политической сфере образами, правозащитники (напр., Чалидзе) пытаются разработать русскую политическую терминологию, понятийный аппарат политического мышления, спутанный коммунистами.

Плюралисты своей издательской работой пытаются внести хоть немного света, ясности картезианской, европейской в народ, замороженный своими вождями. Понятийной ясности и толерантности не достает и нашей интеллигентской «растраве», то бишь полемике.

Плюралисты (я говорю об идейных людях) стремятся смягчить будущий слепой кровавый бунт — Солженицын давно ведет кампанию против «образованцев», создает карикатурный образ либерального интеллигента, диссидента.

Плюралисты — просветители (далеко не всегда на уровне задач политического просвещения), Солженицын — пророк, и пророк — не добрый.

Соглашаясь с большей частью его обвинений интеллигенции, я вижу большее зло в идеях и методах солженицынской публицистики.

Да, конечно же, обе стороны — советские, и выражают собою пороки советского воспитания. Поэтому так легко обращается любое солженицынское обвинение «плюралистов» на него самого. И обратно.

Но Солженицына и его «сторону» роднит с Советской властью нечто более фундаментальное, чем образованцев-плюралистов.

Это прежде всего солженицынский коллективизм — групповые истина, мораль, вина и покаяние, групповые способ мышления и стилистика.

Понятие хора, собора, неслиянности и нераздельности голосов в этом хоре практически недоступно Солженицыну. У него мирское мышление круговой повинности и круговой ответственности. Хотя он и выступает в «Архипелаге» против классовой и национальной судебной ответственности, но сам мыслит в той же коллективистской плоскости, что и советские вожди.

Отсюда, например, замена сахаровского точного определения «круговая порука общего греха лицемерия» на менее точное — «система всеобщей присяги лжи» (у Сахарова — «присяга на верность»).

Отсюда же манихеистическая тотемизация мира своих и чужих.

И это объясняет природу солженицынской лжи. Это ведь и не ложь даже, а свойство его системы видения мира. Амальгамы неизбежны при тотемическом разбиении мира. Все враждебное принадлежит к одному классу явлений «не-мы», «они», все «мое» принадлежит к позитивному классу «мы», «наша сторона».

«Они» однородны и взаимозаменяемы. Их позитивы есть негативы для «мы». Индивид — репрезентант, образец группы «мы» или «не-мы», а потому он — символ, который можно заменить любым иным синонимичным ему («образованцы» ныне «плюралисты»).

Сама ложь Солженицына искренна, так как это ложь «мы», т. е. «Божья правда». Все, что противоречит правде «я — мы» есть ложь.

Даже ошибки «я — мы» в конечном счете истинны, т. к. это вехи пути к Божьей правде. Ошибки «не-мы» изобличают группу «не-мы» в ее дьявольской сущности («гномы»).

У советских вождей иное представление о «мы»? Но так ли уж?

Классово-тотемическое давно уже стало переходить в национально-тотемическое. Презрение к образованному слою,

к секуляризованной мысли — общее у Солженицына и вождей. То же в отношении к формализму, юридизму и прочим добродетелям западного индивидуализма...

Увы, личность Солженицына ярко демонстрирует, что коммунистам удалось существенно задержать развитие личностного начала на территории Российской империи. Хуже того, они отбросили зарождающееся личностное начало ко временам родо-племенного неличностного, мирского, доиудео-христианского нерасчлененного, несекуляризованного допонятийного сознания. И закрепили эту регрессию. Если письма правозащитников к совправительству являют собой смесь остатков старых иллюзий «оттепели», страха и иронии, то солженицынское письмо «вождям» демонстрирует общий им коллективистский тип мышления. И вожди, и Солженицын — плоть от плоти «народа», «массы». Отсюда наивная солженицынская вера в то, что достаточно только отменить чуждую «народу» идеологию, занесенную с Запада, и... все проблемы будут разрешены. Даже отказ от завоеваний он связывает с идеологией — как будто царская Россия шла не по тем же стратегическим линиям — через Кавказ и Среднюю Азию в Персию, Китай, Индию и к славянским братьям на Запад, попутно прихватывая прибалтов, молдаван и всех иных христиан и нехристей.

Суть полемики Солженицына с «диссидентами» совпадает с сутью противостояния диссидентов с властью. Диссиденты — возрождающееся личностное сознание, выражающее бессознательные или несформулированные вслух мотивации *индивида* массы, различных слоев ее.

Солженицын полуосознанно выражает всеобщее-массовое, коллективно-бессознательное, миф народа о себе и мире. В этом смысле правы те, кто связывает его с Хомейни. Более точно определил Солженицына-идеолога Сахаров: «Программа Солженицына — это скорее мифотворчество, чем реальный проект, но создание мифов не всегда безобидно, особенно в XX веке, жаждущем их. Миф об «отстойнике» для русской нации может обернуться трагедией».

Ныне солженицынская мифотворческая установка развивается в антиинтеллигентский миф, а реалистическая

критика безволия Запада сочетается с антизападным мифом. В этой же мифотворческой направленности кроется отгадка того, что великий писатель, столь много сделавший для разоблачения советского тоталитаризма и его мифологии, в качестве публициста роковым образом приближается к психоидеологии этого тоталитаризма.

Коллективное бессознательное дает Солженицыну огромную силу художника. И оно же затемняет его мысль и слово в публицистике.

В «Архипелаге» Солженицын выразил ужас народа перед делом рук своих, Октябрем. Солженицын-публицист выражает коллективные страсти гнева и мести. Ах, если бы Солженицын был достоин своего таланта, если б он был действительно христианином! Он мог бы в этом случае сыграть положительную роль в ожидающих нас межнациональных и социальных распрях. Да и в связи с угрожающей всему миру III-й мировой войной его предостерегающий голос был бы услышан лучше и здесь, на Западе, и там — обслуживающим персоналом «вождей».

ЛЮДМИЛА АЛЕКСЕЕВА

**ИСТОРИЯ ИНАКОМЫСЛИЯ
В СССР**

Новейший период

KHRONIKA PRESS, 1984

ВОЕННАЯ ДИКТАТУРА — ПУТЬ К ДЕМОКРАТИИ?

«А все-таки жаль, что кумиры нам снятся по-прежнему
и мы иногда все холопами числим себя.»

Булат Окуджава.

В конце прошлого года французская газета «Фигаро» опубликовала интервью, которое взял ее комментатор Патрик Вайсман у известного правозащитника из Советского Союза Владимира Буковского.¹ Многое в ответах В. Буковского может показаться спорным, но одна часть интервью, мягко говоря, удивляет. Это то место, где Буковский утверждает, что «*путь к либерализации советской системы обязательно* пролегает через фазу полновластия военных» и что «*военная диктатура в СССР — по его категорическому мнению — была бы благом* для советского народа» (подчеркнуто мною — В. М.), поскольку «военные должны будут начать с разрушения двух основных столпов, на которых держится система, т. е. партии и КГБ», и в результате, де, система долго не протянет.

Трудно понять, каким образом подобные утверждения можно согласовать с принципами правозащитного движения, активным участником которого так долго был Владимир Буковский. Возможно Буковского вдохновляет пример португальской «революции гвоздик»? Но там переворот, совершенный под руководством офицеров, вовсе не привел к установлению военной диктатуры. Военные диктатуры были действительно установлены в Чили, Аргентине и Турции, и в двух последних странах военные режимы недавно уступили свое место демократически избранным правительствам. Не хочется верить, что правозащитник считает для своего народа *благом* подобный путь к демократии. Но вопрос не только в моральности или аморальности подобного подхода.

1. Газета «Фигаро» от 16. 12. 1983г.

Военные диктатуры в Аргентине и Турции были установлены тогда, когда правительство теряло контроль над положением в стране и ей угрожала анархия (или, во всяком случае, так могло показаться). В Советском Союзе ничего подобного нет. Это страна с жестко централизованным управлением. Военная диктатура в советских условиях еще больше ужесточит полицейский режим, окончательно превратив страну в казарму.

Буковский считает, что военное командование будет стремиться уничтожить КПСС и КГБ, поскольку армия — это «специфический элемент в системе власти, сила, имеющая свой собственный интерес». Но в чем же заключается этот особый интерес военного командования? Неужели в том, чтобы разрушить основы тоталитарной системы, установить в стране демократию, вести более миролюбивую политику, а значит сократить армию и расходы на вооружение (тем самым поставить под угрозу собственное благополучие)? Да нет же — интерес у генералов простой: «Пушки вместо масла!»

Чем партия и руководители советского государства могли обидеть командование вооруженных сил?

Тем, что послали в Афганистан сто, а не пятьсот тысяч убийц. Тем, что хотя и огромные, но не соответствующие аппетитам военных средства на вооружение дерут с нищего уже народа. Тем, что время от времени ведут, хотя и не искренне, переговоры с Западом о сокращении вооружений, вместо того, чтобы еще сильнее разжигать военный психоз (без которого невозможны рост популярности и усиление власти генералов), еще энергичней воспитывать ненависть к Западному миру (для них Запад — лишь потенциальный противник), еще решительней бороться против его «тлетворного влияния» (а значит, и против либеральных и демократических идей).

Возможно, Владимир Буковский рассчитывает на патриотические чувства советских офицеров и генералов? Думаю, что эти расчеты необоснованы. Офицерство действительно является весьма специфической частью советского общества (солдаты никаких особых «армейских» интересов не имеют — они заинтересованы лишь в том, чтобы более-менее благополучно «прокантоваться» 2-3 года службы и поскорее вернуться домой: «дембель» для них — что конец срока для зэка). Для

офицера и генерала вся жизнь подчинена воинскому уставу, согласно которому все права принадлежат начальнику, а подчиненному оставляют только обязанности. Уже одного этого достаточно для того, чтобы воспитать психологию неуважения к обществу равноправия, к демократии. Живут офицеры чаще всего обособленно, реальной жизни не знают. Все они — члены партии (в большинстве — ортодоксы): изменение духовного климата в стране их касается очень мало. Коммунистическая и империалистическая пропаганда в армии — во много раз более интенсивная, чем «на гражданке». Читать офицерам некогда (их рабочий день фактически не нормирован) да и не интересно — все это так далеко от их повседневной жизни. Солдат офицеры ненавидят, и те отвечают им тем же. Ненависть к солдату — это часто не просто негативное отношение к конкретному человеку, но выявление неприятия того мира, откуда солдат пришел и куда уйдет после демобилизации, — более свободного мира «гражданки» (и вновь напрашивается параллель с лагерем — с отношением тюремщиков к заключенным). Серая, скучная, однообразная жизнь офицера порождает агрессивность, направленную прежде всего против тех, кто считает огромную армию паразитом общества. Возможность самоутвердиться офицерство и генералитет видят лишь в новых военных авантюрах. Эти настроения подогреваются и постоянно раздуваемым пропагандой (особенно в армии) военным психозом.

Сказанное здесь — не плод умозрительных размышлений, а выводы, сделанные на основе личного опыта. Несколько лет пришлось мне служить военным врачом. В августе 68-го среди многих десятков знакомых офицеров — моих сослуживцев — не было *ни одного*, кто бы хоть как-то сочувствовал чехам и словакам. Абсолютно все они были убеждены, что советская оккупация суверенной страны — акция правильная. В то же время среди «гражданских» я встречал довольно много людей — даже не диссидентов — для которых день 21 августа был днем позора — днем, когда исчезли последние иллюзии.*

* Несомненно, среди офицеров и генералов были и есть люди, готовые встать на защиту прав и свобод своих сограждан, такие как

Но дело не в моем субъективном опыте. Объективно «патриотизм» советских офицеров и генералов воспитан на империалистических идеях. Примеры для подражания — полководцы советской (в прошлом — российской) империи, воевавшие за ее расширение, за ее безграничное могущество. Шовинизм, презрение к другим народам (к нерусским народам самой империи да и ко всем остальным) — обязательные составные этого весьма специфического «патриотизма». Заставить весь мир бояться советского могущества, уважать «русский штык» — вот цель, которой служит генералитет Советской Армии. Коммунистическая идеология этому вовсе не помеха, как не помеха — наличие органов госбезопасности. Напротив, и партия и КГБ генералам, воспитанным этой партией, крайне необходимы. Эти столпы режима они вовсе не намерены разрушать. Как КГБ при Андропове в борьбе за власть стремился не к ликвидации существующей структуры, а лишь к тому, чтобы добиться в ней руководящих мест, так и генералы, если захватят лидерство, будут стремиться не уничтожить аппарат партии и КГБ, а подчинить их своему контролю, устранив тех, кто считает, что не только кулаком, но и обманом, и хитрым маневром (учитывая реальную ситуацию) можно достичь мирового первенства.

В обстановке все более обостряющегося политического и экономического кризиса советской тоталитарной империи, в условиях жестоких репрессий КГБ против либерально-демократической оппозиции угроза военной диктатуры в СССР многим кажется действительно реальной. Эта угроза беспокоит и влиятельных общественных и политических деятелей Запада (в те же дни, когда Буковский давал интервью «Фигаро», тревогу в связи с активизацией военной группировки в СССР выразил Президент США Рональд Рейган), и демократически настроенных людей в Советском Союзе (см., например, самиздатскую статью А.Кронидова

генерал П.Григоренко, инженер-майор Г. Алтунян, но это лишь отдельные люди — исключение, подтверждающее правило.

«Сколько просуществует Советский Союз?»²⁾). Это беспокойство вполне понятно, поскольку победа военной диктатуры в СССР будет не *благом*, а страшной трагедией. Трагедией не только для народов Советского Союза, которым диктатура принесет еще большую нищету и еще более жесткий полицейский режим — режим казармы, но и для всего мира. Прямолинейная «политика кулака», необузданная агрессивность генералов наверняка приведут к новым афганистанам и многократно усилят опасность катастрофы III мировой войны, грозящей гибелью всему миру.

Беспокойство понятно. Непонятно, почему в числе тех, кто приветствует возможный приход военной диктатуры оказался правозащитник Владимир Буковский. Допустим, что Буковский рассматривает военную диктатуру как необходимое зло (зло, правда, никак нельзя назвать *благом*), как трудный этап на пути к будущей демократизации. Но в этом случае он должен был бы ответить по крайней мере на три вопроса:

1. Почему интересы армии настолько остро противоречат интересам партии и КГБ, стоящим у руля тоталитарного, *милитаристского* государства, что военные обязательно должны уничтожить (а не использовать в своих интересах) эти «столпы» режима?

2. Каким образом победа одной из наиболее реакционных и консервативных сил советской системы будет способствовать будущему торжеству прогресса и демократии?

3. Каковы шансы на то, что «временная» победа военной диктатуры в Советском Союзе не приведет к новым войнам и ядерной катастрофе, после чего вопрос о будущем (не только СССР, но и всего мира) вообще никому будет решать?

Ни на один из этих вопросов Буковский не отвечает. Конечно, каждый вправе высказывать любые мнения, в том числе и недостаточно обоснованные. Мысль, лишенная внутренней логики или эмоционального оправдания, пусть

2. «Форум» N 3, 1983г., сс. 155-179.

даже попавшая в средства массовой информации, так и останется пустым звуком. Но, увы, в данном случае ничем не оправданное благословение военной диктатуры в СССР наверняка многими будет восприниматься всерьез лишь потому, что оно исходит от самого Владимира Буковского. Буковскому, на мой взгляд, не мешало бы помнить, что делая подобного рода голословные заявления, он возлагает на себя ответственность, равновеликую своему авторитету.

Тревожит то, что Владимир Буковский не одинок. С победой военной диктатуры в СССР связывает свои надежды значительная часть русской оппозиции, Прежде всего — в эмиграции. Вот, например, часть заявления Исполнительного бюро НТС:

«Военный переворот, как один из возможных вариантов развития, может существенно изменить положение. Он, хотя и не разрешит всех проблем, которые стоят перед нашей страной, может открыть новые пути из тупика. В частности и потому, что именно в армии, в большей мере, чем где-либо, заложено патриотическое понимание государственных интересов.»³

Плохо представляю, откуда НТС стало доподлинно известно, что именно в Советской Армии лучше всего понимают государственные интересы страны (видимо, имеется в виду Россия). Самим генералам продемонстрировать такое понимание в последнее время как-то не удавалось. (Если не считать пространных рассуждений начальника Генштаба маршала Огаркова о том, почему в «государственных интересах» СССР было необходимо сбить пассажирский корейский авиалайнер с 269 людьми на борту.)

3. «Русская мысль», 23 февраля 1984 года.

Впрочем, позиция НТС была вполне предсказуема. Уже в момент зарождения НТС многие из его создателей открыто выражали свою антипатию к «социальным и политическим устоям либеральных демократий» и симпатию к правым диктатурам. Эти «„нацмальчики” пристально всматривались в различные проявления европейского „фашизма”. Они его ощущали как новое явление, посмевшееся избавиться от вязкой политической рутины...» Им нравилось, что «в фашистских рядах боролось „новое поколение политических деятелей, не зараженных предрассудками прошлого”». Им «импонировала в фашизме его широко тогда пропагандировавшаяся „революционность”, причем даже тем членам НТС, которые во всем прочем относились к фашизму критически»⁴. Фашизм и нацизм не оправдали надежд членов НТС — они не стали силой освобождения России от сталинизма. Два тоталитаризма, правый и левый, — Гитлер и Сталин — нашли общий язык. НТС вынужденно занял, нет не место в рядах сопротивления нацизму (и фашизму), а всего лишь позицию «бескомпромиссного нейтралитета». Заявление о нейтралитете было сделано Исполнительным бюро НТС НП в конце сентября 1939 года, сразу же после начала II мировой войны, т. е. тогда, когда Гитлер и Сталин были союзниками, а борьбу против тоталитаризма вели лишь либеральные демократии. Странно, что и сегодня некоторые члены НТС считают «бескомпромиссный нейтралитет» в начавшейся в 1939 году войне между демократией, с одной стороны, и тоталитаризмом, с другой, морально оправданным. В те годы, накануне вторжения Гитлера в СССР (в том числе и на русские земли), руководители НТС полагали, что война может лишь создать «благоприятные условия для переворота»⁵. Нужен был, видимо, только подходящий патриот из генералов. И таким «патриотом» в годы войны стал генерал Власов. Многие (в том числе и те, кто активно не приемлет коммунизма) вовсе не считают Власова патриотом (и не всегда из-за недостатка

4. Н. Р., Об отношении НТС к фашизму в 1930-е годы, «Посев» №1, 1984, с. 49.

5. Там же, с. 52.

информации) и могли бы определить характер его деятельности совсем другим словом, но мне не хотелось бы здесь спорить с НТС-овцами по поводу оценки власовского движения — очень уж разные у нас позиции, да и тема другая. Можно лишь пожалеть, что наиболее организованная и, вероятно, руководимая в общем-то искренним желанием блага русскому народу часть политической эмиграции, связанная с НТС, некритически относится к его прошлому, пусть во многом и объяснимому, но далеко не всегда, на мой взгляд, морально оправданному. Но в контексте данной статьи важно другое: НТС с самого своего зарождения делал ставку на диктатуру и на возможность военного переворота в России как на средство борьбы с коммунизмом. И ему в какой-то мере удалось повлиять на настроение значительной части русской политической эмиграции.

Позиция НТС и В. Буковского по отношению к возможности военной диктатуры в СССР противоречит точке зрения А. Солженицына, который утверждает, что руководство Советской Армии не способно на борьбу против партии и КГБ, т. к. «наши генеральские верхи были (и остались посегодняя) ничтожны, растлены партийной идеологией и корыстью и не сохранили в себе национального духа».⁶ По всей вероятности, в основе подхода НТС лежит предложенная А. Авторхановым гипотеза, согласно которой «материальную базу» коммунистической диктатуры в Советском Союзе составляет нестойкий триумvirат: партия, полиция, армия. Нестойкий потому, что между этими тремя ведомствами существуют антагонистические противоречия.⁷ Других реальных сил в советском обществе НТС не знает, и потому делает ставку на одного из «трех китов» — на армию. Считает, видимо, ее китом наиболее прогрессивным.

Бывший руководитель советского представительства в ООН А. Шевченко отрицает наличие у военных антагонисти-

6. А. Солженицын, Архипелаг ГУЛаг, ч. V, «Умса-press», 1975, с. 35.

7. См. А. Авторханов, Сила и бессилие Брежнева, «Посев», 1979, сс. 35-36.

ческих противоречий с партией. Он полагает, что армия находится в услужении у партocrats, политической власти не имеет (Устинов, по мнению Шевченко, обычный партаппаратчик в военной форме) и к ней не стремится. т. к. не имеет отличных от партии целей. Потребности же вооруженных сил партийная верхушка в основном удовлетворяет. Наверняка, среди советского офицерства широко распространена ностальгия по временам сталинской диктатуры. Но помимо военных в Советском Союзе много других людей тоскуют по сильной власти. То, что страна находится на пороге острейшего политического и экономического кризиса, сегодня очевидно. И очень многие верят, что выйти из этого кризиса можно лишь с помощью твердой руки диктатора. Но эта диктатура совсем не обязательно должна быть исключительно военной. Верхушка партии и КГБ не только все более откровенно выражает свои симпатии к сталинизму, но и пытается восстановить методы управления страной 30-40-х годов.* Никаких политических причин бороться против партократии у военных как социальной группы нет (увеличение оккупационных войск в Афганистане и дополнительные ассигнования на вооружение — все же не повод для военного переворота).

Но тот факт, что армия (как класс) сегодня не имеет особых политических интересов вовсе не означает, что определенные круги армейской элиты — генералов Генштаба, в отличие от основной массы оболваненного офицерства не потерявших способность мыслить масштабно, — не могут разрабатывать или поддерживать идеологию, суть которой определяется не только местом, которое ныне занимает армия в системе коммунистической диктатуры, но и той весьма специфической ролью, которую играла армия в Российской империи. И здесь, мне кажется, Солженицын не прав. Эта часть генералитета проникнута русским национальным

* Крупные советские экономисты считают, что именно управление хозяйством страны с помощью методов 30-х годов и является причиной экономического кризиса. См. Т. Заславская, О необходимости более углубленного изучения в СССР социального механизма развития экономики, «Форум», N 5, 1983, сс. 130-134.

духом, точнее одной из его очень своеобразных форм. Вот и Г. Владимов, совсем недавно эмигрировавший из СССР, пишет, что в генеральской среде есть люди, «которые понимают необходимость исполнения своих национальных задач, угнетены тем, что нет сейчас в России руководящей национальной идеи».⁸

Попробуем представить себе, в чем же могут видеть национальную задачу армии фрондирующие генералы.

Во-первых, очевидно, защита *национальной* идеи в многонациональном государстве означает прежде всего защиту интересов господствующей нации, в данном случае — русских, а они далеко не всегда совпадают с интересами других народов этой страны (в СССР нерусские составляют половину всего населения). Поскольку офицерский корпус Советской Армии на 80% состоит из русских, а 20% офицеров других национальностей русифицированы (хотя бы уже потому, что единственный язык, употребляемый в армии, — русский язык), генералы вполне справедливо могут считать, что вся армия находится под управлением русских. Национальные интересы других народов Союза «суверенных» республик, особенно тех, кто не желает связывать свою судьбу с Россией, представлять (с оружием в руках) некому. Думаю, что именно отсутствие вооруженных сил в национальных республиках позволяет нашим генералам игнорировать интересы нерусских, рассматривать СССР как Россию и говорить о единой национальной идее. Впрочем, армия, находящаяся под русским контролем, — это еще не совсем русская армия. Уже сегодня в вооруженных силах большой процент нерусских (особенно, во вспомогательных частях и в войсках МВД) и, судя по развитию демографической ситуации, он в ближайшие годы резко возрастет. «Защищая»

8. Г. Владимов, Что происходит в стране, «Посев», июль 1983, с. 28.

свою национальную идею, генералы неминуемо столкнутся с национальными интересами нерусских народов, которые все острее ощущают необходимость борьбы за свои права (см. материал о национальных движениях литовцев, эстонцев, украинцев, евреев, грузин, армян, крымских татар и т. д.). Это может привести к национальным конфликтам внутри самой армии. Какое-то время будет работать принцип «Разделяй и властвуй!», но как долго? Национальные проблемы в последней империи мира существуют объективно, и никто не сможет игнорировать их бесконечно.

Кроме того, при определении национальных задач армии в СССР нельзя не принимать во внимание того обстоятельства, что советская (в прошлом — российская) империя — это, как сказал недавно З.Бжезинский, империя особого типа. Не имея каких-либо четко определенных национальных границ, она расширялась от московского центра путем бесконечных завоеваний все новых и новых территорий и покорения народов, многие из которых до этого не имели ни этнических, ни культурных и исторических связей с русскими. «Отсутствие ... национальных границ превращало территориальную экспансию в видимый путь достижения безопасности, — считает Бжезинский. — Но такая экспансия порождала новые конфликты, новые тревоги, а значит, вела к новой экспансии. Так образовался порочный исторический цикл.»⁹

Таким образом, сама история Российской империи возложила на русскую армию особую миссию обеспечения нестабильных границ, которые она должна была не столько защищать от иноземцев, сколько отодвигать на новые земли. В результате представления о национальном интересе России у царского офицера (и имперского чиновника) постепенно размывались и замещались интересами *величия империи*, прямо зависящими от размеров этой империи. Офицерско-чиновничий слой господствовал в России практически вплоть до февраля 1917 года, и это, наряду с другими

9. З.Бжезинский, Советский Союз — мировая сверхдержава особого типа, «Форум», №6, 1984, с.86.

обстоятельствами, способствовало тому, что в русском обществе такое понимание патриотизма получило широкое распространение. Интересы российского империализма в сознании очень многих русских (и кое-кого из нерусских) стали синонимом национальных интересов русского народа. Они нашли свое идеологическое обоснование в лозунге «Москва — третий Рим».

Долг служения внешнему *величию* России стал неотъемлемым элементом своеобразного рыцарского этико-эстетического комплекса офицерской чести. Причем важен был сам факт беззаветного служения царю и империи и не важно то, где осуществляется это служение: при защите Москвы от неприятеля или при штурме восставшей Варшавы. И реставрация монархии в Неаполе, и альпийские походы Суворова, и взятие Эрзерума, и подавление народных восстаний в Польше, Литве, Венгрии — все шло во славу русского оружия.

«Еще ли северная слава
Пустая притча, лживый сон?
Скажите: скоро ль нам Варшава
Предпишет гордый свой закон?
Куда отвинем строй твердынь?
За кем останется Волынь?
За кем наследие Богдана?
Признав мятежные права,
От нас отторгнется ль Литва?..
Победа! сердцу сладкий час!
Россия! встань и возвышайся!
Греми, восторгов общий глас!..
Восстав из гроба своего,
Суворов видит плен Варшавы;
Вострепетала тень его
От блеска им начатой славы!»¹⁰ — писал величайший

из наших поэтов.

Романтизированный шовинизм настолько прочно овладел сознанием русского дворянства, что оказал влияние на дела

10. А. С. Пушкин, Бородинская годовщина; Избранные произведения в 2-х томах, М. 1978 г., т. I, сс. 326-327.

лучших его представителей — декабристов (см., например, «Русскую правду» Пестеля). И великий подвижник Лев Толстой до конца жизни не мог окончательно вытеснить из своего даже не сознания, а подсознания «патриотический» комплекс русского офицера: прекрасно понимая всю бессмысленность русско-японской войны, он все же не мог избавиться от чувства горечи, когда узнал о том, что русские войска сдали японцам совершенно не нужный России китайский Порт-Артур. А ведь это был Лев Толстой. Что уж говорить об основной массе российского дворянства. Подпоручику Краузе было гораздо важнее «умереть под знаменем» (неизвестно за кого и за что), чем участвовать в решении насущных, жизненно важных, проблем русского народа. Эти проблемы подпоручиков не интересовали, так как славы и величия России не прибавляли. Но они существовали. И в революцию булгаковские мышлаевские были искренне удивлены, обнаружив, что «мужик-богоносец» за белыми идти не собирается.

Захват власти большевиками очень многое изменил. Но, как прежде российская, советская империя не имеет (и не может иметь) четких национальных границ и стремится обеспечить безопасность коммунистического Рима, удерживая в повиновении поработанные народы, постоянно расширяя сферы своего влияния и захватывая чужие земли. Вернув офицерам форму царской армии, Сталин вернул им и некоторые старые традиции. А традиции эти народ русский от беды не спасли (не говоря уже о нерусских народах империи), а соседям по разные стороны подвижной советской границы горя прибавили.

Традиция понимания долга перед отечеством как, прежде всего, деятельности по укреплению военного могущества России восходит к средневековью. В XIV-XV веках такое понимание своего патриотического долга служилыми людьми способствовало тому, что Москва смогла освободиться от татарской зависимости и объединить русские земли (но уже очень скоро она начала претендовать и на чужие земли, и национальное русское государство стало превращаться в многонациональную империю). Именно тем, что как раз в Москве наблюдалась в XIV веке массовая

вспышка подобного рода патриотических настроений, объясняет известный советский историк Лев Гумилев возникновение русского государства с центром в этом городе:

«Москва занимала географическое положение куда менее выгодное, чем Тверь, Углич или Нижний Новгород, мимо которых шел легкий и безопасный путь по Волге. И не накопила Москва таких боевых навыков, как Смоленск или Рязань. И не было в ней столько богатства, как в Новгороде, и таких традиций в культуре, как в Ростове и Суздале. Но Москва перехватила инициативу объединения Русской земли, потому что именно там скопились страстные, энергичные, неукротимые люди... И они стремились не к защите своих прав, которых у них не было, а к получению обязанностей, для обеспечения которых полагалось «государственное жалование».¹¹

Думаю, что Л. Гумилев преувеличивает значение одного из многих факторов, повлиявших на то, что Москва стала центром русского государства. Здесь же интересно отметить желание героев того времени по-холопски, не требуя для себя никаких прав, служить московскому государю. В средние века подобная преданность вассала сюзерену была явлением довольно обычным, но все же хотелось бы напомнить, что, почти за два столетия до битвы русских с татарами на поле Куликовом, в Англии рыцари добились того, чтобы их отношения с королем строились на правовой основе. У нас же беззаветная преданность самодержцу (царю или диктатору), в основе которой лежит добровольный отказ «служилых людей» от своих прав и их надежда на мудрость и милосердие властителя, и по сей день является жизненным принципом многих подданных советской (в прошлом — российской) империи, обязательной частью офицерского кодекса чести. Поскольку наши «оппозиционеры» из Генерального штаба принадлежат к той же «русской партии», что и Лев Гумилев,

11. Л. Н. Гумилев, Эпоха Куликовской битвы, «Огонек», 1980, N 36, с. 17.

который явно больше симпатизирует взрывам «энергии, страсти, творчества и даже безрассудства, ведущего к гибели людей, но одновременно и к победе их идеалов и к процветанию государств, создаваемых их подвигами», чем «инерционным фазам» в жизни нации, когда «происходит накопление материальных и духовных благ при снижении мужества, инициативности и жертвенности как норм поведения», то следует предположить, что и они предпочитают «беззаветную» преданность величию Родины защите конкретных прав конкретных людей. Тем более, что гумилевская точка зрения вполне соответствует традициям русского офицерства.* В наше время, когда границы империи давно уже проходят за пределами России, когда военная мощь страны намного превышает потребности обороны, чрезмерная забота о ее величии и могуществе может привести лишь к осложнению и без того сложной международной ситуации, а «безрассудство» при этом грозит гибелью уже не отдельным людям, а всему человечеству.

Путь к демократизации России — это, по моему глубокому убеждению, отказ от претензий на роль сверхдержавы, диктующей свою волю всему миру, отказ от стремления любой ценой удержать в повиновении народы Советского Союза и Восточной Европы, отказ от господства моноидеологии, децентрализация управления страной, радикальные экономические реформы, демилитаризация (включающая значительное сокращение численности офицерского корпуса), установление общественного контроля за соблюдением прав человека, воспитание чувства правосубъектности у граждан.

Все это, я думаю, никак не согласуется ни с «национальной задачей» советских генералов, ни с армейскими традициями, которые несомненно оказали влияние на мировоззрение кое-кого из этих генералов. Отстранить от власти партократию и КГБ вовсе не в интересах армии (как, например, в наше время без моноидеологии и карательных органов поддерживать уважение к бесправию и готовность к жертвам во имя

*Знает русское офицерство и другие традиции, традиции декабристов — свободолюбие и противостояние тиранам, но они, увы, не получили должного развития.

империи?). Да, судя по всему, власть имущие совсем и не боятся «русской партии» и даже видят в ней своего союзника (которого, правда, следует держать в определенных рамках). Примером может послужить уже хотя бы тот факт, что цитируемая выше статья Л. Гумилева была опубликована в махрово советском журнале «Огонек».

Как долго еще русские будут строить планы будущего переустройства страны в расчете на воскрешение старых мифов, в надежде на разумных диктаторов — царей, вождей, пророков и генералов? Демократию нельзя навязать сверху. Демократическое общество — это общество людей, желающих свободно реализовать свои возможности, умеющих отстаивать свои права (не только на кусок хлеба, жилище и профессиональную карьеру, но и на духовное и религиозное развитие) и уважать права сограждан. Т. е. это общество людей, стремящихся быть свободными, и в условиях тоталитарной диктатуры оно обязательно должно противопоставить себя как таковое правящему режиму. В России, в отличие от Польши, Чехословакии или, например, Литвы, такого общества еще нет (ни диссидентское, ни профсоюзное движения еще не стали здесь массовыми), и задача демократической оппозиции — сделать все возможное, чтобы его создать. А задача военных, желающих демократизации страны, должна заключаться, как мне кажется, не в захвате власти, а в том, чтобы помочь общественному самовыражению. И в первую очередь надо добиться того, чтобы армия стала частью общества, а не карательного аппарата тоталитарного государства. Сделать это, по-моему, ничуть не легче, чем совершить военный переворот.

Ориентация НТС на военную диктатуру и «русскую партию» понятна — у этой организации старые симпатии к диктаторским режимам и к «единой и неделимой» Российской империи. Правозащитника Владимира Буковского в таких симпатиях упрекнуть трудно. Его заявление, сделанное в интервью газете «Фигаро», было, думаю, продиктовано чувством нетерпения — вполне объяснимого нетерпения политического эмигранта, желающего как можно скорее увидеть свою родину свободной. И хотя это чувство совсем не трудно понять, не стоит, мне кажется, все же забывать, что в истории России нетерпение так часто приводило к трагедии.

ПОЧЕМУ НЕОБХОДИМА ДЕМОКРАТИЯ?

Часть II. *ДЕМОКРАТИЯ И СОЦИАЛЬНЫЙ ПРОГРЕСС**

На проходившем в марте прошлого года в Страсбурге международном коллоквиуме по проблемам современной демократии, организованном Консультативной ассамблеей Европейского парламента, видные общественные и государственные деятели, юристы и социологи демократических стран Запада обсуждали проблемы функционирования демократических институтов в меняющихся условиях современного общественного развития.

Бывший министр юстиции Норвегии, а ныне Генеральный директор отдела организации и управления в Осло Ингер Валле напомнил слушателям о том, что демократическая система исходит, во-первых, из признания, что каждая личность имеет равную ценность с любой другой личностью, и, во-вторых, из того, что все люди должны располагать равными средствами влияния на принятие политических решений, которые непосредственно касаются каждого. На практике эти принципы реализуются посредством всеобщего избирательного права и предоставленного избирателям права выбирать между программами различных партий. Впрочем, действительно всеобщее избирательное право было установлено в демократических обществах далеко не с самого начала и не без напряженной борьбы. Постепенно снижался имущественный ценз, который прежде давал доступ к избирательным урнам только гражданам с известным достатком, пока этот ценз не был отменен вовсе. Далеко не с самого начала были предоставлены избирательные права и женщинам. И так далее. Но когда всеобщее

* Часть I, см. «Форум»№6.

избирательное право стало, наконец, основополагающим принципом демократических конституций, возникли новые трудности. На них-то и сосредоточил свое внимание Ингер Валле:

«В наши дни существенно переменялась сама природа общества. Некогда простые, сельскохозяйственные общества превратились в очень сложные организации, основанные на использовании изощренной технологии и невиданной по своему совершенству системе коммуникаций. В этих обществах господствуют специализация, профессиональные эксперты, массовые организации и средства массовой информации. Все это поставило человеческую личность перед целым комплексом новых проблем и бросило вызов демократическому идеалу политического равенства. И главный вопрос, который я хочу поставить, заключается в том, как при этих новых условиях можно сохранить демократическую философию равенства и функционирование правительства на демократических основах».

Главная проблема, по мнению Ингера Валле, заключается в том, что избранные гражданами депутаты парламентов и даже члены правительств оказываются не в силах физически справляться со всей совокупностью возникающих перед современными индустриальными государствами задач. Они вынуждены полагаться в своих решениях на информацию и рекомендации, которые предоставляются им бесчисленными специалистами и экспертами. Тем более не могут охватить все это рядовые граждане, рядовые избиратели. Состав парламентов и правительств можно сменить на выборах, но огромный аппарат бюрократии остается. «Министры приходят и уходят, сказал бывший министр юстиции Норвегии Ингер Валле, — но министерства остаются». Невиданно усложняется государственное законодательство. В своем докладе на коллоквиуме по проблемам современной демократии Ингер Валле привел такие сведения:

«Со времен войны мы принимали в Норвегии ежегодно до ста законов и еще к тому же от 600-от до 800-от правил и инструкций. За последнее десятилетие, например, каждый год вводилось от 30-ти до 40-ка правил, касающихся только взимания налогов. Взятые в отдельности, эти законы и инструкции, как правило, направлены на защиту частных интересов либо предприятий и организаций, либо индивидуальных. Я лично уверен, — продолжал Ингер Валле, — что благодаря этим законам и инструкциям многим были обеспе-

чены существующие теперь возможности получать сносный доход, квартиру и так далее. Но, с другой стороны, вся эта масса законодательства влечет за собой переход реальной власти от демократически избранных органов к тем, кто эти законы и инструкции подготавливает и затем практически проводит в жизнь».

Что касается непосредственно обеспечения прав человека в современных демократических обществах, то Ингер Валле указал и еще на одну, по его мнению, очень существенную трудность. В его докладе говорится:

«Одной из важнейших особенностей современных материально процветающих демократий, — по крайней мере в Скандинавии, но не только в Скандинавии, — следует считать то, что классовое общество, где было меньшинство богатых и большинство бедных, превратилось в общество, где большинство составляют граждане с удовлетворительным достатком, а бедные и слабые оказались в меньшинстве. Политические партии при демократии, естественно, ориентируются на интересы большинства. Это отражается и на размещении ресурсов, и на планировании, и на законодательстве. В Норвегии, например, в результате оказываются в неравноправном положении душевнобольные, рабочие-иммигранты и уголовные преступники».

И дело не только в том, что в пользу этих меньшинств не издаются законы и инструкции. Такие законы и инструкции есть в той же Норвегии. Но, как подчеркивал Ингер Валле, их, во-первых, недостаточно, а, во-вторых, бедные, слабые и мало осведомленные люди не всегда умеют ими воспользоваться. В его докладе говорится об этом:

«Вы можете подать заявку на довольствие для своей семьи, на место в детском саду для своего ребенка; на субсидию для покупки оборудования, в котором нуждаются инвалиды, и на другую помощь. Но кто эти люди, которые и достаточно разбираются в подобных нуждах, и способны формулировать их так, чтобы они были понятны самим нуждающимся? — Чаще всего, это — не самые нуждающиеся. Недавно группа студентов-юристов из университета в Осло, которая оказывает бесплатную юридическую помощь нуждающимся, обнаружила, что многие пожилые люди ничего не знают о своем праве на бесплатные усовершенствованные уборные и установку окон в своих домах с современной системой теплоизоляции».

Состояние прав человека при современных демократиях и в странах с авторитарными и тоталитарными режимами, конечно, — совсем разные. Советскому Союзу и его саттелитам, например, пришлось бы пройти еще очень долгий путь до того, чтобы для них стали актуальны те проблемы, которые поставил в своем докладе Ингер Валле. О степени политического и социального равенства, достигнутой в той же Норвегии, людям, которые живут под властью коммунистов, пока что приходится только мечтать. Но и при демократиях предстоит еще многое сделать прежде чем идеалы прав человека совпадут с действительной жизнью.

Доклад юриста Леонардо Деспоя, эмигрировавшего во Францию из Аргентины, где еще недавно правила военная хунта, назывался «Право граждан на участие в принятии решений». Леонардо Деспой сказал в своем докладе:

«Гарантировать защиту прав человека, не обеспечивая при этом необходимых средств для реального участия граждан на всех этапах и уровнях принятия политических решений, — значит заботиться о пустой форме без содержания, значит создавать скелеты, а не живые организмы. Где граждане не имеют прямого доступа к активному участию в политике, там и права человека бессмысленны, там воцаряются пассивность и безразличие. Если рабочие лишены возможности выбирать себе работу и бороться, индивидуально или коллективно, за то, чтобы улучшить и защищать ее, — это равносильно рабству».

Однако, на пути проведения этих очевидных и простых истин в жизнь встречается множество препятствий. Прежде всего, существующие в наши дни тоталитарные и авторитарные правительства не только не желают активного участия граждан в политической жизни, но, наоборот, стремятся сделать все возможное, чтобы свести такое участие к нулю.

«Текущий политический опыт — говорится в докладе Деспоя — дает нам множество примеров таких стран, где под разными предлогами, во имя разных идеалов политические права граждан как бы закладываются на неопределенный срок в морозильник. Оправданием в таких случаях служат: опасность из-за границы, жизненные потребности убыстренного

развития, угроза национальному единству, внутренняя безопасность и тому подобное. Все это призвано обосновать принесение интересов граждан в жертву неким высшим интересам. Граждане считаются при этом неспособными самостоятельно думать подростками, которым лучше положиться во всем на мудрость государственных чиновников. Инициатива сохраняется только за власть имущими; покорность и повиновение объявляются первым долгом всех остальных. Промывание мозгов занимает место информации и диспутов».

Леонардо Деспой, политический беженец из Аргентины, знал, о чем говорил. Но и все другие тоталитарные и авторитарные режимы сходны в одном: их конечная цель — воспрепятствовать своим подданным активно участвовать в политической жизни своих стран. Такое участие, по словам Леонардо Деспоя, неотделимо от демократии.

«Демократия — это кислород, без которого политическая активность задыхается и умирает. Эта активность необходимый базис демократии. Но она предполагает право свободно и без страха обсуждать любые политические вопросы, право критиковать любые правительственные предложения, право поддерживать ту или иную политическую партию или создавать новую, если существующие партии не отражают ваших интересов».

Однако и при вполне развитой демократии до окончательного решения проблемы еще достаточно далеко. Когда-то, в начале развития демократической формы государственного управления, в древнегреческих Афинах, например, высшей правительственной инстанцией считалось «народное собрание», в котором участвовали и голосовали все полноправные граждане. Можно вспомнить в этой связи также и новгородское «вече». Но современные демократии — это не «города-государства». Они занимают огромные территории с миллионами и десятками миллионов граждан. «Прямая демократия» стала физически невозможной. Кажется бы, остается реальной только одна возможность — так называемая «косвенная демократия», т. е. участие граждан в политических решениях через посредство периодически избираемых ими делегатов. В докладе Леонардо Деспоя говорится по этому поводу:

«Общественная практика показала невозможность прямой демократии, но в то же время принятие политических решений

через посредство делегатов несет с собой риск превращения обществ в массу более или менее пассивных индивидуумов, безразличных к общественным делам, склонных не заботиться даже о собственном праве на голосование, подчиненных правительственной элите, с которой они имеют мало общего или вовсе не имеют ничего общего».

Косвенная демократия, осуществляемая через избрание депутатов, которым передоверяется вся политическая инициатива, очень легко превращается в суррогат. Современные тоталитарные и авторитарные правительства, как подчеркивал в своем докладе Леонардо Деспой, часто пользуются этой формой, чтобы создать видимость политической активности граждан и поддержать иллюзию, будто рядовые граждане во всем согласны со своими правителями. Речь идет вовсе не о том, чтобы граждане раз в несколько лет имели возможность опустить бюллетень в избирательную урну. Речь идет о том, чтобы, осознавая конкретную взаимосвязь между государственными решениями и собственными повседневными интересами, граждане имели полную возможность войти в детали обсуждаемых вопросов, защищать проекты, которые представляются им выгодными и справедливыми, оспаривать действия правительства, если они сочтут эти действия неправильными.

«Реальная альтернатива демократии, практикуемой через посредство делегатов, — сказал Леонардо Деспой, — это демократия прямого участия, ибо только при прямом участии пассивные социальные тела, состоящие из изолированных индивидуумов, могут быть превращены в живые организмы, одаренные инициативой и чувством ответственности, способные находить действительно творческие решения своих насущных проблем».

Современные демократии не только вступили на этот путь, но и успели достаточно далеко продвинуться вперед. Демократия прямого и разностороннего участия граждан в политической жизни — это сегодня далеко не утопия. Леонардо Деспой перечислил в своем докладе некоторые статьи «Всеобщей декларации прав человека». Статья 19-ая говорит о свободе придерживаться мнений и выражать их, статья 20-ая — о праве организовывать мирные собрания и ассоциации, статья 21-ая — о праве каждого входить в

правительство своей страны, статья 23-я — о праве создавать профсоюзы и вступать в них. Где бы и когда бы ни упоминались права человека, — говорил Леонардо Деспой, — они всегда подразумевают политическое участие. И, наоборот, там, где граждане отрезаны от живого участия в политической жизни, в ее конфликтах и решениях, права человека становятся фикцией. Демократия отличается от всех диктаторских режимов именно тем, что она не только декларативно признает за гражданами определенные права, но и обеспечивает им реальную возможность пользоваться этими правами на свое собственное благо и, в конечном счете, на благо всего общества.

Но коль скоро право на участие граждан в принятии политических решений признается как право, правительства должны устранять любые препятствия на пути его осуществления. Леонардо Деспой сослался на резолюцию Комиссии по правам человека Организации Объединенных Наций, принятую 17 февраля 1983 года. В этой резолюции было не только провозглашено право граждан на участие в политике, но было также предложено Генеральному секретарю ООН подготовить детальный анализ практических возможностей и путей такого участия. Со своей стороны, Леонардо Деспой разобрал в своем докладе три уровня — или три последовательных этапа — активного участия граждан в политической жизни своих государств. Во-первых, — необходим широкий доступ к политической информации. В докладе Леонардо Деспоя говорится:

«Чтобы рядовые мужчины и женщины имели возможность участвовать в политической жизни своих стран, им прежде всего должен быть обеспечен доступ к различным источникам информации. Им в связи с этим должны быть гарантированы следующие права: право *знать*, то есть право каждого разыскивать информацию о положении дел в государстве, которую он сочтет для себя важной; право передавать другим правду, как он ее понимает; право на открытую политическую дискуссию».

Правительства, — и прежде всего, при диктаторских режимах, — ссылаются на то, что необходимо сохранять секретность в целях обеспечения внешней и внутренней безопасности. Но, если разобраться внимательней объектом

секретности часто оказываются правительственные мероприятия вовсе не связанные с безопасностью. Тайна хранится не от внешнего или внутреннего врага, а прежде всего от собственных вполне законопослушных граждан. И цель этой тайны достаточно ясна: путем зажима информации диктаторские режимы делают невозможным компетентное обсуждение государственных проблем рядовыми гражданами своих стран.

Но доступ к информации — это еще не все. Это еще только первый, хотя и необходимый этап:

«Вся информация, какой бы полной и доступной она ни была, сколь бы ни была интенсивна динамика ее распространения, — сказал Леонардо Деспой, — это всего лишь первый шаг к обеспечению политического участия. И она будет возбуждать лишь мимолетный интерес публики, если не обеспечиваются механизмы *консультации* правительств с гражданами по важнейшим вопросам политики».

Такие консультации часто принимают форму общенародных референдумов. Но и референдумы Леонардо Деспой считает лишь предварительной, а часто и фальшивой формой участия граждан в политической жизни своей страны. Во-первых, при референдумах гражданам лишь предоставляется возможность ответить «да» или «нет» на вопросы, которые не ими составлены. А, во-вторых, если референдумы проводятся слишком часто, население быстро теряет к ним интерес. И этот интерес слабеет именно потому, что люди начинают понимать недостаточность, неудовлетворительность этой формы их политического участия, если она не сопровождается и не дополняется другими. Консультации правительств со своими народами в чем-то ограничивают произвол правящей элиты. Они важны не столько практически, сколько принципиально, поскольку при этом признается и важность, и возможность участия рядовых граждан в политической жизни. Но и это — всего лишь предварительный этап.

Мы вправе говорить, что участие граждан в политической жизни действительно реализовано лишь тогда, когда им открывается доступ к процессу принятия политических решений. В своем докладе Леонардо Деспой говорит:

«Эта форма участия развивается ныне в демократических государствах, которые регулярно проводят выборы, предоставляя всем гражданам возможность выбрать своих местных, областных и общегосударственных представителей в соответствии с программами партий, в которые те же рядовые граждане могут вступать или из которых выходить по собственному усмотрению».

В периоды выборов разворачиваются общенародные дискуссии, охватывающие все самые большие вопросы государственной жизни. Побеждают на выборах те, кто предлагает, с точки зрения большинства граждан, более правильные решения. Но и между выборами борьба различных мнений в парламентах и местных законодательных органах ведется под наблюдением рядовых граждан. Они имеют возможность выразить свою точку зрения своему депутату — либо письменно, либо по телефону, либо при периодических встречах. Избирателям всегда известно, как голосует их депутат, а потому они могут решать, стоит ли избирать его и представляемую им партию на следующих выборах. Перед гражданами демократических государств полностью открыт не только процесс принятия законов, но и практика их проведения в жизнь, и проверка их осуществления, их оценка.

«Политическое участие граждан и демократия представляются, таким образом, нераздельными: демократия — это кислород, без которого политическое участие начинает задыхаться и умирает. — сказал аргентинский юрист Леонардо Деспой. — Политическое участие, с другой стороны, — это существенная составная часть демократии. Право спорить свободно и без страха, право бросать вызов правительственным предложениям, право поддерживать политические партии по собственному выбору или создавать новые партии — без всего этого разговоры об активном участии граждан в политике остаются всего лишь разговорами».

Проблемы социального, политического и экономического устройства общества имеют самое прямое отношение к проблематике прав человека. Доклад представителя «Феде-

рального союза ассоциаций предпринимателей» Западной Германии Рольфа Тушинга назывался «Экономическая жизнь при демократии». Демократию Р. Тушинг определяет так:

«Демократия есть организующий принцип, который обеспечивает законность существующей власти, — не более и не менее того. Это означает, что каждое (и только такое) государство, в котором политическая власть получает законность на определенный, твердо фиксированный промежуток времени посредством свободных народных выборов, предлагая избирателям несколько альтернатив, есть демократическое государство».

Политическая власть, то есть власть правительства, законна лишь постольку, поскольку она наделяется полномочиями свободным решением рядовых граждан, причем эти полномочия действуют всего лишь на определенный срок. Только таким путем правительство получает действительную законность без существенных нарушений прав человека, ибо иначе открывается возможность захвата власти никем не выбранной группой лиц, — причем на неограниченное время, — возможность для насилий и правительственного произвола. Но если, таким образом, принципы демократии целиком и полностью относятся лишь к сфере политики, то это, по мнению Рольфа Тушинга, вовсе не означает, что она не оказывает влияния на другие сферы общественной жизни, — в том числе, и на экономическую жизнь. Определенное устройство экономической жизни, характерное для демократических обществ, должно рассматриваться не как готовая предпосылка, а, наоборот, как следствие применения демократических принципов, как вывод из них. Современные демократические страны отнюдь не одинаковы. Даже политически они существенно различаются по своим конституциям. Не одинаковы они также и с точки зрения организации их экономической жизни. Здесь Рольф Тушинг склонен видеть некоторую аналогию с искусством. В его докладе говорится:

«Как искусство данного периода отмечено специфическими чертами стиля несмотря на все богатство расхождений и различий, так и экономическая жизнь во всех демократических государствах отмечена некоторыми общими особенностями».

В большинстве современных демократических государств — в различных пропорциях — национализированы, то есть поставлены под контроль правительства, либо отдельные предприятия, либо целые отрасли производства. Но все-таки, общее между ними то, что в каждом из этих государств сохраняется частная собственность, а вместе с нею и свободная конкуренция между предприятиями, свободная игра рыночных отношений. Даже национализированные предприятия — в отличие от того, что мы наблюдаем в недемократических обществах так называемого «реального социализма», — вынуждены на равных условиях участвовать в конкуренции с частными предприятиями, стремясь поэтому к сокращению производственных расходов, к максимально высокому качеству своей продукции и в то же время к минимальной ее цене. Именно благодаря присутствию частной собственности, граждане демократических обществ также и в области экономической жизни наделены правом выбора, что им действительно нужно, что действительно соответствует их потребностям, за какую цену они готовы приобретать те или иные товары. В докладе Рольфа Тушинга на коллоквиуме о современной демократии, организованном Европейским советом» говорится:

«Как сама демократия, экономическая жизнь при демократии стремится к динамическому равновесию сил, к плюрализму и к фундаментальной свободе экономической деятельности, которая сопровождается, разумеется, и определенными обязательствами. И частная собственность на средства производства, хотя и подчиненная во многих отношениях социальному и всякому другому регулированию, хотя ни в коем случае не исключая и государственную собственность, тем не менее определяет собою основные характеристики экономической системы всех демократических государств».

Частная собственность на орудия и средства производства поставлена в современных демократических государствах в определенные рамки. Времена, когда экономическая деятельность предпринимателей была ничем не ограничена, кроме их стремления к прибыли, давно и необратимо миновали. Об этом предпочитают умалчивать сторонники так называемого «реального социализма». Государство теперь контролирует и качество производимых товаров, и условия труда на

предприятиях, и влияние производства на окружающую среду, сохранение которой лежит на ответственности правительств. Все это регулируется законами, которые принимаются демократически избранными парламентами. Те же парламенты придирчиво следят за тем, чтобы эти законы проводились в жизнь. Рольф Тушинг говорил в своем докладе:

«Считается общепризнанным, что системы свободного предпринимательства не могут сегодня управляться без направляющей руки государства. И, действительно, во многих странах и отраслях экономики государственное планирование и контроль осуществляется в очень широких масштабах. Но даже в этих случаях, вмешательство идет не столь далеко, чтобы устранить рынок как рычаг экономической деятельности или положить конец существованию частных фирм как автономных единиц принятия решений, или уничтожить конкуренцию. Как раз напротив: — даже государственные предприятия часто оказываются неспособными избежать конкуренции и должны соотносить свои решения прежде всего с рынком и с его силами, в процессе конкуренции с частными фирмами».

Частное предпринимательство, как подчеркивал в своем докладе Рольф Тушинг, не выступает в современных демократических обществах ни как единственная, ни, тем более, как решающая социальная сила. Законы против монополий препятствуют концентрации контроля над отдельными отраслями производства или над экономическими комплексами в руках какой-либо частной корпорации. При современной системе, власть фирм и компаний децентрализована и каждая из них следит за другой, чтобы она в своей экономической деятельности не перешла положенные законом пределы. И, наконец, частное предпринимательство существенно ограничивается и регулируется деятельностью свободных профсоюзов. Это, по мнению Рольфа Тушинга, — чрезвычайно важный фактор.

«Роль профсоюзов при демократии не ограничивается защитой интересов их членов. Наряду с предпринимателями и их ассоциациями, и профсоюзы также имеют организационные функции. Тут, конечно, существуют различия между отдель-

ными странами. Но общее между ними то, что профсоюзы, совместно с предпринимателями, регулируют условия труда. Прежде всего это относится к заработной плате, которая определяется коллективными договорами профсоюзов с предпринимателями. Но, кроме этого, профсоюзы имеют полную возможность входить в детали производственной деятельности соответствующих предприятий. Их слово при решении отдельных хозяйственных вопросов оказывается достаточно веским».

Частная собственность на орудия и средства производства не находится в противоречии с принципами прав человека. Без частной собственности нет демократии. Таков вывод Рольфа Тушинга.

Профессор Миланского университета Флавио Кручиатти в своем докладе «Социальные последствия научного процесса и ответственность ученых за уважение к правам человека» отметил, что стремительные темпы научно-технического развития поставили человечество перед серьезными социальными проблемами. Воздействие этого развития на общественную жизнь становится все более многосторонним и в то же время непосредственным. Массовое внедрение новой технологии выдвинуло новые проблемы, связанные с поисками новых энергетических ресурсов, со здравоохранением, гигиеной и охраной окружающей среды. Возникла новая отрасль знания — социология науки. Прогресс науки и техники поставил человечество и перед социально-политическими проблемами, которые при нынешних условиях транспорта и коммуникаций, приобрели поистине глобальный, всечеловеческий характер. Достижения науки и техники, как отметил в своем докладе профессор Флавио Кручиатти, осуществляется географически неравномерно. Они концентрируются на Западе, в индустриально-демократических обществах, обеспечивая там небывало высокий за всю человеческую историю средний уровень жизни. С другой стороны, существуют страны так называемого Третьего мира, которые считаются «отсталыми», «неразвитыми» или — более лицемерно — «развивающимися». Это — бывшие колонии,

афро-азиатские и латино-американские страны. Именно там наблюдаются самые массовые и жестокие нарушения прав человека. В своем докладе профессор Кручиатти говорит:

«Политические модели „развивающихся стран“ характеризуются в наши дни диктатурами, военными хунтами, или недолговечными, неустойчивыми попытками утвердить демократию; или же они подпадают под иго коммунистических режимов, которые успевают завоевать популярность благодаря своим революционным, но абстрактным и нереалистическим лозунгам. Этим странам приходится выбирать между имеющимися образцами либо демократической, либо коммунистической организации производства и всей социально-политической жизни.

Пример Запада может теперь считаться более привлекательным, — особенно после того, как влияние Советского Союза, которое долгое время оставалось в странах Третьего мира очень сильным, начало переживать серьезные поражения. Причиной этому не столько критика Советского Союза со стороны Запада, сколько глубокий экономический кризис, который возник в этой стране, а также — и прежде всего — явные проявления агрессивности ее внешней политики».

Привлекательность образа жизни западных обществ для населения Третьего мира объясняется тем, что эта жизнь отличается и массовым благосостоянием, и высокой степенью личной безопасности от посягательств государства. Но, как подчеркнул Флавио Кручиатти, перенесение норм демократии в развивающиеся страны наталкивается на серьезные трудности:

«Само использование таких выражений, как „богатые“ и „бедные“ страны влечет за собой путаницу понятий. Воздействие наших обществ и культуры на страны Третьего мира должно осуществляться осторожно и с учетом местных особенностей. Наше влияние, перенесение наших технологических, промышленных и культурных механизмов должны быть составной частью политики свободного развития и социально-экономического самоопределения соответствующих стран. Эти процессы должны проводиться в соответствии с критериями *реальных* потребностей и с учетом уровня развития, достигнутого этими странами. Эти страны должны наладить диалог между собой, основываясь на возобновлен-

ном доверии к своим собственным человеческим и экономическим возможностям».

Профессор Кручиатти напомнил слова Махатмы Ганди, который говорил, что у голодающего есть только одно желание — утолить свой голод. Он готов продать свою свободу и все что угодно за горстку риса. Именно таково, как говорил Ганди, положение миллионов людей в Индии. Для них свобода, Бог или что-либо подобное — пустые слова. Чтобы у этих людей появилось понимание ценности свободы, им необходимо, по крайней мере, сносное жилище и ежедневное питание. Об этом нельзя забывать, когда мы говорим о благах, обеспечиваемых научно-технологическим развитием, о свободе, о демократии, о правах человека. Об этом не должны забывать прежде всего граждане западных индустриально-демократических обществ. В докладе профессора Кручиатти говорится далее:

«Долг и право каждого человека ежедневно трудиться, чтобы увеличивать и укреплять собственное свое благополучие, но эти условия должны сопровождаться попытками распространить это благополучие и на тех, кто им еще не пользуется. Проводить в жизнь этот принцип может быть очень сложно, если учесть все разнообразие критериев, определяющих качество жизни. В данном случае я имею в виду пропасть, которая пролегла между населением современного мира: — между Севером и Югом, между странами Запада, Востока и Третьего мира, когда расточительство нашего общества сочетается с голодом, недоеданием и эпидемиями в других районах земли».

Пропасть, разделившая индустриально-демократические и развивающиеся страны, должна восприниматься нами как результат научно-технологического развития, его неравномерности. В прошлом грандиозные успехи науки и технологии в западных странах были куплены ценой эксплуатации народов Азии, Африки и Латинской Америки. Теперь мы сталкиваемся с неизбежными последствиями. Этот раздел доклада профессора Флавио Кручиатти завершается таким выводом:

«Право на благосостояние — важнейшее из человеческих прав. Оно включает в себя физическое, психическое и

социальное здоровье. Любое нарушение прав человека есть покушение на одно из этих качеств, определяющих собою уровень жизни в различных обществах. Практически любое действие в защиту прав человека, вносит свой вклад в улучшение условий человеческого существования».

Профессор Флавио Кручиатти ни в коем случае не сомневается в величайшей ценности научного знания и его технических приложений. В науке и технике проявляют себя человеческие силы и способности. Технологические нововведения улучшают повседневную жизнь людей. Наука и гуманизм по своей сути неразрывны. В его докладе говорилось:

«Научная деятельность может и должна последовательно развиваться через непрерывный процесс самокритики, основанный на сомнении и неуверенности, порождая непрерывно обновляемый образ самой науки и в то же время закладывая основы для развивающегося знания.

В наши дни роль науки очень тесно связана с политической и экономической ситуацией наших обществ. Поскольку наука производит технологию, она оказывается вовлечена в промышленные и экономические процессы, которые, в свою очередь, зависят от политической стратегии правительств. Изменяя природу общества, на котором она функционирует, наука, с другой стороны, сама подвержена изменениям, которые ей предписывает власть. Власть не только финансирует научные исследования, но и диктует направление этих исследований».

Эта драматическая ситуация, по мнению Флавио Кручиатти, еще больше усугубляется тем, что в среде ученых развивается и даже культивируется безразличие к нравственным и социально-политическим последствиям их деятельности. Создается впечатление, будто ученый может обо всем этом вовсе не заботиться, передоверяя свою ответственность власти и силу имущим. В своем докладе профессор Кручиатти говорит:

«Наше общество серьезно страдает от нарушения равновесия, которое порождает все расширяющуюся пропасть между научно-технологическим и общественно-психологическим развитием. Системы человеческих отношений оказываются не в состоянии сохранять гармонию с системой природы, и эта диспропорция усугубляется. Отрыв от предписаний совести, от этой самой важной из человеческих функций, когда принима-

ются общественные решения, наблюдается на всех уровнях. Недавняя оценка показала, что около 40% всех исследований, проводимых в современном мире, прямо или косвенно связано с военным сектором. Говорить о правах человека в этом контексте представляется просто неуместным.»

Научно-технологический процесс вырождается в чудовище, усмирить которое оказывается не в силах человеческих. Разного рода научные или псевдонаучные теории становятся идеологическим базисом тоталитаризма. Нацистский режим в Германии претендовал на то, что он как будто бы построен на научных расовых теориях. Подобные же претензии на научность своего обоснования предъявляет и советский тоталитарный режим.

«Подобно тому, как в прежние времена каждая армия имела на своей стороне Бога, так и в наши дни каждая политическая система стремится иметь на своей стороне науку», — сказал профессор Кручиатти.

Докладчик подчеркивал, что исключать человеческие чувства из процесса научного исследования — значит исключать из него гуманитарные факторы, исключать этические и моральные соображения, а, следовательно, и критический взгляд ученого на свое место в обществе. Так заглушается голос его совести. Наше время отмечено реальными достижениями демократии. Демократия, — по крайней мере в тех странах, где она успела утвердиться, — поставила политическую власть в зависимость от воли рядовых граждан. Неукоснительное соблюдение прав человека становится общепризнанной ценностью, нравственной нормой, — во всяком случае, на словах, если не всегда на деле. Однако то, что происходит в научных лабораториях, скрыто от контроля общественности. Получая финансовые средства и задания от правительств, ученые очень легко могут оказаться пособниками антидемократических тенденций в современном историческом развитии. В докладе Флавио Кручиатти в связи с этим говорится:

«Исследования в области человеческого поведения, прикладная психология, манипуляции с генетикой, использование счетно-вычислительной техники для накопления информации об отдельных людях и успех ядерной физики, — это всего лишь

отдельные свидетельства того, что ученые безответственны и не думают о социальных последствиях своей исследовательской работы. Мы все это понимаем, но, очевидно, что специалисты этих дисциплин могут сказать на этот счет больше, лучше определив, как можно ограничить пагубные для человечества последствия их научных достижений».

Трагические и опасные для человеческой свободы последствия современного научно-технического прогресса могут быть устранены, по мнению профессора Кручиатти, лишь путем установления действенного контроля над наукой со стороны демократической общественности. Но этот контроль невозможен, если в нем не примут решающего участия сами ученые. Надо поощрять лишь те направления научных открытий, которые действительно способствуют производству товаров, услуг и структур, повышающих качества человеческой жизни. Наука должна восстановить и укрепить свою былую связь с гуманизмом. В заключение доклада профессор Кручиатти сказал:

«Очевидно, что возможно только одно решение: подготовка действенных форм общественного надзора над научной деятельностью, и, в особенности, над ее техническими приложениями. Некоторые ученые уже выступили с такими проектами. Надзор должен быть международным. Международный характер научного содружества позволяет утвердить общие нормы в первую очередь в тех естественных и общественных науках, которые непосредственно воздействуют на жизнь человека. Эти нормы должны покоиться на принципах прав человека. В конечном счете, все научные дисциплины должны быть снабжены этическим кодексом, основанным на общепринятых нравственных стандартах».

Еще не так давно предложения профессора Кручиатти могли бы быть восприняты как вполне утопические. Но не надо забывать, что они были выдвинуты на международном коллоквиуме, проведенном «Европейским советом». А «Европейский совет», эта организация, объединившая западно-европейские демократии, уже многого добилась в области прав человека и гарантий их уважения. Международная солидарность ученых, и совместные усилия соединить научно-технический прогресс с этическими требованиями гуманизма сделали бы впредь невозможной личную трагедию, которая постигла академика Сахарова.

АРХИПЕЛАГ ГУЛАГ СЕГОДНЯ

*М. Горбаль**

ПИСЬМА ИЗ ЗАКЛЮЧЕНИЯ

ПРАВО ЗАЩИЩАТЬСЯ

У каждого народа есть свои пословицы и поговорки. У нашего они тоже есть, и их называют «мудростью народной», так как в них сконцентрирован народный опыт. Я знаю, что «береженого Бог бережет», тем более, что знаю, на каком свете я живу, поэтому ежедневно, насколько это возможно, совершенствовал свою безопасность. Ибо, как говорит пословица, «береженого...» Но с юности я не мог согласиться с такими образцами народной мудрости, чувствовал в них что-то лукавое: «молчи в тряпочку — будешь есть кашку» — не воспринимал я такую мудрость. Еще говорили, что «ласковый теленок двух маток

* Мыкола Горбаль (1941 г. рожд.) — украинский поэт, музыкант, правозащитник. В 1970 г. за свои стихи и поэму «Дума» Горбаль был арестован КГБ и приговорен к 7 годам неволи. 23 октября 1979 г. был вновь арестован и на основании грубо сфабрикованного обвинения «в попытке изнасилования» осужден на 5 лет заключения в уголовном концлагере.

сосет» — и всегда мне такой теленок представлялся хитровато-подловатым, которому безразлично, сосать ли молоко родной матери или другой, лишь бы сосать беспрепятственно и вволю. Конечно, в народных пословицах много мудрого и великого, но они бледнеют в тот миг, когда человек чувствует себя обреченным. А в те часы, когда чувствуешь, что, может быть, ценой собственной жизни не можешь преодолеть собственную слабость — все достижения человеческого разума утрачивают всякий смысл, обесцениваются. Человек должен видеть хоть какую-то возможность для своей защиты, в противном случае он превратится в жалкое или страшное создание. Человек должен иметь право защищаться. И как бы его ни лишали этого права, он будет искать новые способы защиты, чтобы сберечь в себе то, что есть в нем Людского и Божьего.

За полгода до того, как меня упрятали в тюрьму, был арестован мой хороший приятель Юрий Бадзьо. Его обвинили в написании книги «Право жить». Это, как я понимаю, должен был быть фундаментальный анализ теперешнего положения украинской нации. Я не видел этой работы, не знаком с ее содержанием, Юра был настолько осторожен, что не показывал ее даже жене. Но недреманное око КГБ... Изъяли еще в рукописном виде, а его жестоко покарали, чтобы не добивался права жить. Расправа над Юрой — это лишь еще одно циничное подтверждение того, что украинцы лишены будущего, не имеют права на жизнь. А я, пока еще живой украинец, добиваюсь права на защиту. По аналогии с работой Юры, и питая глубокое уважение к ее автору, я называю свою небольшую статью «Право защищаться».

Еще когда я был в Киевской тюрьме, мне посчастливилось получить письмо от одного из моих приятелей по первому заключению. Он сочувствовал мне, обнадеживал, подбадривал, просил крепиться. И я ему очень признателен. Правда, он удивлялся, что в такое время репрессий и при существующей системе судопроизводства я добивался права прибегнуть к помощи адвоката, искал защиты, хотя ведь ясно, что это ничего не изменит, можно было и не стараться, — писал он, — просто нужно было вкратце рассказать свою биографию — кем был, кто ты сейчас, чего добивался. Все стало понятно. Нужно было еще сказать, что в прошлом я политзаключенный, что сейчас имею статус диссидента и что из-за

невозможных условий жизни хотел уехать с Украины. А поскольку власти каждого инакомыслящего расценивают как изменника Родины, то решили со мной расправиться.

Действительно, можно было сказать только это и не растрчивать нервы и энергию, надеясь хоть на какую-то справедливость, надеясь найти хоть одного порядочного человека среди юристов (так называемых советских юристов), тем более, что у меня уже четко сформировалось представление о советском судопроизводстве, и я не имею никаких иллюзий. Я знал, что в Союзе немногим адвокатам разрешается защищать жертв КГБ. А из них лишь двое или трое стараются делать это добросовестно. Одного из них уже лишили юридической практики и требуют, чтобы он выехал за границу (хорошо, что так, а то могли бы отправить в другую сторону). А другим учиняют разные пакости и помехи в работе. Поэтому, как правило, даже хорошие адвокаты не хотят браться защищать людей, расправой над которыми руководит КГБ. Но бывает и так, что ГБ может рекомендовать, а то и обязать каких-нибудь юристов вести защиту. Таким образом они имеют возможность каждый раз проверить сомнительного адвоката на лояльность, а то и унижить его. Как говорят, убить одним выстрелом двух зайцев. Тогда игра в защиту приобретает трагикомический вид, когда и адвокат, и подсудимый оказываются в плачевном положении. Я дважды в жизни пережил такое, когда адвокат изо всех сил старается доказать, что он абсолютно не разделяет взглядов своего подзащитного, что у него нет сомнений в виновности подсудимого: первый раз — КГБ при аресте изъял у меня две общие тетради со стихами; я не отрицал, что тетради — мои и не отрицал своего авторства. И все же следствие велось почти полгода, почти полгода меня держали в подвалах ГБ, возили в сумасшедший дом, пока, наконец, не прочитали обвинение. Следствие велось в таком ключе, что говорили, что я занимаюсь ерундой, что в Тернопольской области тысячи учителей, и никто таких стихов не пишет, что если бы следователь был моим отцом, то надавал бы мне ремнем, чтобы я взялся за ум. Советская власть дала мне образование, а меня вот на стихи потянуло — нет того, чтобы быть благодарным. Вокруг изобилие, все цветет, а ты сидишь тут в подвалах. Нужно браться за ум. Звучало это все по-отечески и с сочувствием. Но когда зачитали мне обвинение, я

ужаснулся. Там я был изображен могучим противником нашего великого государства, враждебно настроенным к нему, что методом написания стихов я стал на путь борьбы с ним. Я отказался это подписать, так как не вел никакой борьбы и не мог считать себя врагом целого народа. И тут следователь сказал: «Ты что, решил и дальше сидеть в этих подвалах? Тебе мало полгода?» — «Но ведь по такому обвинению меня будут судить?» — негодую я. «Если сейчас будешь много разглагольствовать и на суде будешь себе что-то позволять, то известное дело — будут судить. Но я думаю, что пора закрывать это дело и выходить тебе из подвалов да браться за ум, — продолжает следователь. — Недавно мы судили тут одного, работал директором музея, какой-то Герета. Так у него вывезли машину антисоветских книг. Пришлось дать ему условный срок. Сейчас опять работает в музее. А у тебя там две несчастные тетради. Давай, подписывай». Такая логика меня убедила. Я подписал обвинение. Мне дали адвоката. Я на суде не разглагольствую. Церемония суда длилась немногим более двух часов. Мне дали пять лет концлагерей и два года ссылки.

Но не про это речь, а про возможность защиты. Важно понять, что активная защита на суде может пойти во вред даже тем новичкам, которые знают методику репрессивных органов тоталитарных стран. Активно защищая себя на суде, отстаивая свою позицию, никто не облегчил свою участь, а напротив, карали его еще более жестоко, но отбывать эту кару было морально легче. Ты сказал, кто ты, а кто они; подписав тебе приговор, они тем самым подписали его и себе. В тот раз я этого не сумел сделать, но допустить такой промах в будущем я уже не имел права.

Но не буду забегать вперед. При первом аресте ГБ назначило мне адвоката (поскольку я имею право на защиту). Теперь я не сомневаюсь, что это имело целью поиздеваться и над бедным адвокатом. Я заметил, как ГБисты пересмеивались, когда он пришел знакомить меня с так называемым делом. Это был человек, который боялся каждого слова ГБ, боялся меня и, быть может, самого себя. Сама его внешность вызывала смешанное чувство смеха и жалости. Это был бы прекрасный типаж для рассказов Гоголя (если бы Гоголь писал про Галичину). Немолодой человек, невысокого роста, лысый, сутулый, в старом грязном сюртуке, который он

купил, наверное, еще после окончания гимназии. Такое впечатление, что он работал адвокатом еще в Тернополе, еще во времена Австрии, потом Польши — и никак не может выслужиться, хотя постоянно демонстрирует свое верноподданство. И фамилия у него, хоть помещай в книгу — Дармограй. Сколько раз я его нечаянно называл Дурнограй. Не хотел я его обидеть, просто в Галиции часто вместо «задарма» говорят «задурно». По такой ассоциации и вырывалось у меня. Вся его защита на суде свелась к тому, что он сказал: «За написание таких стихов нужно карать, и карать жестоко, но я полагаю, что подсудимый понял свою вину и больше этого делать не будет», за что ему мои родные заплатили 50 рублей, а может быть и больше. Должен уточнить, что он не знал моих стихов, боялся их читать, чтобы его не заподозрили в симпатии к ним. В результате, как вы уже знаете, я получил 5 лет концлагерей и два года ссылки в Сибирь и совсем не жалею, что получилось именно так.

Все эти годы было досадно от мысли, что так покорно позволил им расправиться с собой, хотя от активной защиты могли покарать еще больше. В свое время этот же следователь майор Бидьовка еще одного учителя с Тернопольщины постарался упечь на все 7+5 только за то, что он размножал фотоспособом стихи Василя Симоненко «Курдскому братству» и распространял их, но стойко отстаивал свою позицию на суде. Тяжело поверить в такой произвол, но это факт.

Я все же пришел к убеждению, что при любых житейских ситуациях нельзя допускать лжи, неправды — чего бы это ни стоило. В последнее время я ожидал какой-нибудь провокации и знал, что могут арестовать, обвинив в чем придется. Но я и подумать не мог, что сфабрикуют такое жестокое обвинение. Я чувствовал себя утопленным в болоте лжи. Хоть и видал я виды, но не мог представить, что власти дойдут до такой наглости и цинизма. И только честный и смелый адвокат мог разоблачить очевидную фабрикацию дела, которое лепилось грубо, поспешно и цинично. Я добивался адвоката, так как все-таки надеялся, что смогу передать родным и знакомым, что надо мной совершается несправедливость. Но все получилось наоборот, так как еще задолго до ареста я был приговорен, теперь все здесь против меня. И первое, что я

сказал родным (которых пустили только на зачитание приговора, хотя процесс был открытый), это, что наипозорнейшую роль в этой комедии сыграла адвокат Васютинская. Сейчас я бы этого не сказал, так как она тоже в какой-то мере жертва. А если говорить про вину других людей в этом страшном спектакле, то самую позорную роль все-таки сыграла та девка, которая бесстыдно согласилась на роль лжесвидетеля, да еще те подонки, которые били меня в тот вечер. А адвокату просто не хватало мужества стать на мою защиту. Обидней то, что адвокат позволила использовать себя властями для распускания несправедливых слухов, относящихся к моему делу, хотя в такой же мере она могла обвинить в этом любого из тех, кто считается мне близким человеком — я в этом не сомневаюсь. И то, что при выборе гебистами сценария для фабрикации на меня дела остановились на такой гадкой статье, объясняется не только стремлением очернить, принизить, облить грязью, но и тем, что такое обвинение сейчас может выглядеть правдоподобно. Тут уместно вспомнить место, где я жил в Киеве в то время.

Родом я не из Киева. Как говорят, «пошел в примачки». Конечно, то, что я жил здесь, не приносило благополучия семье. В перспективе тоже не виделось ничего хорошего, ничего стабильного. Наконец, и недостаточный заработок — все это привело к тому, что зимой начала 79 года жена попросила меня уйти из их дома, так как я мешаю жить им с отцом. Тут сказались различия в подходах не только материального толка, но и, прежде всего, социальное неравенство. Это было самое трудное для меня время, я был в самом тяжелом моральном состоянии. Нужно было срочно найти жилье (в этом отношении в концлагере легче). В то время в Киеве, как назло, было очень трудно что-то найти. А при моем статусе долго ночевать на вокзалах было невозможно. И я очень благодарен Павлу Стокотельному, который, узнав про мою неустроенность, предложил мне закуток в своем доме. и благодарен всей его родне, которая бескорыстно и чутко помогала мне.

Такие перемены в моей жизни не могли пройти без внимания ГБ, но, как ни странно, не было никакой реакции, все было спокойно. Однако спокойствие оказалось иллюзо-

рным, а моя успокоенность — наивной. В соседнем доме (у Павла Стокотельного дом 14-а, а это в доме 14) получила квартиру одна моя знакомая по курсам иностранных языков. Я не исключал возможности того, что на курсах был кто-то из сексотов, кому поручено следить за мной, но как раз про эту женщину (Батуру Павлину) не мог подумать. Потом из дела выяснится, что она — юрист по специальности и работает в международном отделе банка! Расчет был на то, что я, оказавшись в таком положении, мог бы не упустить возможности, что одинокая знакомая женщина получила отдельную квартиру, мог забежать к ней, тем более, что, действительно, при каждой случайной, как я тогда думал, встрече приглашала в гости. Я ничего не подозревал, но прошла зима, прошла весна, прошло лето, а дело не продвигалось. Ее приглашениям я не придавал никакого значения, им, видно, не терпелось, тем более, что мои семейные отношения несколько улучшились: я получил вызов на выезд с семьей в США. Жена с удовлетворением приняла эту весть, поскольку тоже хотела уехать. Я не мог представить себе такую ситуацию, чтобы я уехал и оставил здесь сына. Это сильно улучшило наши отношения, и хотя я жил у Стокотельных, но каждый день мог видеть сына. Правда, больше полугода мы не могли сдать документы на выезд в ОВИР из-за отсутствия справки с места работы жены. Я написал жалобу на имя Председателя Верховного Совета СССР, но думаю, что это только ухудшило мое положение, хотя по некоторым признакам я видел, что дело пошло на улучшение. Факты говорят о том, что как раз после этого было вынесено решение расправиться со мной в ближайшее время. В середине октября «соседка» неожиданно настойчиво просит меня уже не в гости, а починить ей освещение в ванной. Поскольку я работаю электромехаником, то почему бы не помочь одинокой женщине, с которой я знаком. Естественно, я пообещал зайти. Пришел в назначенный час и застал у нее еще одну женщину. Соседка рекомендовала ее как подругу. «Подруга» очень обрадовалась моему украинскому выговору, назвала себя моей «землячкой», назвалась Людмилой Наймитенко (на такую «украинку» я уже должен был клянуть). Провокация должна была осуществиться уже тем вечером. Не успел я исправить освещение, как меня позвали к

столу. Вино, водка, закуска. К счастью, я не мог с ними долго сидеть за трапезой. Дома ждало срочное дело, а это не было предусмотрено их сценарием. Я и не подозревал, что таким образом выгадал себе несколько дней воли. Когда 23 октября я возвращался с работы, я на Крещатике встретил уже знакомую Наймитенко. Она сказала, что после работы ходила по магазинам. «Узнав», что я направляюсь прямо к ее подруге, она решила воспользоваться моей компанией и захватить к ней. Уже по дороге, в трамвае, вспомнила, что должна что-то взять для нее. А сама живет тут же рядом у остановки, нужно забежать на минутку. Мы вышли напротив Политехнического института. В деле эта остановка называется «Полевая». Мы прошли маленькой плохо освещенной улочкой метров 50, оказались перед железнодорожной насыпью. Я спросил: «А где же ваше общежитие — там, за насыпью?» — «Нет, мы пришли». — «А куда мы идем?» — «А так, гуляем». Это меня насторожило, тем более, что минуту до этого она просила, чтобы я дал ей почитать стихи, если они у меня с собой. Я сказал, что у меня нет их с собой, тогда она попросила записать ее телефон и, если что-нибудь случится, чтобы я имел ее в виду. После этого я уже не сомневался, что она — сексот, хочет втереться в доверие и что-то выведать, но не мог и подумать, что мне осталось быть на воле всего несколько минут. Вдруг она зажигает папиросу, кладет мне руки на плечи, говорит: «Обними меня». Это было сказано так некстати, так грубо, что я сказал: «Слушайте, я боюсь вас». И это все, что я успел сказать. Из-за насыпи послышался топот ног. «Девушка, это вы звали на помощь?» Два человека скрутили мне руки, повалили и поволокли по земле. Бьют по лицу кулаками, топчут ногами грудь. Я заметил, что поодаль стояло еще двое или трое, один из них с овчаркой. А девица с одним из верзил побежала вызывать милицейскую машину, которая уже, видно, ждала на углу улицы, поскольку приехала без промедления. Меня впахнули в клетку, впереди с милицией садится она и двое «дружинников». Не берусь описать тогдашнего своего состояния. Помню только, что это конец, конец иллюзиям, но какой дикий, гадкий конец! Это был лишь способ ареста; самые неопровержимые доказательства так называемого «покушения» стали ясны позже. В тот же вечер меня уведомили, что «потерпевшая» подала на меня

заявление о «попытке изнасилования». Здравый рассудок говорит, что такие провокации здесь учиняют для того, чтобы засудить, а не выпустить. Но примириться с этой мыслью невозможно. Сразу же указываю следователю на все очевидные факты, которые подтверждают провокацию. Но в следующие дни сценарий меняется, свидетели, которые говорят в мою пользу, исчезают, может быть, переписываются и их заявления, но мне их не показывают. Сознаю, что при таком способе только помогаю фабриковать на себя дело. Отказываюсь принимать участие в так называемом следствии. При зачитании мне санкции на арест прокурор Жовтневого района г. Киева Ломако предлагает мне изменить позицию на следствии, ибо положение мое так плохо, что не нужно самому его усугублять, не нужно чисто уголовному делу придавать какой-то иной аспект: «На вас поступило заявление, и по нему будет вестись расследование. А вот основной документ, который получили сегодня — справка судебно-медицинского эксперта. У нее обнаружена ссадина на шее. Она объясняет, что вы ее пытались душиТЬ». Какая погань! «Ну а чем вы докажете, что это не так? Так что смотрите. А если вы рассчитываете, что кто-нибудь на Западе побеспокоится о вас, — ну и что ж? Пошумят полгода и перестанут, а вам придется сидеть да сидеть. Подумайте».

В этот вечер мне зачитали санкцию на арест. Ужасно, что он был рассчитан уже не на меня, а на других — это бумагу должны были разослать по месту моей работы и родным. И сейчас не могу повторить те гнусные детали, которые будут сочинены во время следствия, а слухи про них, как потом увижу, знакомясь с делом, будут распускаться разными способами среди родных и знакомых. Только те, кто расправляется со мной, знают, как нагло, грубо и поспешно это делается. В такой ситуации хоть чем-нибудь мог помочь хороший адвокат. Но мне во время следствия не разрешено его иметь. Охватывает отчаяние, хоть бейся головой об стену.

Хотя я не принимаю участия в следствии, меня время от времени вызывают в кабинет следователя. Однажды в кабинет входит еще один мужчина, который оказывается коллегой следователя. Явно рассчитывая на меня, он начинает говорить: «Закрываю дело там с одним типом, так он уже четвертый час сидит и что-то выписывает, старается

найти недоделки. Так я ему сделаю». При этом пересыпает свою речь такими словами, что уши вянут. «Вкатим ему на всю катушку, чтобы не был такой умный. Что за дураки! Они же знают, что все в наших руках, что захотим, то и сделаем. Нет, все выискивают!»

На днях мое дело должно закрываться, и из этих слов могу сделать для себя выводы. И тут как будто между прочим, показывая на меня, спрашивает: «А это кто у тебя?» Мой следователь что-то пробурчал ему. «Так вот он какой, этот поэтик. Ты смотри, какая гнида. И что ты с ним нянчишься, я бы ему пулю в затылок и списал как при попытке к бегству». Очень жалею, что не сказал ему тогда: «Благодарю за откровенность и за то, что не умеете лукавить — и я, благодаря этому, имею возможность видеть истинное лицо советского юриста». Жалею также, что не узнал его фамилии. Если нужно, может уточнить следователь Ляшенко. Они, видимо, приятели.

Потом еще долго смеялись, говоря о чем-то своем, с хрустом ели яблоки из одного портфеля. А когда он вышел, я спросил Ляшенко: «Это ваш товарищ?» «Да, — ответил он, — ваше счастье, что вы попали не к нему, а то туго пришлось бы вам». Отсюда я мог сделать вывод, что мне еще повезло. А то, что Ляшенко фабрикует дело, то что поделаешь. Не он, так кто-нибудь другой. А другим мог бы быть вот такой тип. Так уж лучше молчать и смириться с тем, что делается. А то «может быть хуже». Вот это «может быть хуже» стало постоянным рефреном следователя. Как-то он сказал: «Что вы уперлись на своем — ложь, провокация? Все равно вас судить будут, и будете вы сидеть. А то, что вы упираетесь, я представлю прокуратуре и суду как «не способствовал ведению следствия», и от этого вам только хуже будет, запомните — хуже! Годика два-три добавят, это я вас уверяю. Сейчас легко сказать — годика два-три, а вот сядете и увидите, что такое сидеть лишних два-три годика. Так смотрите сами!»

И снова я один на один со своими безутешными мыслями в кошмаре тюрьмы. От всей этой гадости и собственной беспомощности чувствую такую душевную подавленность, что начинаю опасаться за свой рассудок. Не боюсь признаться, что еще никогда не переносил таких глубоких

страданий. Были часы, когда самоубийство казалось единственным спасением от этих страданий. Все попытки, какие только можно предпринять для защиты своей правоты, неожиданно оборачиваются против меня. Лишь сознание того, что мое отчаяние запланировано нелюдьми, заставляет держаться из последних сил. В камере мне все сочувствуют, но утешить никто не может. Обычно мне говорят: «Ну что тебе сказать, Коля, все эти следователи, прокуроры, адвокаты, судьи, милиция — одна банда; что захотят, то и сделают с тобой. Может быть, действительно следует вести себя так, чтобы хоть меньше получить. Все равно ничего никому не докажешь. А так — дадут тебе целых восемь лет. Это же банда, сам видишь».

Где искать соломинку? «А может быть хуже». Как-то следователь сказал: «Вы ее называете лжесвидетелем, человеком без совести, которая из-за какой-то корысти взяла на себя такую, как вы говорите, подлую роль. Но вам бы молчать. Она ведь могла сказать, что вы ее пытались изнасиловать, да еще в извращенной форме, и тогда бы вам грозило от 8 до 15 лет. Но она же ведь этого не сказала». Так выяснилось, что я еще должен быть ей благодарен, т. к. действительно ей ничто не мешало сказать и это, и тогда «было бы хуже». О Боже мой!

Как-то следователь сказал, что друзья нашли адвоката, как будто московского, телефонировали в прокуратуру, когда и где можно ознакомиться с делом. И хотя следователь сказал это с кривой усмешкой, меня это обнадежило. До этого у меня была возможность познакомиться с процессуальным кодексом УССР и убедиться в том, что им мало что удалось сфабриковать без нарушения этого кодекса. Все делалось грубо, в обход закона, стремились убедить третьих лиц в моей причастности к выдвинутому против меня обвинению. Складывалось впечатление, что советские юристы либо ужасающе несведущи в своих законах, либо им наплевать на них. Я про эти свои соображения молчал, надеясь на адвоката, чтобы не насторожить следствие. Но, по закону, адвокат может прийти только после закрытия следствия — тогда мне и сказали, что защищать меня будет киевский адвокат С. Я. Васютинская. Она, как выяснилось, входит в так называемую «золотую пятерку». В камере многие были

высокого мнения о ней, утешали: «Коля, раз уж она взялась защищать, так дело будет. Вот увидишь». Она среди юристов знаменитость и как будто даже награждена орденом Ленина. Это, правда, не очень поднимало ее в моих глазах. И все-таки хотелось поверить в ее человеческую порядочность. Но были и такие высказывания: «Ничем она, Коля, тебе не поможет. Ее заставили пойти на твой процесс, чтобы потом могли сказать: его защищала лучший адвокат Украины. А вести она себя будет так, как ей скажут».

Мы увиделись с ней в день закрытия дела, 19 декабря (день моих именин). Она оказалась высокомерной. С первых же словя почувствовал ее неприязнь ко мне. Да и наивно было надеяться на понимание. Я пришел к ней за спасением, а она пришла, чтобы убить во мне последнюю надежду на спасение. Это тут же и подтвердилось. Она быстро прочитала мое дело. Я еще не хотел указывать на те места, которые говорили в мою пользу, потому что в кабинете был следователь, а я не был уверен, что и после закрытия дела он не станет исправлять свои «недоделки». Кое-что я просто показал ей пальцем. Да и то жалею: на суде уже этих мест не было; и не исключено, что это было сделано с ее помощью. Адвокат может встречаться с подсудимым столько раз, сколько считает нужным. Я полагал, что в следующие дни выберем какую-нибудь конкретную позицию для защиты, так как ее положение тоже следовало учитывать: нужно было допросить других людей, провести некоторое следствие, да и прямых нарушений процессуальных норм в деле была масса. Уже одного этого, при желании адвоката, было достаточно, чтобы свести на нет все их старания. Васютинская, прочитав дело, сказала: «Ну что ж, опускайте крылышки, принимайте новый удар судьбы». Могла бы этого и не говорить. Такого и Дармограй себе не позволял, хоть он далеко не из «золотой пятерки». Адвокату не за такие услуги платят деньги. Нет, я ошибся: таким, как Васютинская, — как раз за такие. На этом ее деятельность закончилась. Хотя и это не совсем так. После этого она должна была еще пустить нужные КГБ слухи относительно дела — она это и сделала. А больше я ее не видел. Жду день, два, три — а ее нет. Пишу заявление в ее юридическую консультацию, что хочу ее

видеть (дело уже передали в суд и процесс могли назначить на любой день). Через два дня заявление мне возвращают — нужен, мол, точный адрес юридической консультации, где она работает. Этого я не знаю. Пишу в суд, что хочу напоследок видеть адвоката Васютинскую. Ответа не получаю. Но неожиданно в камере оказывается человек, который знает адрес этой консультации. Пишу туда. Ответа не получаю. 16 января 1980 г. меня вызывают к адвокату. В кабинете меня ждет незнакомый мужчина. Выясняется, что это адвокат, вызванный, так сказать, по системе скорой помощи, поскольку завтра надо мной начинается судебный процесс, а Васютинская в последний момент отказалась меня защищать. Я сразу ему говорю, что дело сфабриковано КГБ. Как он собирается меня защищать? Он тут же отказывается рассматривать дело в таком плане, машет руками и не хочет и слышать никаких моих разъяснений. Ибо так он не может вести защиту. Я отказываюсь от его услуг.

На другой день меня везут на суд. Адвокат подает заявление насчет моего отвода. А я прошу дать мне возможность еще раз просмотреть дело. Некоторые протоколы переписаны заново, кое-чего, что было при закрытии дела, уже нет. Требую адвоката Васютинскую. Судья говорит, что она сможет прийти завтра. На следующий день я уже не рассчитываю на ее защиту, прошу только засвидетельствовать перед судом факт исправления некоторых протоколов. Ссылаясь на то, что адвокат не может быть свидетелем, Васютинская отказывается выполнить свою обязанность. На этом мы расстались.

Свою защиту веду я сам. Мои письменные заявления, в которых я указываю на фабрикацию дела при нарушении кодекса, суд отказывается приобщить к делу, поскольку этим нарушается регламент суда (оказывается, после «прений» я уже не имею на это права). И все-таки я требую зачитать их иначе секретарь их не запротоколирует. Получаю 5 лет строгого режима. Так что, все «свершилось». Неси свой крест. Каждому — свое. Я не испытываю злобы к адвокатам, свидетелям, судьям, прокурорам. Ибо наивно искать защиты в этом безбожном мире. И все-таки человек должен противостоять злу. Бог именно для этого дал ему волю.

О ЖИЗНИ В УГОЛОВНОМ ЛАГЕРЕ

Незадолго перед тем, как меня вывезли из лагеря ИН-316/53, у моего приятеля Мота Олексы при невыясненных обстоятельствах пропал текст его открытого письма, адресованного украинцам свободного мира и землякам на Украине. Своим замыслом написать такое письмо он со мной не делился, а сказал о нем уже после того, как письмо пропало. Осознав катастрофическое положение Украины, Мот решил хоть как-то привлечь внимание мира к этой проблеме, или хотя бы бить тревогу, обращаясь к сознанию украинцев.

У меня не было сомнения, что пропажа письма — работа лагерных шпиков, т. е. я знал, в чьи руки попал текст. Было больно за приятеля, что этот благородный огонь не удалось донести людям. Кажется, это стало основной причиной того, что меня со временем перевели в другой лагерь, а его, как мне позднее стало известно, отправили в сумасшедший дом, где держали больше 4 месяцев. После активного «лечения» какими-то страшными уколами он, — как рассказывают очевидцы, — возвратившись в лагерь, около двух месяцев даже не узнавал знакомых людей. (Есть вести, что теперь снова работает токарем). Вот так расправляются с пробудившимся сознанием.

На новом месте я сначала работал в ремонтном цехе, в первом отряде — т. наз. «сучий отряд». Нестерпимо тяжелая атмосфера. В прямом смысле мне не позволяют не то что выйти из цеха, а даже отходить от станка или разговаривать с другими заключенными. Один доброжелательный человек сказал: «Будь осторожен, тебе только в вашей бригаде бросили на хвост восемь человек». Наконец меня в июне перевели в карьер на «ручную теску гранита». Как сказал начальник колонии, «администрация считает нужным перевести на более тяжелый труд». Официальной причиной послужил «самовольный уход из локального участка отряда»: в субботу после работы зашел в лагерную школу к художнику, хотел попросить пару цветных карандашей — приближался день рождения сына и хотелось нарисовать ему какой-нибудь рисунок. Тут меня и застал лейтенант Карипов.

В карьере работа тяжелая. Устаю. Одна отрада: солнце и воздух. Не знаю, правда, как смогу перенести зиму. Но

тяжелее всего морально, временами кажется, что не хватит сил постоянно абстрагироваться от постылого окружающего, настолько оно в разных проявлениях ежедневно дает о себе знать. Страшно утратить веру, извериться, хотя все делается для этого. Есть слухи, что этот лагерь среди сурового режима жесточайший на Украине. Администрация груба, ее язык — сплошная непристойная брань. Позволяют себе бить заключенных и чаще всего для собственного развлечения, зная о безнаказанности. Подчеркнутая враждебность к верующим. Офицеры при всех срывают крестики с груди заключенных. Ко мне не пропускают ни одной открытки, которую хоть как-то можно было бы мотивировать как религиозную. Да это мелочи по сравнению со всеми надругательствами и унижениями, которые переношишь тут ежедневно (а еще два года, два долгих года в этом лагере). Апеллировать к их совести нет смысла, так как чем дальше, тем больше убеждаешься, что они ее либо не имели вовсе, либо она у них атрофирована. Помолимся о силе выстоять и не утратить веры. Помолимся.

Отсюда лишь очень мизерной части удастся выйти на т. наз. «химию» или поселение. Меня еще в 53-м лагере, как окончилась 1/3 срока, вызвали на административную комиссию, но «не сочли нужным ходатайствовать перед судом об отправке на «химию». А тут даже не вызывают по этому поводу, хотя официально должны бы каждые полгода, и я полностью, по их же статьям, подхожу для перевода на «химию»: добросовестно отношусь к работе, выполняю и перевыполняю нормы, сознательно избегаю того, что можно было бы квалифицировать как нарушение режима, старательно придерживаюсь правил внутреннего распорядка. В характеристике из 53-го значится: «К работе относится добросовестно, в быту опрятный, антисоветские высказывания делает очень осторожно». Правда последнее удивительно, так как в пределах лагеря я вообще не «делаю» никаких «высказываний», которые можно было бы так квалифицировать.

В сентябре 1980 г. мне разрешили внеочередное свидание с родными, как награду за то, что в свободное от работы время я бесплатно помогал ремонтировать барак. КГБ, видно, не одобрил такого шага администрации, потому что сразу же

начались придирки. На следующий день после свидания мне зачитали протокол о нарушении т. наз. «режима содержания» и постановление «за попытку выноса продуктов питания из комнаты свиданий в жилую зону лишить права приобретения продуктов питания в ларьке на месяц». Чистое вранье. Никаких продуктов я не выносил. Правда, после окончания свидания остались продукты, и — не назад же их везти, не выбрасывать — вот я и занес их в соседнюю комнату товарищу по отряду, к которому приехала на свидание старенькая мать. «Кушайте, — говорю, — на здоровье, или еще с кем-нибудь поделитесь, а то меня выводят, не выбрасывать же такое добро». Помещение, очевидно, прослушивалось, потому что только меня вывели, как в его комнату вошли надзиратели выяснить, чьи это продукты. Хотя он так и объяснил, как было на самом деле, но это не помешало им сфабриковать, что я таким образом старался вынести продукты в жилую зону. Потом мне показали акт, что якобы эти продукты (сахар, немного солонины, несколько банок рыбных консервов, банка варенья, банка смальца и др. (уничтожены в присутствии таких-то надзирателей, в чем они и расписались. Я поинтересовался, каким же образом были уничтожены продукты. — «Сожгли!». Станный способ разрешения продовольственной проблемы. Да и не понимаю, в чем же собственно мое нарушение? Допустим, я действительно старался взять какие-то продукты, что дали мне родные на свидании. Но там же не было никаких недозволенных продуктов? — «Нет!». И это же не чужие продукты, а моих родных, привезенные для меня. Так в чем же дело? — «Не положено!». Разве можно считать нарушением режима, то что человек хочет есть? — «Не положено!». Но я же, зная ваши законы, даже не пробывал их выносить, так за что же меня наказывать? — «Не знаем, у нас есть данные, что пытался, и вообще перестань умничать!». Вот такое-то «взыскание» занесено в мое личное дело.

Всю эту комедию режессировал начальник режима Бадинский — очень «смышленный» человек: еще не был выдвинут лозунг о продовольственной программе, а он уже ревностно взялся за дело. Это он потом будет стоять при выходе из лагерной столовой, обыскивая узников, вытаскивая у них из-за пазухи недоеденные куски хлеба, разбивая

банки с припрятанной на потом недоеденной кашей. Хотя это собственная пайка каждого, за которую с каждого удерживают деньги, — будет отбирать: «Не положено! Не успел скушать — оставляй. Выносить не положено!». Это вместо того, чтобы посмотреть, что делается на кухне той же столовой, чем и как кормят заключенных, кладут ли в котел хоть половину того несчастного рациона, что им полагается.

В 93-м лучше с кухней (по сравнению с 53-м), и это заслуга начальника лагеря подполковника Болмасова. Зато здесь немыслимые мошенничества в бухгалтерии. Тут тебе могут приписать какой-нибудь «иск» и отчислять каждый месяц с зарплаты. Пройдет не меньше чем полгода, пока ты разными жалобами докажешь, что это недоразумение, что у тебя нет никакого «иска». Тогда могут прекратить отчислять, но отчисленных денег никто уже не вернет. Сам начальник отряда может доброжелательно посоветовать вновь прибывшему: «Там у тебя есть иск на 100 рублей, лучше пусть родственники уплатят и пришлют справку, а то здесь все 5 лет будут высчитывать с тебя по 30 руб. в месяц. Освободишься — и еще будешь должен рублей 50».

Тут могут высчитывать за тюремную одежду стоимостью 12 руб. по 3 руб. в месяц в течение 2-3 лет. Поэтому заключенные стараются не выписывать одежду, а перебиваться спецовками, которые выдают бесплатно на работе раз в год. Это, наверное, единственный лагерь на Украине, где, если ты в этом месяце не сумел после всех переполовиниваний и удержаний рассчитаться за еду, то у тебя высчитают из денег, присланных из дома. (Сомневаюсь, что где-то предусмотрено законом, чтобы родные оплачивали твою тюремную пайку). Есть случаи, когда заключенный видит в ведомости, что с него удерживают алименты на детей, а потом узнает, что жена уже полгода, как ничего не получает.

Всех бухгалтерских опусов не счесть. Только единицы отваживаются жаловаться, так как писать жалобы — значит, нажить себе плохую славу у администрации, а значит, не видеть ни «химии», ни поселения, а то еще и накликать на свою стриженную голову непредвиденные неприятности. Я уже седьмой месяц стараюсь выяснить, где те 100 руб., которые мне еще в апреле выслали знакомые из Киева. Месяц тому на мою просьбу выяснить это, отрядный ответил, что от начала

года на мой личный счет не поступило ничего. Так где же они?

За июль мне «ошибочно» не насчитали т. н. ученических (был один месяц учеником каменотеса и, хотя на 100% выполнил норму ученика, заработал 0, стал «невыполняющим» и за это был наказан «лишением на месяц ларька»).

А что уж делается с этими нормами, так трудно себе представить. Сознательно не вникаю в это, стараюсь почти ни с кем не разговаривать, быть в стороне, потому что какой-нибудь провокации можно ожидать на каждом шагу. Начальник колонии относится ко мне с предубеждением и, думаю, не без помощи комитетчиков. Переводя меня на более тяжелую работу, он при всем начальствующем составе лагеря спросил меня (в кабинете начальника БОЛМАСОВА):

— Как вы относитесь к русским? (БОЛМАСОВ — русский).

— А на каком основании задан мне этот вопрос?

— Просто хочу знать Ваше отношение к русским.

— Было бы уместнее ответить на вопрос, как относятся русские ко мне. Стоит мне в присутствии русских заговорить по-украински, как некоторых русских начинает почему-то коробить. Свежий пример. Только что, когда я вошел в Ваш кабинет, кто-то из офицеров сказал: «А, это тот, что объяснительную написал по-украински». Думаю, Вы не сомневаетесь, что сказанное в мой адрес было с привкусом презрения. А конкретно на Ваш вопрос могу ответить, что я стараюсь терпимо относиться даже к плохим людям, пытаюсь их как-то понять. Я нахожу и имею друзей среди добрых, понимающих людей любой нации. И презираю шовинизм, какой бы он ни был.

Эта тирада не помешала им перевести меня тут же «на более тяжелый труд». Тяжело.

Тяжело морально, тяжело физически. Дай, Боже, выдержать!

МЫКОЛА ГОРБАЛЬ ОТВЕЧАЕТ ИЗ ЛАГЕРЯ

Вопрос 1: Как вы себя чувствуете? Как ваше здоровье?

М. Горбаль: Поскольку некрасиво выносить на общее обозрение свои болезни, то для вас и для мамы ограничусь традиционным — «чувствую себя хорошо».

В. 2: Чем вы можете объяснить, что власти в последнее время практикуют расправу над инакомыслящими, обвиняя их не в антисоветской деятельности, а фабрикуя на них дела по уголовным преступлениям?

М. Г.: Когда судят по так называемым политическим преступлениям, то противоречат сами себе, — ведь говорят, что у нас нет политзаключенных, исчезли национальные проблемы и т. п. Замена политических статей уголовными дает выход из положения. Они и сами признают, что для многих политлагеря стали школой мужества и формирования новых моральных ценностей, неугодных империи; а с теми, кто уже там побывал, легче сейчас расправиться под маской уголовных преступлений. Хоть и тут — палка о двух концах: в основном здесь мы видим четко выраженный антагонизм к существующему строю. Процент жертв, судьба которых аналогична моей, не так уж мал.

В. 3: В свое время, находясь в лагерях Мордовии и Урала, вы протестовали и признавали дискриминационным фактом, что украинцев заставляют отбывать наказание за пределами Украины. Сейчас вас поместили в лагерь на Украине. Велика ли разница и в чем?

М. Г.: Репрессивные органы пользуются правом высылать и за так называемые уголовные преступления за пределы республики. Но то, что меня оставили здесь, нельзя рассматривать как проявление великодушия со стороны властей. И тут по возможности они постарались выбрать для меня самое плохое. Из киевской тюрьмы я был направлен в невольничьи каменоломни, находящиеся около станции Даниловка Николаевской области. О работе в них ходят страшные слухи. В

медицинской карточке, заполненной на меня киевским врачом МВД, была лишь одна фраза о моем здоровье: «работать в каменоломне может». Для всех, кто меня знает, эта фраза звучала более чем цинично. И только в последний момент меня передумали везти в тот лагерь. Я думаю, что это связано с их так называемыми «оперативными» соображениями. Этот лагерь числится к тому же принудительно-лечебным для алкоголиков, и в нем, скорее всего, находится преимущественно деградированный элемент. Не исключено, что на каменоломнях сосредоточен, в основном, бунтарский и стойкий элемент. Знаю, что Юрия Литвина перевели в такой лагерь. (Абсолютно каждого пьяницу можно завербовать доносить на тебя.) И в этом лагере постарались найти самую тяжелую работу. Концлагерь есть концлагерь. В этом случае есть повод для злорадства: хотел сидеть на Украине — так сиди. И все-таки есть преимущество. Представляю себе, каково там Чорновилу будет в Якутии с одним свиданием в год. Тут у меня есть надежда, что кто-то приедет ко мне, это все-таки ближе. И Украина есть Украина. Это знают не только украинцы. Хотя есть уже и болезненное разочарование. Когда я в Сибири разговаривал с осевшими там украинцами по-украински, то видел, как загорались их глаза, с какой жадностью слушают они уже забытую речь, это вызывает добрые воспоминания, они стараются вспомнить украинский язык. Тут же все украинцы, но такое впечатление, что они об этом не догадываются. Говорят все по-русски. Да это и трудно назвать языком: несколько десятков русских жаргонных слов, пересыпанных русской матерщиной. Мою украинскую речь рассматривают едва ли не как чудачество. А когда видят, что я это делаю сознательно, принимают это как укор в свой адрес и даже чувствуют себя оскорбленными. Так им легче. Смелости признаться в ином им не хватает (такова психология хохла). Все это вместе создает грустное впечатление. Люди не знают, кто они, для чего живут. Ни во что не верят, нет у них ничего святого. Вот это и есть продукт социалистического общества, «новый человек». Хотя и не стоит делать отсюда какие-либо конкретные выводы, т.к. подбор людей тут, конечно, не наилучший. Именно в этом и заключается самая большая разница между первым и теперешним заключением.

В. 4: На суде вы объявили себя членом Украинской хельсинкской группы. В чем вы видите целесообразность этого акта, и возможна ли какая-либо правозащитная деятельность для человека, находящегося в лагере?

М. Г.: Прежде всего, у нас понятие воли и неволи весьма относительно. Права голоса лишены все, и, может быть, наблюдается удивительный парадокс — заключенные чаще и смелее выступают, излагая свои взгляды, чем на так называемой воле. И, будучи членом хельсинкской группы на воле, не обязательно можешь лучше служить правозащитному движению, чем не будучи им. И даже те, кто этим привлек ваше внимание, подтверждают мои слова. А что до правозащитной деятельности, то ее возможности так ограничены, что в этот тяжелый час нет возможности и себя защитить. Но каждый, кто уважает в себе человека, должен стремиться к этому.

В. 5: Как вы знаете, в этом году в Мадриде собираются государства-участники Хельсинкского совещания для обсуждения вопросов, касающихся выполнения Хельсинкских решений. Вы как член Украинской хельсинкской группы что хотели бы сказать по этому поводу?

М. Г.: Совещание меня интересует в плане гуманитарном — чего оно сможет добиться от государств с тоталитарными режимами в области прав человека. Всеми миру известно, что заключенных в Советском Союзе не только лишают свободы, но законом предусмотрено морить их голодом и тем же законом запрещено другим людям помогать им продуктами и медикаментами и даже сочувствовать им. Всем известно, что в СССР заключенных заставляют работать на тяжелых работах, а отказ от работы карается самым жестоким образом. Международный Красный Крест не может выслать узнику посылку. СССР ему этого не позволяет. Про какое же сотрудничество может идти речь, если никто не решится поставить у позорного столба эту великую страну с ее зверскими репрессиями против инакомыслящих. Проблема выезда из Союза до сего дня стоит на уровне рабовладельческого строя. А методы расправы с желающими получить волю ужасны.

Совещание должно обратить внимание на национальные проблемы в СССР. Досадно, что правительства свободных стран Европы не могут объединить усилия для защиты такой дорогой ценой добытых свобод личности. Зачастую оказывается, что достижения демократии используются против нее же. Я понимаю трудности, с которыми встретилось нынешнее правительство США, но я верю в эту страну, которая приняла в свое лоно столько миллионов батраков и обездоленных со всего света, дала возможность им жить, проявить себя и гарантировала им будущее. Верю в этот форпост свободы. Я знаю, что, как и в каждой стране, в США есть свои проблемы, но, думается, материальный достаток, обусловленный свободным развитием, не обездушит американский народ, и он сможет объединиться под угрозой потерять свободу. Я не думаю, что некоторые правительства Европы могли бы проводить свою так называемую независимую политику, не имея за плечами такого форпоста, как США.

В. 6: Что бы вы хотели передать своим друзьям?

М. Г.: Я очень обязан Габриэлю Суперфину, который смог поддержать меня морально в самые тяжелые для меня часы, как и В. Стусу, В. Марченко, родственникам Стокотельного и другим в этом концлагере. А тем, кто уехал, желаю всех благ и не хочу обременять их воспоминаниями о наших «этапах большого пути».

НАЦИОНАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ

Владас Иуодейка

НАЦИОНАЛЬНЫЙ ВОПРОС.*

Обособление или сближение?

Под таким заглавием написал статью в сборнике «Из-под глыб» (Москва, 1974) Игорь Шафаревич, выдающийся математик, член-корреспондент Академии Наук СССР, член Комитета защиты прав человека. Он правильно называет национальный вопрос в СССР самым жгучим и болезненным.

Причину остроты национального вопроса он усматривает лишь в социалистической идеологии, которая, по его мнению, враждебна не только национализму нерусских наций, но и самому русскому национализму. Он утверждает, что национальная жизнь многих народов, включая русский, стала жертвой марксизма.

Но, оглядываясь на прошлое, надо сказать, что национальный вопрос для нерусских народов существовал и при царской власти, когда еще никакого социализма не было. Если не произойдет существенного изменения в психологическом настроении и взглядах русского общества, то даже в случае разгрома социализма русский шовинизм и империализм останутся.

Вопреки очевидным фактам, И. Шафаревич считает неверной концепцию, что русские, покорив нерусские народы, стремятся их русифицировать, что области, населенные этими народами, являются русскими колониями и что единственный выход из этого — полное освобождение нерусских народов от русского колониального владычества. И. Шафаревич не соглашается с общим убеждением, что

* Часть работы известного ученого, государственного деятеля независимой Литвы Владаса Иуодейки (1900-1977). См. также «Форум»№6.

нерусские народы фактически находятся в колониальном подчинении у русских, хотя он сам не отрицает того факта, что русские склонны к опьянению собственной силой и к порабощению других народов.

Сам факт, что нерусские народы находятся под колониальным владычеством, как раз и составляет «остроту и болезненность» национального вопроса в СССР. Нерусские народы лишены возможности свободно развивать свою национальную культуру. Она подавляема, унижаема, деятелей национальной культуры осуждают за «буржуазный национализм» на длительные сроки заключения в концлагерях. А русский национализм, даже шовинизм, наоборот, поощряется. Русские во много раз хуже относятся к нерусским народам, чем бывшие европейские колониальные государства, которые никогда не преследовали местную национальную культуру и никогда не стремились коренных жителей превратить в англичан, французов или голландцев. Русским не пришлось завоевывать свои колонии за морями, сама судьба пошла им навстречу — их колонии оказались по соседству.

По мнению И. Шафаревича, только социализм виноват в том, что с территорий, населенных нерусскими народами, выкачиваются большие ценности и громадная часть ценностей, производимых нерусскими народами, не возвращается к ним, что она идет «на поддержание гигантской военной машины и гражданской бюрократии, на деятельность в космосе, помощь азиатским, африканским и латиноамериканским революционным движениям, а более всего — на компенсацию неэффективности экономики».

С таким утверждением трудно согласиться. Возьмем, например, Литву. При царской власти она тоже была эксплуатируемой колонией. Из-за дифференциальных государственных железнодорожных тарифов литовцы, например, должны были платить за перевоз ржи и пшеницы в соседнюю Германию (расстояние в 50-100км) столько же, сколько русские платили за провоз из Сибири. Разве это не колониальная эксплуатация? Поскольку 90% литовского населения составляли крестьяне, следует признать, что такая политика была очень чувствительной для Литвы. В экономическом отношении царская власть делала все, чтобы держать литовцев на низшем уровне.

Литва была обречена на прозябание. Ни работы, ни какой-либо иной возможности для заработков не было. Молодое поколение вынуждено было искать счастья за границей. Из Литвы в США ежегодно эмигрировало 15-20 тысяч молодых мужчин и женщин в самом лучшем рабочем возрасте. Число уезжавших фактически равнялось приросту населения Литвы. До Первой мировой войны третья часть жителей Литвы вынуждена была переселиться в США. У литовцев отняли возможность не только национального культурного и экономического развития, но и роста народонаселения.

Литва получила очень бедное наследство, когда в 1918 г. стала суверенным государством. По данным Лиги Наций, Литва в начале своего независимого существования стояла на 40-ом месте среди 44 развитых государств. В первое десятилетие Литве пришлось вести упорную борьбу против русских большевиков, немцев и поляков — все они хотели задушить независимую Литву, а также одновременно заниматься организацией нового государственного строя и восстановлением разрушенного войной хозяйства. И только во втором десятилетии началось экономическое развитие страны. Успехи Литвы были замечательны: проведена радикальная земельная реформа, способствующая развитию эффективных крестьянских хозяйств, организованы национальная кооперация и экспорт земледельческих продуктов, создана местная промышленность. Безработицы в Литве не было, и эмиграция из края совершенно прекратилась, а объем национального продукта увеличился на 260% по сравнению с 1913 годом. Благодаря этому прогрессу Литва с 40-го места среди развитых стран перешла на 14-ое. Это было достигнуто в течение 10-15 лет.

Литва быстро развивалась и следовала примеру Дании, похожей на Литву по характеру и организации экономики. По данным ООН за 1974 г., Дания по уровню жизни занимает 4-ое место среди прогрессивных стран мира. Если бы Литва и не достигла уровня Дании, то она, наверняка, была бы на восьмом или десятом месте. А из-за советской оккупации сегодня Литва, находится на 26-ом месте. Разве это не колониальная эксплуатация?

Когда 15 июля 1940 г. советские солдаты вторглись в прибалтийские государства, они были очень удивлены, найдя

«маленькую Америку», как писали они своим родным в СССР. Но они честно нас предупреждали, что так долго продолжаться не может, что в Советском Союзе все должны быть равны. Так и случилось. В первый же день вторжения был издан приказ, и литовскую денежную единицу (литас) приравнивали к советскому рублю, хотя покупательная способность рубля была в 10-20 раз ниже, чем у литаса. Понятно, русские сейчас же бросились в магазины, где накупили себе товаров в 10-20 раз дешевле и гораздо высшего качества, чем в СССР. Таким образом в течении 2-3 недель все магазины русскими были опустошены, но новые товары из СССР не прибыли (потому что там их вовсе не было). Это было первое колониальное ограбление страны.

Через 2-3 месяца, в один прекрасный день, все цены были повышены на 500-1000%, т. е. приравнены к советским ценам; но повышать жалование было запрещено. Уравнивание литовского уровня жизни с советским — это было второе ограбление страны.

За время советского господства в Литве было проведено несколько денежных девальваций, вследствие чего литовцы лишались каждый раз до 90% своих сбережений. Разве эти меры не хуже всякой колониальной эксплуатации?

И. Шафаревич подтверждает тот факт, что в национальных республиках уменьшается плотность коренного населения. Он указывает на две причины: депортация коренного населения и большое число русских поселенцев. И. Шафаревич утверждает, что от депортаций и переселения пострадали также и русские.

Конечно, русские, которые были высланы на поселение в другие области и республики (например, в Калининградскую область, в Эстонию, Латвию, Литву) были вырваны с родной земли. Но везде, где они поселялись, для них сейчас же были открыты школы на русском языке. Повсюду они нашли свои газеты и журналы, повсюду у них есть свои организации, театры и пр. Между тем, украинцы, литовцы, латыши, эстонцы и люди других национальностей в новых местах поселения всего этого лишены — своих школ, газет, организаций и театров. Таким образом, русские как привилегированная раса имеют все, и им не грозит возможность лишиться своей национальности, в то время как нерусские народы подвергаются массовой русификации.

Общеизвестно, что насильственно проводится умаление национальных культур и национальной самобытности нерусских народов. Их исторические реликвии и памятники разрушаются, национальные библиотеки «случайно» сгорают, древние города и улицы получают новые русские названия.

Сталин был архитектором русского национализма и шовинизма. Опасаясь, чтобы русский национализм не принял форму отдельного движения вне партии, сама партия включила национализм в свою программу и насильственными мерами его поощряет. Конечно, от этого особенно страдают нерусские народы. Партия сама официально стала вестником русского национализма. И если какой-нибудь доктринер-марксист нечаянно высказывается против экстремизма русских шовинистов, он немедленно теряет и занимаемую должность, и все привилегии (как это уже случалось не раз с некоторыми советскими вельможами). Таким образом, русский шовинизм находится под покровительством всемогущей партии и государственного аппарата.

Смысл покаяния

И. Шафаревич возмущается «Вестником русского студенческого христианского движения» (N 97), потому что этот журнал призывает Россию к покаянию за все ее прошлые грехи, а особенно за величайшее ее прегрешение: за то, что Россия претендует на какую-то особую историческую миссию — нести миру «новое слово», за «русский мессианизм». И. Шафаревич признает, что «немцам есть в чем каяться». С уверенностью можно сказать, что и русским в не меньшей мере есть в чем каяться. Русские большевики за 58 лет своеволия расстреляли, умертвили голодом во время коллективизации и замучили в тюрьмах и концлагерях свыше 75 млн. русских и нерусских. А каяться нужно еще и потому, что без покаяния нет возрождения, а без возрождения нельзя подняться на высшую духовную ступень. Это относится не только к отдельным индивидуумам, но и к нациям, которые состоят из тех же индивидуумов.

В. Н. Муравьев о покаянии русского народа писал так:

«Покаяние русского народа совершится... при свете древней истины, указующей путь, русский народ познает свою внутреннюю скверну, свой грех лживости, корысти, алчности и разделения».¹

По этому же поводу Николай Бердяев говорил:

«Но путь к возрождению лежит через покаяние, через осознание своих грехов, через очищение духа народного от духов бесовских».²

Честно говоря, назначать свою страну миссионером — само по себе уже большой грех, поскольку миссию каждому народу может определить лишь Господь Бог. Каждый народ по-своему, по своей мудрости и совести должен работать, творить и развивать свою национальную культуру без самозванных миссионеров из великих держав. Все величественные миссии обычно служат только маской самого грубого империализма великих держав. Все мирные народы только одного и желают, как бы избавиться от всякого рода мессианизма и всяких миссионеров, кем бы они ни были. Царские чиновники, коричневорубашечники-нацисты, чернорубашечники-фашисты или красные комиссары — все они шли с разного рода «миссиями» в мир. Никому не нужны ни Царская Всемирная Православная Империя, ни Третья Империя Германской господствующей расы с одним народом, одним государством и одним вождем, ни Красная Русская Империя, ни, наконец, новая Русская Империя с каким-то «новым словом». Темная сторона любого политического миссионерства великих держав в том, что он осуществляется не с помощью убеждения, а огнем и мечом, и начинается всегда с того, что заключает чужие народы в тяжкие тюремные оковы.

И. Шафаревич не отрицает факта вытеснения националь-

1. В. Н. Муравьев, Рев племени, «Из глубины» (сборник статей о русской революции), 1918. Переиздан Умса-Press, Paris, 1967, с. 24.

2. Н. Бердяев, Духи русской революции, «Из глубины», 1918. Переиздан Умса-Press, Paris, 1967, с. 106.

ных языков русским, но он сомневается в том, что русские от этого выигрывают. Его сомнение мне непонятно, потому что от распространения русского языка русские выигрывают во многом: число и сила русских увеличиваются, а вместе с этим растет влияние России в мире и возможность выполнить ее *mission civilisatrice*. Ведь в Советской империи происходит не просто распространение русского языка, а принудительное вытеснение нерусских языков и нерусских культур в национальных республиках. А это ведет к постепенному вымиранию наций.

По мнению И. Шафаревича, «теория русского колониализма не только несправедлива, но она фактически и вредна для других народов, ибо она мешает понять свою национальную жизнь». И вместо того, чтобы доказать свой тезис, он всю вину и бедствия нерусских взваливает на «господство социалистической идеологии, потому что она враждебна каждой нации».

Во-первых, трудно доказать, что социализм враждебен нациям. Не входя в детальный анализ сего вопроса, все-таки трудно утверждать, как это делает И. Шафаревич, что только социализм — единственный враг наций. Ведь и при царской власти нерусские народы не менее страдали от русского национализма, чем теперь. Еще труднее согласиться с И. Шафаревичем, что «русские страдают от этого (т. е. от социализма) не менее других». Правда, что русские страдают от «реального социализма» в экономическом, социальном и политическом отношениях, как и все другие народы, но русский язык, русская национальная культура и национальная жизнь страдают гораздо меньше. Наоборот, русский национализм и в РСФСР и во всех нерусских республиках всеми мерами поощряется. Само собой разумеется, что это происходит с огромным ущербом для национальных культур нерусских народов.

Кроме того, И. Шафаревич сваливает ответственность за все бедствия и несчастья в равной мере на все народы, а не преимущественно на русский. А это все-таки несправедливо. Ведь именно русский народ подчинил себе нерусские народы, лишил их свободы и, навязав им колониальное положение, руководит всей их государственной жизнью; насильно ввел социализм и навязал его всем нерусским народам, несмотря на их сопротивление.

И. Шафаревич опасается, что после разрыва отношений с русским народом, т. е. после отделения от Советского Союза, «внутренние причины» останутся. Но лучше, если об этом будут заботиться освободившиеся народы. Когда Литва, например, стала независимым государством в 1918 г., никто в Литве не сожалел об отсутствии бывших владык, и никаких «внутренних причин» не осталось. Даже наоборот: литовский народ почувствовал, что сразу исчез какой-то столетний кошмар.

И. Шафаревич прав, говоря, что «создание собственного государства для каждого народа не дает автоматически решения всех проблем». Но об этом, опять-таки, пусть заботятся сами освободившиеся народы. Они скорее найдут решение, потому что их проблемы им ближе и соответственно лучше видны. Если большие народы стараются как можно дольше удерживать чужие народы под своим господством, они делают это из корыстолюбия, а не из великодушного желания помочь этим народам. Между прочим, освободившиеся народы никогда не променяют свою свободу на тарелку щей от своих бывших владык.

И. Шафаревич утверждает, что «народы нашей страны спаяны общей историей». Но ведь эта «спаянность» была достигнута мечом, кровью и обильными слезами. Такая искусственная «спайка» не может быть прочной, потому что здесь нет духовной основы, которая могла бы завершить единство. Нельзя спаять совершенно чужие культуры (например, русскую и монгольскую). Кроме того, в истории действует жизненная диалектика, которая не только спаивает народы, но и разъединяет их.

Опять мессианиззм

И. Шафаревич утверждает, что «выстраданный нами опыт накладывает на нас моральные обязательства», потому что «мы сейчас способны увидеть и сказать миру то, что никто другой не в состоянии... В этом я вижу историческую миссию тех народов, которые населяли Россию, а сейчас — Советский Союз. Они могут указать выход из лабиринта, в котором сейчас заблудилось человечество».

И вот опять поется та же самая песня о миссии — указать путь слепому человечеству, не замечая, что не человечество заблудилось, а сама Россия, которая еще не видит выхода из заблуждения, из проклятием заколдованной своей судьбы. Здесь невольно хочется сказать: господа, прежде чем вы начнете учить других и указывать им путь из тупика, постарайтесь сперва выйти из него сами, приведите свой собственный дом в порядок и создайте новую величественную духовную культуру, которая бы стала гордостью и всех народов. Вот это и будет великая миссия России. А для этого у русских есть все данные: и множество талантов, и трудолюбивый народ, и обилие материальных богатств. Только до сих пор не было намерения идти по этому пути, потому что Россия расточала свои силы на покорение и спасение мира. Хватит России расти горизонтально. Она может и должна расти вертикально, достигая вершин во всех отраслях жизни.

Мечтая покорить Европу с Босфором и Константинополем и «спасти мир от морального декадентства», Российская империя пренебрегала жгучими проблемами у себя дома. Например: деидеократизацией политического строя, вопросом нерусских национальностей, созданием крепкого слоя независимых крестьян, поднятием экономической культуры страны, разумной эксплуатацией природных богатств, привлечением к государственному творчеству просвещенного слоя. Русская интеллигенция была отчуждена от государства, к которому она питала ненависть и вражду. Поэтому неудивительно, что в таком непрочном обществе образовалась нравственная пустота, которой воспользовалась маленькая шайка радикальных вожаков, навязывая русскому народу свой отвлеченный большевистский идеал. В результате, с 1917 года до сих пор и Россия и весь мир страдают от большевизма.

Мессианизм любой большой державы вырастает из ее упоения собственной силой. Опираясь на эту силу, государство стремится выполнить свою миссию.

Н. Валентинов говорит: «...может мессианизм быть опасен и не только тогда, когда, идя на завоевание всего мира и грозя водородными бомбами, им разжигается Хрущев, но и тогда, когда им воодушевляется даже такой философ как Бердяев... Но мессианизм и национализм органически связаны. Крот-

кий, вегетарианский мессианизм, никого не кусающий, трудно себе представить. В особенности у большой нации».³

В демократическом обществе на Западе свободно проповедуют разные, даже самые радикальные идеи — философские и социальные. В этом суть богатой и разнообразной жизни демократического общества. Оно не способно застыть на месте, потому что в его пульсирующей жизненной динамике всегда находятся внутренние силы, которые принуждают обновляться и исправлять ошибки.

Демократическому обществу противоположно общество тоталитарного государства, т.е. государства с миссией осуществить во всемирном масштабе определенный идеал, ценность которого либо сомнительна, либо рационально доказана быть не может. В таком обществе свобода и социальная диалектика умирают, сама жизнь застывает в старых заплесневелых формах. И только новая волна революционной динамики может разбудить такое тинной затянутое, инертное общество.

По мнению И. Шафаревича, маленькие, «крохотные» государства не способны вести самостоятельную жизнь, потому что они слабы и «обречены зависеть от более крупных и становиться их приживальщиками».

Все-таки — это не совсем так. Большие колониальные империи никогда не отличались великодушием и щедростью по отношению к малым поработленным народам и всегда их эксплуатировали — их интересовала лишь собственная выгода. При таком отношении великим государствам уж лучше не заботиться о будущем крохотных государств. Они сами решат свою судьбу — либо присоединятся к более крупным народам, либо останутся независимыми. И по сей день существуют маленькие государства: Сан-Марино, Андорра, Лихтенштейн, Люксембург, Монако, Швейцария, Дания и другие. Все они довольны своей судьбой, и у них нет ни малейшего желания присоединиться к более крупным государствам.

3. Н. Валентинов, Опасность мессианизма, «Новый журнал», 1975, Нью-Йорк, сс. 254-255.

Хотя тенденция последних десятилетий — появление все более мелких государств, И. Шафаревич заключает, что «из этого не следует, что она правильна». Но ни И. Шафаревич, ни кто-либо другой не сможет доказать, что эта тенденция порочна. Это вообще не доказуемо, потому что у нас нет объективных критериев, с помощью которых можно было бы оценить диалектику истории. Разве можно, например, взвешивать концепцию свободы? Нельзя забывать и того факта, что вклад маленьких государств в цивилизацию к культуру мира громадный и пропорционально много больший, чем больших государств. Что может сравниться, например, с культурным вкладом в философию, литературу и искусство маленьких городов-государств древней Греции? Англия в 16 веке была тоже маленьким государством, но в то время она дала миру величайшего писателя Вильяма Шекспира. Впоследствии Англия выросла до всемирной империи, но от этого новый Шекспир не появился. Все три великие религии — иудаизм, христианство и ислам — родились в маленьких, крохотных странах. Между прочим, нужно заметить, что маленькие мирные государства интенсивнее развивают свою экономику и национальную культуру и имеют больше возможностей для развития индивидуальности и талантов своих граждан, чем большие государства, которые обычно заняты экспансией, экономической эксплуатацией и политическим угнетением маленьких стран. В большом государстве интересы личности, отдельных граждан часто приносятся в жертву империалистическим устремлениям страны.

И. Шафаревич прав, говоря, что «типично русский порок в нашем отношении к другим народам»... тот, что русские «не могут понять, почему украинцы, белорусы или литовцы не хотят хорошенько выучить русский язык и превратиться в настоящих русских».

Как понять желание русских русифицировать находящиеся в их власти нерусских и считать их равными себе, настоящими русскими? Откуда у них это желание? Происходит ли оно от чрезмерного дружелюбия, чувства равенства и великодушия? По И. Шафаревичу, это происходит от извращенного чувства равенства.

Так ли это? Истина обнаруживается, как только нерусские объявляют о желании оставаться верными интересам

своей нации и хотят выйти из состава российской империи. И вот тут-то русские начинают сердиться, угрожать и применять разные репрессивные меры против желающих отделения. Тогда-то и выясняется, что русская дружелюбность и чувство равенства в сущности есть не что иное, как жажда величия, империализм и неутолимое стремление расширить свою территориальную мощь за счет других народов.

Именно это глубоко задевает национальные чувства нерусских народов, которых хотят превратить в «настоящих русских». Здесь же лежит причина того, что нерусские не только не хотят хорошенько выучить русский язык, но и отказываются говорить по-русски даже в тех случаях, когда отлично владеют этим языком, потому что язык этот напоминает им об угнетателях. Нередки случаи, когда в Прибалтике расклеиваются листовки с лозунгами: «Вон, русские!» Русофобия особенно сильна в Эстонии, где на стенах домов часто видны надписи: «Иван, иди домой!», «Иван, убирайся из Эстонии!» Ненависть к русским постепенно распространяется. В среднеазиатских городах неоднократно слышатся выкрики: «Вот китайцы придут, они вам покажут!» Шафаревич удивляется этому и находит, что такие выражения бессмысленны. А смысл здесь очень простой: эти выкрики вырываются из глубины отчаявшихся сердец. Кроме того, такие откровенные высказывания русских, как например: «Пора тебе научиться говорить человеческим языком, — твоего собачьего я не понимаю», «Закрой пасть, твой язык гниющий», глубоко задевают литовцев и других нерусских.

Щедро осыпая эстонский народ комплиментами («рядом с нами живет этот маленький мужественный народ, готовый нести любые жертвы, но не отказаться от своей национальной индивидуальности»), И. Шафаревич. протитвореча себе, огорчен тем, что группа эстонских националистов в своем обращении в ООН утверждает, что сейчас в республике сложилась ситуация, угрожающая самому существованию эстонского народа как нации, и требует выселить русских и украинцев из Эстонии и ввести туда войска ООН, чтобы восстановить суверенитет Эстонии. Он негодует, что эстонцы хотят разорвать «многовековые связи, как ненужный хлам».

Надо сказать, что эти связи в сущности возникли только во время Второй мировой войны, когда Советский Союз

насиленно заключил Эстонию в советскую «тюрьму народов». Те же «многовековые связи», которые существовали при царской власти и принесли эстонскому народу много слез, крови и горя, с учреждением назависимой Эстонии в 1918 г. были порваны. По-видимому, И. Шафаревич не признает периода независимой Эстонии и проходит мимо него, как будто его никогда и не было. Очевидно у И. Шафаревича двойной стандарт: эстонцы мужественны, когда они составляют интегральную часть Советского Союза, но они заслуживают порицания, когда жалуются на Советский Союз в ООН и просят освободить их от советского ига.

И. Шафаревич как-то не замечает того факта, что обращение в ООН угрожает подписавшим его эстонцам неминуемыми репрессиями КГБ, и для того, чтобы пойти на это, требуется огромное мужество. Эстонцы прибегают к таким мерам в состоянии крайнего отчаяния, потому что молчать они больше уже не в силах.

Дух упоения русской силой, по-видимому, не совсем чужд и самому И. Шафаревичу. Он не опровергает софистики В. Маклакова, утверждавшего, что большинство во время плебисцита в национальных областях не может решить вопроса отделения наций от СССР, поскольку эти области составляют меньшинство во всем государстве. Иными словами, если какой-нибудь народ выскажется за обособление, то это решение будет иметь силу лишь тогда, когда будет подтверждено большинством населения всего Советского Союза, а оно в силу «тонких, органических и исторических связей» всегда будет против такого обособления.

Итак, история повторяется. Когда Временное Правительство в 1917 г. объявило свободу всем народам России, а представитель Литвы известил премьера А. Керенского о том, что Литва намерена отделиться от России, Керенский ответил, что сей вопрос может решить только Учредительное собрание. А финнам, пожелавшим отделиться от Российской империи, он даже угрожал артиллерийским обстрелом. Короче говоря, поскольку русские покорили эти народы, лишь они сами по своей доброй воле могут дать или не дать им свободу. Соглашаясь с Маклаковым, что «никакой плебисцит (и даже введение войск ООН) не может решить тонкие и органические вопросы жизни», И. Шафаревич

находит, что единственный благоразумный выход из этого опасного положения — это «сближение народов». Обычно никаких «тонких и органических» вопросов не возникает. Каждая нация, ставшая независимым государством, сразу и навсегда порывает связи с властвовавшей страной без всякого ущерба для себя и для бывшего правителя.

Правда, плебисцит — несовершенный метод выявления воли народа. Но пока у нас нет ничего лучшего. Если отбросить плебисцит, останется лишь авторитарное принудительное решение сверху, когда «старшая сестра» — русская нация — навяжет свое решение угнетенным народам. А это решение известно — продолжать угнетение.

И сам И. Шафаревич, очевидно, сомневается в реальности своего предложения о сближении народов. Он, видимо, боится, чтобы национальная ненависть не стала бы той спичкой, которая подожжет весь советский дом. Он пишет: «По подземным толчкам, которые слышатся сейчас, можно судить, какой разрушительной силой она (национальная ненависть) способна стать, вырвавшись наружу... Кто может рассчитать, какие народы переживут еще один катаклизм, может быть более страшный, чем все, что довелось испытать до сих пор? В этом последняя причина той крайней степени опасности, которую имеет национальный вопрос — он может стать вопросом существования наших народов».

Нельзя не согласиться с И. Шафаревичем, что стихийный катаклизм национального взрыва может стать неизбежным. Но сам он, кроме сентиментального желания «менять и улучшать», никакого конкретного решения не предлагает. Вместо радикального решения сего, по его словам, «самого болезненного и жгучего вопроса», он предлагает только неэффективные паллиативы: сближение народов, взаимопонимание и сотрудничество, устранение ненависти и пр. Но ведь все это только сентименты, которые не могут помочь решить этот опасный вопрос. И. Шафаревич ничего не предлагает для устранения причин, порождающих взаимную ненависть.

Цель И. Шафаревича совершенно ясная — все должно остаться по-старому и разделения советской империи быть не должно. Особенно нас удивляет тот факт, что он даже не предлагает восстановления суверенитета республик Прибал-

тики, нарушенного Советским Союзом во время Второй мировой войны. Таким образом И. Шафаревич оставляет Эстонию, Латвию и Литву в советской «тюрьме народов».

Очевидно, что политический идеал И. Шафаревича — единая, великая, неделимая Россия. Мы уважаем И. Шафаревича, как члена Комитета защиты прав человека. Но ему все-таки следовало бы знать, что каждый человек принадлежит своему народу. Личные права и личная свобода человека неосуществимы без свободы народа.

Александра Толстая, дочь Льва Толстого, обращалась с письмом к вождям Кремля, предлагая открыть двери тюрьмы для всех советских диссидентов, писателей и ученых. Это голос правды и боли озабоченной русской женщины. Однако же не менее важно и другое — уже давно настало время открыть ворота и «тюрьмы народов», чтобы все нации могли выйти на свободу и сами решать свою судьбу.

Пример Швейцарии

Швейцария, как и Советский Союз, — многонациональное государство. Однако в подходе к решению национального вопроса СССР и Швейцария так же далеки друг от друга, как небо от земли. Можно сказать, что Швейцария — исключительный пример межнациональной гармонии и толерантности.

В Швейцарии, скудной природными богатствами, благодаря трудолюбию и дружному сотрудничеству ее жителей, уровень жизни очень высокий. Там живут люди четырех национальностей: немцы, составляющие 75% всех жителей, французы — 15%, итальянцы 10% и около 60.000 ретороманов. Все эти народы имеют равные права — ни у кого нет привилегий. Все четыре языка считаются государственными и жители могут обращаться в государственные учреждения на любом из них. Хотя немцы составляют три четверти всех жителей, у них нет никакого намерения навязать свою волю меньшинству и превратить Швейцарию в национальное немецкое государство.

Если спросить жителя Швейцарии, какой он националь-

ности, ответ всегда будет один и тот же: «Я швейцарец», независимо от того, на каком языке говорит дома отвечающий. Нет сомнения, что каждый житель Швейцарии относит себя к одной из четырех национальностей, но все они считают себя швейцарцами и гордятся этим.

Что так плотно спаяло их в одно государство? — Личная свобода и та общая атмосфера свободы, в которой они живут и которой дышат. Каждый швейцарец — свободный гражданин: никто не заставляет его исповедовать именно ту, а не другую веру, признавать только ту, а не другую идеологию, говорить на том, а не на другом языке. В небольших кантонах Швейцарии сохранилась та форма непосредственной демократии, при которой все жители кантона собираются под открытым небом и сами выбирают государственных служащих и принимают или отвергают законы.

В Швейцарии каждая национальность чувствует себя в безопасности, потому что никто не покушается на ее культурные ценности. Поэтому в Швейцарии и нет проблемы национальностей. Семья из французского кантона, переселившись в итальянский кантон, посылает своих детей в школу кантона французского. Она не требует учреждения специальной школы с преподаванием на ее родном языке, как это делается для русских в нерусских республиках.

Может ли Советский Союз последовать примеру Швейцарии? С сожалением надо сказать, что ожидать этого очень трудно. Следуя своей вековой традиции, Россия только покоряла соседние народы и старалась их ассимилировать. Нет никаких признаков, чтобы эта политика изменилась в будущем. Национальный вопрос в этом смысле даже не обсуждается, потому что для советских вождей такой путь совершенно чужд. Поэтому для нерусских народов не остается другого выбора, как готовиться к роковой битве Армагеддона за национальное достоинство.

В Программе коммунистической партии 1961 г. сказано с явным огорчением: «...для исчезновения национальных различий, особенно языковых, потребуется гораздо больше времени, чем для исчезновения классовых различий». Итак, партия стремится к уничтожению всех национальных, в том числе и языковых, различий, а это приведет к слиянию всех народов в один «обще-народ», т. е. в русский народ. Таким

образом, сегодня большевизм в СССР превратился в русский националистический фашизм.

Голоса новой России

И все-таки из-под развалин русской истории слышатся новые, доселе еще неслыханные, но довольно уверенные голоса грядущей России.

Редакция журнала российских солидаристов «Посев», издаваемого во Франкфурте-на-Майне (1974, N. 12), в передовой статье «Уйти с оккупированных территорий» заявляет следующее:

«Вслед за Солженицыным люди доброй воли должны потребовать у государственных террористов: уйдите с оккупированных территорий! Очистите Чехословакию и Венгрию, Польшу и Германию! Освободите Прибалтику, Украину, Закавказье! Уйдите из России!»

К статье Юлиуша Мерошевского «Российский польский комплекс и территория УЛБ (Украина, Литва, Белоруссия)», напечатанной в «Континенте» N 4, редакция сделала следующее замечание:

«Что же касается так называемой проблемы УЛБ (Украина, Литва, Белоруссия), то мы всегда заявляли и заявляем теперь, что признание священного права на самоопределение каждого из названных народов, без всякого вмешательства со стороны, является одним из *основополагающих* принципов нашего журнала» (стр. 339).

Хотя дискуссия в статье относится к УЛБ (Украине, Литве, Белоруссии), логично подразумевать, что основополагающий принцип самоопределения народов также относится и ко всем другим нерусским странам, как то: к Эстонии, Латвии, Грузии, Армении, Азербайджану, Узбекистану, Киргизии, Таджикистану, Казахстану, Молдавии, Туркмении, Карелии и всем другим.

Кроме того, внутри самого Советского Союза в подпольных изданиях Самиздата, а также и в русском демократическом движении слышатся категорические заявления в пользу самоопределения нерусских народов.

Эти новые голоса будущей России дают надежду на

мирное разрешение самого жгучего и опасного вопроса — национального. На основе взаимного уважения и свободы редакция «Континента» предлагает установить твердые основы для будущего искреннего содружества между Россией и суверенными нерусскими народами.

Здесь следует заметить, что в русской печати за рубежом все чаще и чаще обсуждаются национальный вопрос и вопрос самоопределения нерусских народов СССР. Некоторые русские ошибочно думают, что в рамках демократического строя нерусские народы смогут свободно развивать свои национальные культуры. Раздробление Российской империи им кажется величайшим землетрясением и концом света. Им хотелось бы оставить все по-старому и не дробить империи. Выдуман даже новый уродливый термин «русские народности». По существу такое название есть *contradictio in adjekto*, потому что нерусские народности не могут одновременно быть и русскими народностями. Понятно, назвать эстонцев, латышей, литовцев, грузин, армян, украинцев, таджиков, азербайджанцев и других «русскими народностями» — это оскорбить их национальные чувства.

Интересно заметить, что уже выросла новая генерация поляков, которая отказывается от мечты своих отцов о Польше «от моря и до моря», т. е. о Польше в границах 1772 г. (с Вильнюсом и Львовом).

Юлиуш Мерошевский в польском журнале «Культура», издаваемом в Париже (1975, N.6), предлагает сотрудничать всем диссидентам угнетенных народов с целью восстановить суверенитет своих государств и в то же время утверждает, что Вильнюс должен принадлежать независимой Литве, а Львов — независимой Украине. Это уже новые рациональные голоса будущей Польши.

Еще более смелый голос прозвучал по всему миру, когда Александр Солженицын с целью избавить Россию от грядущих несчастий, кровопролития, опустошения и всеобщего безумия предложил советским вождям отказаться от марксизма со всеми его нелепостями, ликвидировать Советский Союз и дать полную свободу Эстонии, Латвии, Литве, Белоруссии, Украине, Грузии и всем другим нерусским народам. Он утверждает, что исчезновение наций обеднило бы нас не меньше, чем превращение в людей с одинаковыми

лицами. Нации, по мнению Солженицына, — это богатство человечества, нации — это кристаллизованные личности. Даже у самой маленькой из них есть особые цвета; они носят в себе рисунок Божественного плана.

Конечно, олигархи Кремля не хотят слышать этого предупреждения, исходящего от великого писателя и патриота. Но все честные люди, русские и нерусские, у которых еще есть совесть, услышат сей голос и сделают нужные выводы. Дай Бог, чтобы не было поздно.

В ходе истории империи возникали и погибали. В недалеком прошлом волны национализма разрушили Турецкую, Германскую, Австро-Венгерскую, Российскую, Французскую, Голландскую, Португальскую, Испанскую, Британскую и другие империи. В нашем XX веке осталась лишь одна, последняя, колониальная империя — Советский Союз, который ведет безнадежную борьбу против духа времени. Но и эта империя уже обречена судьбой на гибель. Желательно лишь одно: чтобы в момент ее гибели как можно меньше пострадали бы Россия и нерусские народы.

Британская империя, почувствовав дух времени, по своей собственной воле отказалась от колоний, дала им свободу и самостоятельность, завоевав таким образом их доверие, вследствие чего бывшие колонии пожелали войти как равные в содружество с Англией. Это был акт великодушия и политической мудрости Великобритании. Сумеет ли Россия последовать ее примеру?

1975 г.

ОТНОШЕНИЕ РУССКИХ ДИССИДЕНТОВ К ПОЛИТИЧЕСКИМ УСТРЕМЛЕНИЯМ НЕРУССКИХ НАРОДОВ СССР.*

Обсуждаемая тема настолько обширна, что для того, чтобы ее должным образом проанализировать, нужна была бы целая книга: и политические устремления нерусских народов выражены в разных формах, и отношение к ним русских диссидентов различное. Я попытаюсь избежать соблазна чрезмерно восхвалять стремление к независимости и другие формы сепаратизма. Я также постараюсь ограничиться анализом идей, которые диссиденты высказывали в Советском Союзе, а не в эмиграции на Западе, хотя при случае я возможно посчитаю необходимым обратить внимание на то, изменились или нет основные идеи диссидентов после того, как они покинули родную землю. Прежде всего, я прошу всех читателей не принимать краткость за догматизм. Если бы я не суммировал кратко свои выводы, мне пришлось бы написать очень длинную статью, но и в ней, видимо, я не смог бы все должным образом квалифицировать.

Согласно последней переписи населения (1979 год), в Советском Союзе есть 21 нерусская нация, насчитывающая более 1 миллиона человек, — от 42,3 млн. украинцев до 1,0 млн. эстонцев. Для простоты мы исключим те национальные меньшинства, чья родина — за пределами СССР: 1,9 млн. немцев и 1,2 млн. поляков. 1,8 млн. советских евреев — это, как хорошо известно, тоже особый случай. Я предпочитаю не рассматривать здесь вопрос о 1,8 млн. чувашей, 1,4 млн.

* Доклад на симпозиуме «Русские диссиденты и их отношение к нерусским народам», организованном Научным обществом им. Т. Шевченко в Вашингтоне в октябре 1982 года. Опубликовано в журнале, «Nationalities Papers», v.XI, N2, 1983. Печатается с незначительными сокращениями.

башкир и 1,2 млн. мордвы. Остаются 15 наций, которые — за исключением 6,3 млн. татар — имеют статус союзных республик. Если сгруппировать их для большей выразительности, они представят мусульманские народы Востока и Юга (всего 37,7 млн.), два христианских народа Закавказья (7,8 млн.), 3 млн. молдаван, близких румынам, два молодых восточнославянских народа (52,8 млн.) и 5,3 млн. прибалтийцев на Северо-Западе. К чему же все эти нерусские народы стремятся политически?

С мусульманскими народами в СССР ситуация в некотором роде парадоксальная. С одной стороны, они наиболее отличны от русских, наиболее противоположны им. Но с другой стороны, эти народы, за исключением крымских татар, не имеют сильного диссидентского движения со своим Самиздатом, в котором они смогли бы поведать нам более детально о своих политических устремлениях. Оъяснение парадокса, возможно, в том, что, как правило, ни демографическая ситуация, ни степень культурной ассимиляции не кажутся мусульманам, особенно мусульманам Средней Азии, угрожающими.

Подавляющее большинство крымских татар, количество которых можно осторожно оценить в 300 000, желает вернуться на свою родину, которую после их изгнания заселили русские и украинцы. Настроения так называемых казанских татар описаны специалистом так: «сопротивление русификации, дискриминации татар, межнациональным бракам, распределению татар на работу за пределы их республики, извращению и искажению их образа»¹. Основываясь на данных текущей советской политики, можно отметить, что в 1950-60 годы казахи протестовали против проводимого в широких масштабах заселения русскими и украинцами так называемых районов целинных земель и против частичного политического и административного отчуждения этих земель от Казахской республики. В 1980-х годах узбеки, казахи и туркмены настоятельно требуют

1. Gustav Burbiel, «The Tatars and ASSR», in Zev Katz, ed. «Handbook of Major Soviet Nationalities» (New York: Free Press, 1975), pp. 412-413.

массивных капиталовложений из общесоюзного бюджета для изменения русла рек и развития ирригационной системы.

Более определенными являются требования армян и грузин. Устремления армян особенно интересны, т.к. традиционно эта нация демонстрировала свою враждебность к туркам и другим мусульманам и дружбу по отношению к своим русским покровителям. Максимальные требования армян наилучшим образом выразила запрещенная армянская Национальная объединенная партия (НОП). Она предлагает следующее «решение армянского вопроса: образование национального государства на всей территории исторической Армении, объединение всех армян мировой диаспоры на родине, имеющей свою территорию и свое правительство, и национальное возрождение». Первой неотложной задачей должно быть достижение независимости Армении с помощью мирного референдума, в котором «абсолютным большинством голосов населения Армении и граждан Армении, временно проживающих в других странах», будет решен вопрос о том, должна или нет Армения отделяться от Советского Союза.²

Действительно ли представляет НОП точку зрения армян в Армении, не говоря уже об армянской диаспоре в СССР? Может быть и нет, но об этом трудно судить, принимая во внимание особые советские условия. Ближайшую задачу многие армяне видят в требовании к советскому правительству оказать давление на правительство Турции с тем, чтобы оно формально признало ответственность за геноцид армян в 1915 году. Как минимум, многие армяне считают необходимым настаивать на возврате Армении района Нагорного Карабаха, где армяне составляют большинство населения и который входит в состав Азербайджанской ССР.

Грузины, хотя и выдвигают менее экстремальные политические требования, чем армяне, более решительно защищают свою политическую и экономическую автономию, начиная с

2. D. Kowalewski, The Armenian National Unity Party: Context and Program, «Armenian Review», v. XXXI, N4, pp. 362-70.

19/3-76 годов. Их борьба оказалась очень успешной, и правительство вынуждено было отменить свои планы ослабления позиции грузинского языка в Конституции Грузии 1978 года. Однако, судя по источникам 1980 года, их борьба за культурные права не завершилась полным успехом: докторские и кандидатские диссертации все еще должны представляться к защите исключительно на русском языке, даже если они написаны на грузинскую тему; специальные курсы в университетах Грузии преподают на русском языке; изучением грузинской истории в средней школе пренебрегают, и в то же время все больше часов в учебном расписании выделяется для уроков русского языка.³

Политические претензии молдаван — вопрос очень деликатный. Многие западные ученые считают, что молдаване — это этнические румыны.

Политические устремления самого большого нерусского народа — украинцев — можно было бы суммировать следующим образом. Как минимум, требование прекращения массовой русификации и восстановления высокого уровня украинской культуры.⁴ Возможны два в какой-то мере противоречащих друг другу пути к достижению этой цели. С одной стороны, Украине должна быть предоставлена широкая политическая и экономическая автономия во внутриреспубликанских делах и дипломатическое признание за границей. Например, Киев должен иметь больше возможностей подбора кадров в Коммунистическую партию Украины, в ее партийный аппарат, более самостоятельно определять инвестиции в экономику республики и участвовать в работе международных дипломатических совещаний. Внутренняя автономия, как можно предположить, уменьшит опасность официально проводимой политики растворения наций (в результате чего постоянно снижается процент украинцев на

3. См. Письмо 365 грузинских интеллигентов, «Форум», №4, 1983, сс. 90-92.

4. И. Дзюба, Интернационализм или русификация? «Сучасність», 1973 (Книга написана в 1965 году), П. Шелест; Україно наша Радянська, Киев, 1970; «Український вісник», №6, «Смолоскип», 1977 (вышел в Самиздате в 1972г.)

Украине) и поможет избежать вызывающей тревогу диссидентов угрозы «этноцида».⁵ С другой стороны, мы можем теоретически предположить (имея в виду формально сильное, хотя сейчас и несколько уменьшившееся, представительство украинцев во всесоюзных органах), что многие украинские политики стремятся сделать карьеру в Москве с тем, чтобы проводить курс в соответствии с интересами их соотечественников — сторонников автономии Украины. И наконец, максимальное политическое требование — выход из СССР и независимость.

Требования белорусов определенно связаны с сопротивлением русификации, которая в их республике еще более выражена, чем на Украине, но они могут также незаметно переходить в стремление добиться политической автономии.

Наконец, попробуем суммировать политические требования прибалтов. Как минимум, требование прекратить русификацию, которая достигла угрожающих размеров в Латвии, несколько меньших — в Эстонии и Литве. Особенно острое требование литовцев — требование свободы совести. Прежде всего прибалты требуют предоставить им широкую политическую и культурную автономию. Такая автономия должна обязательно включать право республиканских органов контролировать иммиграцию в Прибалтику русских и других славян, т. к. эстонцам и особенно латышам, у которых очень низкая рождаемость, угрожает опасность стать меньшинством в их собственных республиках. Максимальное требование — вернуться к status quo, существовавшему до пакта Риббентропа-Молотова (23 августа 1939 г.), т. е. к полчой независимости.⁶

Какова же реакция русских диссидентов на политические требования нерусских народов? Начнем с крайне правых. Анонимный автор «Слова нации» наиболее откровенный, его боевой клич: «Россия единая и неделимая!» Он также

5. См. Этноцид українців в СССР, «Український вісник», NN7-8, «Смолоскип» 1975, сс. 33-112, (вышел в Самиздате в 1974 г.).

6. См. самиздатские материалы: обращение 17054 литовских католиков (1971 г.); письмо 40 эстонцев (октябрь 1980); протест прибалтийских интеллигентов (23 .8. 1979 г.) и др.

пытается высмеять всякое стремление к расчленению Советского Союза, представляя его как *reductio ad absurdum*. По старинке рассматривает он украинцев и белорусов как часть русского народа, а не как отдельные нации. «Белорусская нация — это выдумка от начала и до конца, и белорусы знают это сами» (!) Горластым украинским националистом, однако, следовало бы быть осторожнее: если бы им удалось настоять на отделении от России, то Крым и некоторые индустриальные области Украины, в которых якобы русские составляют большинство, должны были бы остаться за Россией, так же как пять других областей, где население в достаточной мере русифицировано. На западные области республики претендует Польша, а значит оставшаяся маленькая сельскохозяйственная Украина вынуждена будет играть роль блудного сына всепрощающих русских родителей. Казахи составляют лишь одну треть населения Казахстана. Киргизия почти наполовину русская.⁷

Ходят слухи, что «Слово нации» написано крайним русским националистом Геннадием Шимановым. Есть основания считать эти слухи ложными. Но все же мистические, если не мессианские, черты «Слова» — вполне в духе Шиманова.

Не так далеко от «Слова нации» и Шиманова ушли сотрудники русского журнала «Вече» (1971-74), первые девять номеров которого редактировал Владимир Осипов. (Следует напомнить, что Осипов был дважды осужден режимом, при Хрущеве и при Брежневеве, и что в настоящее время он отбывает свой второй срок заключения). Двух примеров будет достаточно для того, чтобы понять принципиальную позицию группы, связанной с «Вече». В шестом номере журнала, датированном 19 октября 1972 года, редакционная статья комментирует приближающуюся 50-ю годовщину образования СССР. С незначительными оговорками редакторы «Вече» приветствуют образование СССР, «братского союза равноправных народов», как русское решение национального вопроса, воплощающее «русскую

7. См. «Слово нации», AS 590.

традицию уважения к другим народам, ту ВСЕМИРНОСТЬ русского человека, на которую указывал и Достоевский, всемирность как сочувствие и любовь к чужим».

Незначительные оговорки относятся к злосчастной русификации. Они объясняются тремя причинами: во-первых, болезненно воспринимается официальная политика, направленная на создание «советского народа»; во-вторых, вызывает беспокойство сознательная и стихийная русификация, которая должна способствовать быстрой индустриализации нерусских окраин, что приведет к массовому притоку туда русских рабочих и специалистов; и в третьих, авторы опасаются добровольной ассимиляции амбициозных нерусских, желающих облегчить себе путь к личной карьере в науке и в правительственных учреждениях.⁸ Если не считать этой относительно мягкой критики русификации, редакторы «Вече» приветствовали создание братского союза народов с таким же энтузиазмом, как и Брежнев на официальном праздновании 21 декабря 1972 года.

Наиболее показательным примером их страстной защиты status quo является ответ редакции на письмо по поводу публикации в трех номерах журнала статей о царском генерале XIX века Михаиле Скобелеве. В номерах: 2, 3 и 4 анонимный автор — судя по сообщениям, известный русский националист, писатель Анатолий Михайлович Иванов («А. Скуратов») — написал с большим пиететом и любовью портрет Скобелева с целью убедить власти в необходимости реабилитировать этого генерала, так же как они раньше реабилитировали генералиссимуса Суворова. Но в то время, как Суворов завоевал себе лавры, сражаясь против французских войск во времена Наполеона, Скобелев получил известность прежде всего благодаря завоеванию Средней Азии. Когда первая статья о Скобелеве появилась в «Вече», москвич Роальд Мухамедьяров (очевидно, из советских мусульман) выразил свое возмущение тем, что автор статьи следует за недобросовестными, вульгарными сталинскими историками послевоенного периода, объявлявшими «почти

8. «Вече», N 6 (Самиздат), AS 1599 (сс. 7-8)

все войны, которые когда-либо вела Россия, справедливыми, освободительными, прогрессивными, на худой конец объективно-прогрессивными». Мухамедьяров предлагает «Вече» ответить на несколько конкретных вопросов, которые интересуют многих нерусских:

«Как редакция оценивает национальную политику Российской империи внутри страны: национальный гнет, антисемитизм, религиозный гнет, преследование униатской церкви, раскольников, баптистов и многое другое?

Каково отношение редакции к таким национально-освободительным движениям, как возглавляемые Шамилем на Кавказе, восстание в Польше 1863 года, борьба против насильственной русификации на Украине, в Прибалтике и других окраинах?

И от прошлого к настоящему.

Какое отношение (не в политическом, а в этическом плане) к сегодняшнему положению в СССР униатской церкви, католиков, протестантов, баптистов, особенно «инициативников», а также борьбе крымских татар, немцев Поволжья за восстановление их автономии, месхов за возвращение в родные края, неофициальному, но (это видно любому) явно имеющему место в нашей стране антисемитизму?!»⁹

Редакторы «Вече» ответили Мухамедьярову весьма пространно. Они отказываются обсуждать проблемы текущей политики не из-за боязни того, что их лояльность режиму окажется под вопросом, а потому, что не хотят быть инициаторами конфликта с режимом. Высказываясь по поводу истории борьбы между русскими и нерусскими, они цинично ссылались на законы «реальной политики», откровенно перефразируя Фукидида:

«Независимо от того, нравится нам это или нет, в отношениях между народами господствует закон силы, а не некая абстрактная справедливость. Не мы этот закон создали и не нам в одностороннем порядке его отменять — последнее означало бы гибель нации.»¹⁰

9. Р. Мухамедьяров, Письмо в редакцию, «Вече», N 4, с. 152. Р. Мухамедьяров (1934 г. рожд.) провел 12 лет в концлагере и 3 года в психиатрической тюрьме.

10. «Вече», N 4, с. 154.

Еще более цинично звучит риторический вопрос редакторов «Вече»: «Национальный гнет в России — а был ли он вообще?» В качестве аргументов в пользу тезиса об отсутствии в России национального угнетения они приводят то, что Иван Грозный назначал своим заместителем татарского князя, что грузин Багратион прославился на службе в царской армии, и т. д. Нерусские автономисты и сепаратисты, очевидно, не могут испытывать каких-либо симпатий к группе «Вече». Между прочим, первый редактор «Вече» Владимир Осипов считает украинцев и белорусов русскими.

В правой части спектра русских диссидентов находились и члены разгромленного властями Всероссийского социально-христианского союза освобождения народа (ВСХСОН), действовавшего в 1964-67 гг. По существу, Союз провозгласил свое право выступать от имени всех национальностей «Великой России». Практически, если судить по высказываниям члена Союза, монархиста Евгения Вагина, ВСХСОН мог бы согласиться на отделение территорий с неправославным населением, таких как прибалтийские страны, Средняя Азия и даже греко-католическая Западная Украина. Но он настаивал бы на том, чтобы православная Грузия, не говоря уже о большей части Украины и Белоруссии, оставалась бы в российском государстве. Всем советским республикам могла бы, однако, быть гарантирована полная автономия, включающая независимость в проведении внешней политики, (что каждый, кто хоть поверхностно знаком с международным правом, вынужден будет признать терминологическим противоречием).

Получивший Нобелевскую премию писатель и бывший политзаключенный Александр Исаевич Солженицын пользуется всеобщим уважением как один из нравственных лидеров русских диссидентов. Он пишет, что во время его заключения, его русские друзья и он сам всегда стояли плечо к плечу с украинцами «стеной против коммунизма». Значительная часть доходов от его книг распределяется Русским общественным фондом помощи узникам совести (общеизвестным как Солженицынский фонд) среди семей всех политзаключенных, независимо от их национальности. И в то же время следует признать, что выступления Солженицына, касающиеся проблемы национальных требований нерусских народов,

в какой-то мере противоречивы, в лучшем случае, или же выражают антипатию к этим требованиям, в худшем. Начнем с наихудшего. Солженицын грубо выразил свою антипатию к обездоленным крымским татарам: «Если обиженный нами обидел когда-то и нас — наша вина не так надрывна, та встречная вина всегда бросает ослабляющую тень. Татарское иго над Россией навсегда ослабляет наши возможные вины перед осколками Орды».¹¹

С другой стороны, он защищает безусловный вывод войск из Восточной Европы и обусловленный отказ от насильственного удержания каких-либо народов в границах СССР. Условием для отделения от СССР нерусских народов (которые образуют Союз республик) обязательно должно быть выраженное желание населения. В ранней версии «Письма к вождям» Солженицын рассматривает как возможное отделение от России прибалтийских республик, Закавказья, Средней Азии и, *может быть, даже части нынешней Украины*. В общем, Солженицын — чей дедушка со стороны матери был украинцем, а бабушка происходила из украинцев — считает вопрос о предоставлении Украине независимости исключительно сложным. Неомарксист, полудиссидент Рой Медведев, который, очевидно, разделяет солженицынские опасения в связи с требованиями нерусских народов, прямо утверждает, что Солженицын хотел бы удержать и Украину и Белоруссию.

В центре русского диссидентского спектра мы находим ныне покойного русского историка Андрея Амальрика и автора, выступающего под псевдонимом В. Горский, которые продемонстрировали как глубокие знания русской политической, религиозной и интеллектуальной истории (и уважение к ней), так и понимание забот сторонников либерального секуляризма. С тяжелым сердцем Амальрик, утративший иллюзии русский патриот, обсуждает возможность развала советской империи в результате длительной войны с Китаем. В результате длительного стресса первыми вырвутся на

11. А. Солженицын, Раскаяние и самоограничение, «Из-под глыб», Сборник, Умса-Press, с. 141.

свободу восточноевропейские коммунистические страны, затем некоторые из союзных республик (Прибалтика, Кавказ и Украина, благодаря все усиливающемуся антирусскому национализму, затем Средняя Азия и приволжские области). Наиболее вероятно, что неизбежная «деимпериализация» будет проходить очень болезненно, т. к. власть окажется в руках экстремистов. Но Амальрик не исключает и возможности мирного процесса.¹²

«Горский», опубликовавший свое острое эссе «Русский мессианизм и новое национальное сознание» в 1969 году (в том же году, когда вышла и книга Амальрика «Доживает ли Советский Союз до 1984 года?»), меньше внимания, чем Амальрик, уделяет вопросу о разделе советской империи. Но в то же время «Горский» открыто приветствует такое развитие событий. Он считает, что оно необходимо для духовного возрождения России.

Либерально-демократическое направление среди русских диссидентов представляет находящийся сейчас в ссылке академик Андрей Дмитриевич Сахаров, лауреат Нобелевской премии Мира, единственный русский, удостоившийся такой награды. Сахаровская точка зрения по национальному вопросу претерпела некоторую эволюцию с 1968-71 годов. В 1971 г. Сахаров защищал гарантированное законом право на отделение. Он выражал это очень четко:

«По моему мнению, юридическая разработка проблемы и принятие закона о границах права на отделение имели бы важное внутреннее и международное значение как подтверждение антиимпериалистического и антишовинистического характера нашей политики. По всей видимости, тенденции к выходу какой-либо республики из СССР не носят массового характера, и они, несомненно, еще более ослабнут со временем в результате дальнейшей демократизации в СССР.»¹³

12. А. Амальрик, *Доживет ли Советский Союз до 1984 года?* «Фонд Герцена», 1969.

13. А. Д. Сахаров, *Памятная записка*, 5 марта 1971 г., «О стране и мире», Изд. «Хроника», Нью-Йорк, 1976, с. 132.

В 1980 г. в ссылке Сахаров с горечью сказал: «Националистическая идеология, как я убежден, опасна и разрушительна даже в ее наиболее гуманных на первый взгляд 'диссидентских' формах.»¹⁴ В отличие от «Горского», Сахаров прохладно относится к перспективе раздела советской империи. Он также придерживается либеральной веры в то, что с развитием демократизации страны в таком разделе не будет необходимости. В то же время необходимо подчеркнуть, что, как и Солженицын, Сахаров всегда приходил на помощь многим нерусским людям: в то время, как Солженицын видит в нерусских союзников в борьбе против коммунизма, Сахаров смотрит на них как на людей, чьи права нарушаются режимом.

Очень близко к Сахарову стоят члены Московской хельсинкской группы. Я хотел бы напомнить, что недавно Людмила Алексеева — зарубежный представитель Московской группы — опубликовала статью, в которой она призывает русских поддержать борьбу украинцев против насильственной русификации.¹⁵

Несколько более радикальную позицию, чем Сахаров, заняли члены организации «Демократическое движение Советского Союза». В их детально разработанной программе 1969 года значительное внимание уделено национальному вопросу (4 страницы из общих 39). Они защищают «политическое самоопределение наций через общенациональное голосование (референдум) при участии наблюдательной комиссии ООН; предоставление культурной и экономической автономии нациям, не пожелавшим выделиться из Союза Демократических республик», и вносят другие, столь же либеральные предложения, необходимые для решения национального вопроса в СССР. Дело, однако, в том, что «Демократическое движение Советского Союза» имело очень узкую организационную базу. В группе оказалось лишь пять активистов, арестованных КГБ в декабре 1974 — январе

14. А. Сахаров, Тревожное время, 4 мая 1980 г. AS 4000

15. Л. Алексеева, В чому виявляється русифікація України?, «Сучасність», 1982, N 3, сс. 78-81

1975 г.: русский Сергей Солдатов; эстонцы Каалью Мяттик, Матти Кииренд и Арво Варато; недавно умерший украинец Артем Юскевич. Все пятеро родились в Эстонии в 1930-х годах, все были из технической интеллигенции (четверо — инженеры, один — врач) и все жили в Таллине. Называть их русскими диссидентами не совсем справедливо.

Несколько левее находится неомарксист Рой Медведев, который некоторыми известными диссидентами рассматривается как человек, имеющий тесные связи с режимом. По марксистской терминологии Роя Медведева можно считать последователем Розы Люксембург в национальном вопросе: он симпатизирует языковой и национальной ассимиляции, которую считает естественной. Пытаясь поддержать свою репутацию либерала, Рой Медведев, однако, прибегает к вполне очевидным уловкам, предлагая принудительные референдумы до и после отделения.

Наконец, спонтанным неоленинцем был русский диссидент, покойный писатель Алексей Костерин. Костерин наиболее известен как мужественный защитник права крымских татар вернуться на свою родину. Но он также защищал необходимость возвращения к ленинской национальной политике, с характерной для нее борьбой «с местным национализмом и еще больше с (русским) великодержавным шовинизмом», — к политике, которая прекратилась при Сталине и его преемниках. Духовно близок Костерину какое-то время был широко известный диссидент, генерал-майор Петро Григоренко (украинец), который тесно связан с близкими Сахарову участниками правозащитного движения и является членом как Московской, так и Украинской хельсинкских групп. Григоренко известен всему Советскому Союзу как защитник крымских татар и борец за права человека. В то же время его точка зрения близка точке зрения русских диссидентов.

В заключение, хотелось бы отметить, что отношение русских диссидентов к требованиям нерусских народов варьирует почти так же широко, как и сами эти требования: от откровенного стремления их высмеять в «Слове нации» анонимного автора до активной поддержки «Демократическим движением Советского Союза» (большинство в котором,

по-видимому, составляют нерусские — эстонцы), с различными нюансами отрицания или поддержки между этими крайними точками зрения. Более подробное исследование, которое, увы, все еще не может не быть спекулятивным, позволило бы, возможно, определить политический вес каждой из этих диссидентских группировок. В сентябре 1981 г. в статье в журнале «Коммунист» первый заместитель Председателя КГБ СССР генерал-армии С. К. Цвигун заявил, что диссидентское движение в Советском Союзе практически уничтожено. Его аргументы вскоре потеряли значительную часть своей убедительности, т. к. 19 января 1982 года Цвигун сам умер, по слухам, жизнь самоубийством. Но через год после выхода статьи Цвигуна, в сентябре 1982 года, при преемнике Цвигуна и Андропова В. В. Федорчуке одна из основных диссидентских организаций — Московская хельсинкская группа — заявила о прекращении своей деятельности. Удалось ли Федорчуку добиться успеха там, где не смогли этого сделать Цвигун и Андропов? Или наоборот: до тех пор, пока режим не расстреляет всех своих оппонентов, он — как сказал мне один известный диссидент — не сможет добиться окончательной победы над оппозицией.

Я надеюсь, что нестабильная обстановка, вызванная борьбой за наследие Брежнева, послужит стимулом для полуоткрытой дискуссии о жизненно важных политических проблемах. Национальный вопрос несомненно является одной из таких проблем, и диалог между русскими и нерусскими диссидентами — ключевой элемент такой дискуссии. Если эта статья хоть в какой-то мере прольет свет на складывающиеся между ними отношения, автор будет удовлетворен.

МНЕ СТЫДНО И БОЛЬНО

(Открытое письмо в Президиум АН СССР)

В N 5 ленинградского журнала «Нева» за 1982 г. «кандидат исторических наук» Л. А. Корнеев, автор многочисленных статей и брошюр, ханжески оплакивавших «жертву сионистских террористов» — эсесовского палача Адольфа Эйхмана, обвинявших евреев в «захвате» земель «предков арабов» в XIII веке до н.э. и широко *пропагандировавших идею современного американского профессора-антисемита Артура Баца*, кощунственно ревизовавшего цифру еврейских потерь в годы Второй мировой войны, обнародовал свое новое «сенсационное» открытие.

Как явствует из его статьи «Кому это выгодно» («Нева», 1982, N 5, с.154), «отличительной чертой» деятельности современных «сионистов» (трудно отделимых в корнеевских «трудах» от *«евреев вообще», осознающих себя евреями!*) «стала подчеркнутая *враждебность ко всему русскому*,.. которая проявляется, в частности, в разного рода *попытках очернительства нашей национальной истории, нашего культурного наследия,.. замалчивания и превратного толкования творчества русских... писателей*. С другой стороны, наблюдается *гипертрофизация „гениальности“ ученых и деятелей культуры еврейского происхождения, преувеличение их роли в истории того или иного народа, чью цивилизацию они восприняли*».

Появление подобного рода статьи на страницах журнала, где неоднократно публиковались материалы за моей подписью, побуждает меня сделать следующее заявление.

*Иван Мартынов — ленинградский историк и библиограф, кандидат педагогических наук.

Я — русский книговед, историк и библиограф, выросший в русской семье, православного вероисповедания, для которого русская культура является делом жизни и смыслом существования, с первых же шагов в науке до настоящего времени работаю в тесном контакте с учеными-славистами «еврейского происхождения» — советскими, зарубежными, репатрировавшимися и эмигрировавшими из СССР по израильским вызовам — и всегда ощущал с их стороны *глубочайшее уважение к моему великому народу, его истории, быту и культуре*, искреннее понимание того, что не «пуришкевичи» и «корнеевы» определяют его духовный облик.

«Всем хорошим во мне обязан евреям», — смело могу я сказать, перефразируя знаменитые слова Максима Горького. Школьная учительница Дора Исааковна Лошинская научила меня любить и понимать русскую словесность — основной предмет моих научных занятий, не прерывающихся по сей день, несмотря на двухлетнее отсутствие работы по специальности и квалификации. Доцент Любовь Моисеевна Равич и профессор Соломон Абрамович Рейсер — блестящие знатоки русской библиографии — были моими научными руководителями и мудрыми наставниками в студенческие годы и в период обучения в аспирантуре Ленинградского института культуры им. Н. К. Крупской. Все они — великолепные специалисты и талантливые пропагандисты русской культуры, в отличие от позорящих мой народ кичливых невежд и фальсификаторов «корнеевых».

Долгие годы дружбы и плодотворного научного сотрудничества связывали меня с эмигрировавшими из СССР по израильским вызовам доктором филологических наук Ильей Захаровичем Серманом, кандидатом филологических наук Марком Григорьевичем Альтшуллером и бывшим сотрудником Отдела рукописей Государственной библиотеки СССР Евгением Бениаминовичем Бешенковским. Все они не только не стремились «очернить нашу культуру» (учеником русского ученого-историка проф. А. А. Зимина — Бешенковским собран большой материал о более позднем, чем до сих пор считается, происхождении «Слова о полку Игореве», однако он до сих пор *сознательно не публикует его*, не желая посягать на традиционные русские святыни), но *активно и*

*весьма результативно работали на благо России, даже тогда, когда сталкивались с черной неблагодарностью тех, для кого трудились. Автор более чем ста статей и книг по истории русской культуры конца XVIII — начала XIX вв., имевших широкий резонанс в отечественной и зарубежной печати, школьный учитель Марк Альтшуллер после многолетних бесплодных попыток опубликовать и защитить как докторскую диссертацию свое **актуальнейшее исследование об истоках русского славянофильства** получил эту возможность, только став профессором Калифорнийского университета. Трагичнее сложилась судьба **уникального знатока** документальных источников по русской культуре XVIII века Евгения Бешенковского. Эпохальная находка за пределами СССР **библиотеки М. В. Ломоносова**, считавшейся до начала его успешных поисков безнадежно затерявшейся, не принесла моему другу ученых званий и степеней, заграничных командировок и иных знаков признательности общества к авторам подобного масштаба сенсационных открытий. Изучение этого книжного собрания-архива, «распылившегося» в фондах библиотеки Хельсинкского университета, было доверено не его первооткрывателю, а никому неизвестной супруге работника советского торгпредства в Финляндии Тимохиной и впоследствии монополизировано абсолютно непричастными к открытию Бешенковского сотрудниками Библиотеки Академии наук СССР. На акте торжественной передачи книг с пометками Ломоносова в дар СССР от правительства Финляндии директор библиотеки АН СССР доктор-онколог В. А. Филлов даже не счел нужным упомянуть имя ее первооткрывателя, к тому времени эмигрировавшего в США.*

За последние годы в нашей стране сложилась порочная и опасная традиция, согласно которой *эмиграция или репатриация ученого еврея из СССР, вне зависимости даже от его дальнейшей политической позиции, автоматически налагает «табу» на труды и само имя этого человека.* Книги его, напечатанные Советскими издательствами, утвержденные к печати советской цензурой, как правило, изымаются из розничной продажи, массовых библиотек и свободного доступа в научных библиотеках (перемещаются в отделы специального хранения), ссылки на его печатные работы

либо вообще снимаются, либо, в соавторских работах, «урезаются» (библиографам русской печати конца XX века в будущем, вероятно, придется немало поломать голову над невероятно плодовитым и «энциклопедически» разносторонним автором, выступавшим под странным псевдонимом «и др.»), и, конечно, не может даже идти речи о том, чтобы этот ученый продолжал публиковаться под своим именем в СССР после его отъезда за границу. Вывезти же с собой свои собственные неопубликованные работы и научные разработки — естественно, не секретные и не содержащие «клеветнических измышлений о государственном строе СССР» — ученый-эмигрант или репатриант практически не может.

Бескорыстная забота об интересах русской культуры побуждает ученых-евреев, якобы стремящихся, по утверждениям Корнеева, любой ценой «гипертрофизировать» свою роль «в истории народа, чью цивилизацию они восприняли», оставлять свои научные разработки и даже готовые (а зачастую и принятые!) к печати публикации русским коллегам, отказываясь от своего авторства ради одинаково дорогого им дела. Этот благородный поступок, полный высокого самоотречения, никогда не понять «кандидату исторических наук» Корнееву, для которого «еврейский» псевдоним может служить лишь удобной ширмой для грязной антисемитской провокации или мелочного сведения личных счетов с «конкурентом-евреем» (см.: «Нева», 1983, N 1, с. 202).

Сегодня, после появления в свет корнеевской статьи в журнале «Нева», мне стыдно и больно от сознания того, что в течение нескольких лет я, по слабости и малодушию, пусть даже после настоятельных просьб моих уехавших из СССР друзей, соглашался на публикацию наших совместных работ (а в одном случае работ Марка Альтшуллера) под своей фамилией и терпимо относился к издательским «резекциям» ссылок на их труды, тем самым помогая «корнеевым» искусственно преуменьшать роль ученых «еврейского происхождения» в истории русской культуры.

Стремясь, хотя бы с большим запозданием, исправить свою ошибку, заявляю:

1. В сборнике «Письма русских писателей XVIII века» (Л., «Наука», 1980) публикации писем С. С. Боброва (с. 400-

404) и Н. П. Николева (с. 410-415), подписанные моей фамилией по просьбе их автора, принадлежат перу проф. Марка Альтшуллера. В публикации писем И. Ф. Богдановича (с. 248-251, 257), не по моей вине, снята фамилия другого моего соавтора.

2. В сборнике «Из истории фондов Научной библиотеки Московского университета» (М., изд-во МГУ, 1978, с. 7-23) соавтором статьи «Новые материалы о книгоиздательской и книготорговой деятельности Московского университета во второй половине XVIII века» является американский ученый-библиограф еврейского происхождения Евгений Бешенковский.

3. В подготовленном мною «Описании Рукописного отдела Библиотеки Академии наук СССР, т. 4, вып. 2. Стихотворения, романсы, поэмы и драматические сочинения. XVII — первая треть XIX в.» (Л., «Наука», 1980, с. 274), а также в моих статьях в сборниках «Проблемы научного описания рукописей и факсимильного издания памятников письменности» (Л., «Наука», 1981, с. 211, 213) и «Из коллекций редких книг и рукописей Научной библиотеки Московского университета» (М., изд-во МГУ, 1981, с. 101) по вине издателей, с моего молчаливого согласия, в ссылках на работы Марка Альтшуллера и Евгения Бешенковского их фамилии заменены псевдонимом «и др.»

Сознавая и глубоко осуждая свою ошибку, обращаюсь ко всем советским коллегам с призывом:

1) решительно добиваться отмены всех дискриминационных мер против ученых-репатриантов и эмигрантов «еврейского происхождения», включая сюда их право на вывоз с собой своих неопубликованных работ и научных разработок (если последние не являются секретными или содержащими клеветнические измышления о государственном строе СССР, а также плановыми коллективными работами);

2) не публиковать своих работ в изданиях и издательствах, дискриминирующих ученых-репатриантов и эмигрантов «еврейского происхождения»;

3) беспощадно осудить и изгнать из своей ученой корпорации профессионально несостоятельного невежду и фальсификатора Л. А. Корнеева, проповедующего на страницах советской печати под маркой «борьбы с международным

сионизмом» самый махровый, черносотенный антисемитизм.

Считая, что присуждение научной корпорацией СССР ученой степени кандидата исторических наук профессионально несостоятельному невежде и фальсификатору *Л. А. Корнееву позорит и дискредитирует* эту ученую степень, до недавнего времени пользовавшуюся среди ученых всего мира высоким и заслуженным авторитетом, *заявляю о своем отказе от ученой степени кандидата педагогических наук и требую публичного обсуждения причин моего отказа* на заседании Ученого Совета Ленинградского института культуры им. Н.К.Крупской, присудившего мне эту степень, а также публикации моего открытого письма в Президиум Академии наук СССР в научной печати СССР.

С уважением

9 сентября 1983 г.

И. Мартынов

(Иван Федорович Мартынов. 191180,
г. Ленинград, Фонтанка, д.96, кв.9.
Тел.: 210-05-01)

Приложение: Диплом кандидата наук, МПД N003431, выданный Высшей Аттестационной Комиссией Министерства высшего и среднего специального образования СССР 16 января 1970 г., о присуждении решением Совета Ленинградского государственного института культуры им. Н.К.Крупской от 11 ноября 1969 г. (протокол N 18) ученой *степени кандидата педагогических наук* Мартынову Ивану Федоровичу.

ЭТНИЧЕСКИЕ ПРОБЛЕМЫ В СОВЕТСКОЙ АРМИИ

В последнее время многие западные исследователи проблем Советского Союза обратили внимание на все возрастающее значение этнического фактора в советских вооруженных силах. (S. Enders Wimbush, Alex Alexiev, «Soviet Central Asian Soldiers in Afganistan», 1981, «The Ethnic Faktor in the Soviet Armed Forces», 1982, Susan L. Curran, Dmitry Ponomareff, «Managing the Ethnic Factor in the Russian and Soviet Armed Forces. An Historical Overview», 1982, и т. д.)

Рекрутская система, установленная в Российской империи в 1699-1700 гг., предусматривала проведение набора солдат в регулярные воинские части лишь в этнически русских областях. Нерусские могли служить добровольцами только вне рамок регулярных частей — в так называемых «инородных войсках». В 1850 году численность этих «инородных войск» составляла всего около 3,5% российской армии. С конца XVIII века украинцев и белорусов, которых государство рассматривало как «русских», также начинают призывать в армию (хотя призыв русских был непропорционально большим). Военными реформами 1874 года «инородные войска» были упразднены, и воинская повинность официально стала всеобщей. Но на практике ежегодные призывы должны были проводиться таким образом, чтобы в армейских частях не менее 75% составляли славяне. По-прежнему освобождались от призыва народности Туркестана — нынешней Средней Азии, Закавказья, Северного Кавказа, все нерусские, живущие в Сибири, крымские татары и национальные меньшинства русского Дальнего Востока. Призыв в армию распространился на Среднюю Азию в 1916 году и послужил поводом для волнений, которые начались тогда же и имели целью изгнание из Туркестана русских.

Во время гражданской войны большевики санкционировали создание красных «национальных» частей, состоявших из нерусских, но находившихся под контролем русских командиров. Создание таких частей должно было замаскировать попытки русского центра насильно загнать нерусские

народы в империю, на сей раз — в империю советскую. В 1920 году Красная Армия насчитывала 5,3 миллиона человек, из которых лишь 4,3% были неславянского происхождения. В конце 1924 года в Красную Армию входили 4 украинские, 2 грузинские, 1 белорусская, 1 армянская и 1 азербайджанская дивизии. В этих частях постоянно возникали национальные проблемы, особенно в связи с вопросом об использовании в них русского или местного языка. Национальные части были расформированы в марте 1938 года. В решении о ликвидации национальных войск еще раз проявилось стремление Сталина усилить центральный, русский контроль.

Во годы II мировой войны антисоветизм был настолько широко распространен среди нерусских народов, что, несмотря на пренебрежительное, жестокое, а часто просто бесчеловечное отношение нацистов к этим народам, многие нерусские согласились на коллаборацию с немцами. Общее количество бывших советских граждан в германской армии составляло от 600 тысяч до 1.400 тысяч человек. Так как состав германских войск на Восточном фронте никогда не превышал 3,5 миллионов, следует предположить, что процент бывших граждан СССР в немецкой армии был очень высоким. Трудно точно определить количество бывших советских граждан нерусской национальности в немецком вермахте, но, скорее всего, они составляли не менее половины всех солдат из бывших граждан СССР. Балтийские национальности были, например, представлены в германской армии тремя дивизиями и большим количеством мелких подразделений. Более 250.000 добровольцев из Средней Азии и Кавказа были включены в так называемый «Восточный легион».¹ В Красной Армии в годы войны нерусские составляли от 35% (в апреле 1943 года, когда были оккупированы Украина, Белоруссия, Молдавия и республики Прибалтики) до 49% (в июле 1944 года,) когда большая часть СССР была уже освобождена) всех бойцов пехотных дивизий.²

1. Alex. Alexiev, S. Enders Wimbush, «The Ethnic Factor in the Soviet Armed Forces», 1982, The Rand Corporation, Santa Monica, California, USA.

2. S. L. Curran, D. Ponomareff, «Managing the Ethnic Factor in the Russian an Soviet Armed Forces», 1982, The Rand Corporation, USA.

С 1950-х годов в Советской Армии больше нет национальных формирований. Призывников отправляют служить в те части страны, где они не имеют с местным населением никаких этнических или религиозных связей. Таким образом, военная служба в СССР имеет большое значение еще и как фактор русификации.

Практика набора в советские вооруженные силы определяется двумя главными факторами: принципом всеобщей воинской повинности и стремлением достичь этнического баланса.³

Подавляющее большинство в офицерском корпусе Советской Армии составляют славяне, как минимум 80% всех советских офицеров — русские. Национальный состав воинских частей жестко контролируется высшим армейским командованием, получающим информацию из всех военкоматов. После призыва солдат отвозят служить далеко от родных мест. Исключением из правила экстратерриториальности являются строительные батальоны, состав которых часто набирается из местных жителей. Боевые части на 80% состоят из славян. Во вспомогательных частях, напротив, 70-90% солдат неславянского происхождения. Особенно много в них жителей Средней Азии и Кавказа. Обоснованием такого подхода является то, что эти солдаты имеют недостаточное образование, плохо знают русский язык и рассматриваются как недостаточно лояльные. Те неславяне, что служат в боевых частях, получают худшую военную подготовку, чем славяне, т.е. их военная квалификация является более низкой.

Воинские части Министерства внутренних дел никогда не располагаются в тех местах, откуда призваны солдаты этих частей. Состав войск МВД многонационален. 50-60% всех солдат — выходцы из Средней Азии. Пограничные войска КГБ, наоборот, состоят преимущественно из русских. Особенно те, что расположены у западных границ СССР. В войсках же, находящихся на Дальнем Востоке служат также украинцы белорусы. Да и во всех частях Советской Армии, стоящих

3. Alex. Alexiev, S. Enders Wimbusch...

вдоль границ, кадры военнослужащих преимущественно набираются из славян, главным образом — из русских. Русские составляют выраженное большинство в стратегических ракетных войсках, в авиации и в военно-морском флоте.

По всей стране рассредоточены строительные батальоны («стройбаты»), и это, вероятно, единственные части советских вооруженных сил, где неславяне, особенно представители народностей Средней Азии, значительно преобладают над славянами. Казахи, узбеки, таджики, киргизы и туркмены вместе с западными украинцами, которых здесь также много, составляют больше половины солдат стройбатов. Общий вывод тот, что в стройбаты направляют служить людей, которые рассматриваются как недостаточно лояльные по отношению к режиму. Существенное различие в подходе к военнослужащим разных национальностей заключается в том, что лояльность русских оценивается индивидуально, тогда как жители Средней Азии, евреи, немцы, эстонцы, западные украинцы и представители других национальных меньшинств подозреваются все подряд. Жителей Западной Украины, например, буквально ненавидят в армии: «Они презирают русских, а русские презирают их». О западных украинцах говорят как о «лютых националистах, не желающих говорить по-русски». Приблизительно так же относятся в армии к эстонцам, литовцам и латышам.

Расизм — черта, характеризующая взаимоотношения между славянами и неславянами, особенно жителями Средней Азии и представителями других тюркских народов, в советских вооруженных силах. Вопреки утверждениям советской пропаганды, служба в армии вовсе не способствует укреплению духа братства между народами СССР. Часто наблюдается совсем противоположное: у солдата, закончившего срок службы, развивается чувство национального самосознания и появляется негативное отношение к доминирующему положению русских. Конфликты между местным населением и солдатами расположенных поблизости гарнизонов — широко распространенное явление, особенно на Западной Украине и в Прибалтийских республиках.

К 1995 году от 1/4 до 1/3 всего предполагаемого состава воинских частей должны будут составить выходцы из районов СССР с мусульманским населением. Традиционно

как российская, так и советская армия набирались преимущественно из славянского населения. В настоящее время привлечение неславян на военную службу, где их стремятся русифицировать, является частью большой политики, направленной на обеспечение русского господства во всех областях жизни советского общества. Значительное увеличение в армии количества солдат неславянского происхождения к концу этого века приведет к возникновению проблемы внутренней безопасности, т. к. увеличится опасность возможного массового дезертирства, наподобие того, что имело место во время II мировой войны. В результате может случиться, что станут реальностью национальные и расовые столкновения, конфликты между солдатами из национальных меньшинств и местным населением и даже мятежи на почве национальных обид.

Большинство среднеазиатских народов (узбеки, таджики, туркмены, киргизы) живут по обе стороны советско-афганской границы. Значительную часть войск МВД составляют выходцы из Средней Азии, и, соответственно, первые сообщения из Афганистана свидетельствовали о том, что в начальный период советской оккупации Афганистана многие выходцы из республик советской Средней Азии несли полицейскую службу в составе войск МВД в Афганистане. Они использовались для строительства и охраны военных объектов, в частях обеспечения, для несения гарнизонной службы, конвоя, т. е. в службе тыла, обеспечивающей советским оккупационным войскам военные операции в Афганистане.

Почти все советские дивизии, которые находятся в Афганистане, относятся к Среднеазиатскому и Туркестанскому военным округам. Многие дивизии в СССР укомплектованы кадрами обычно не более, чем наполовину. Поэтому, для того, чтобы эти части были готовыми к проведению военных операций, они должны быть доукомплектованы резервистами. В условиях срочной мобилизации необходимое количество резервистов может быть призвано лишь из местного населения. При проведении призыва резервистов в областях, где проживают национальные меньшинства, дивизии будут в значительной мере состоять из местных жителей, нерусских по национальности. Это, очевидно, произошло в

период вступления советских войск в Афганистан. Резервисты из Средней Азии предназначались для несения оккупационной службы, а не для участия в военных действиях против афганских партизан.

Предполагалось, что наличие в советских частях солдат среднеазиатского происхождения в какой-то мере смягчит негативное отношение населения к интервенции, благодаря способности этих солдат входить в дружеские отношения с местным населением, близким им этнически и религиозно. Однако в действительности советский эксперимент с солдатами из Средней Азии в Афганистане, в лучшем случае, привел к возникновению сложных проблем, в результате чего его вынуждены были прекратить. В худшем случае, этот эксперимент просто провалился. Как бы там ни было, в конце февраля и начале марта 1980 года бóльшую часть солдат среднеазиатского происхождения из Афганистана убрали, а на их место прислали славян.

Workers *Under Communism*

Make checks payable to Workers Under Communism

**275 Seventh Ave.
New York, N.Y. 10001**

СОВЕТСКИЙ СОЮЗ В СОВРЕМЕННОМ МИРЕ

Е. Габович

...ЧЕРНЕНКО ...КТО СЛЕДУЮЩИЙ?

Об умерших не принято говорить плохо, но о покойном Юрии Владимировиче Андропове, казалось бы, нельзя сказать ничего хорошего. О его наследнике на посту генерального секретаря вообще трудно что-либо сказать. И все же западная пресса с большим профессиональным мастерством успешно поставляет нуждающемуся в известной дозе оптимизма читателю материалы, которые справляются с почти невозможной задачей. Они повествуют и об Андропове, и о Черненко, и притом умудряются сказать о них, если не положительно, то по крайней мере и не совсем уж отрицательно. Западногерманский еженедельник «Шпигель» поместил, например, после смерти Андропова статью на 12 страницах про Долгое умирание в Кремле, которая немного об Андропове, еще меньше о Черненко, но зато уж во всю о Ленине, Сталине, Хрущеве и Брежневе, об их правлении, привычках и болезнях. В основном именно о последних. Автор подсчитал, что за 66 лет Советской власти 22 года страной правили больные или даже очень больные люди. И сделал основной упор на том, с какой тщательностью скрывают в СССР как от населения, так и от иностранных корреспондентов болезни высшей партэлиты и в особенности фактического главы государства. А для контраста поведал про то, с какой готовностью рассказывает о своем сердечном регуляторе бывший канцлер Западной Германии Хельмут Шмидт, как демонстрировал корреспондентам свой 20-тисантиметровый шрам президент США Линдон Джонсон и т. д. и тому подобное.

Когда Андропов вступал в свою высшую должность, много писалось на Западе про его интеллигентность, знание

им иностранных языков, об его улыбке Моны Лизы и о надеждах на то, что он, наконец-то, проведет в стране давно назревшие реформы. Конечно, не забывали и о том, что он подавлял революцию в Венгрии, разгромил движение за права человека в СССР, что он дольше кого бы то ни было руководил тайной полицией (КГБ), но даже и в последнем умудрялись видеть положительное: благодаря этой своей работе он должен быть хорошо информирован о положении в СССР и о настроениях народа. Ведь по старому нашему анекдоту, советская власть сначала тратит огромные усилия, чтобы лишить народ возможности высказывать свое мнение, а потом создает с неменьшими затратами КГБ, чтобы все-таки знать, что народ думает. И хотя в некрологе не место анекдоту, все же трудно удержаться от соблазна сравнить западный оптимизм с тем, как реагировало чувство юмора самих советских людей на воцарение в Кремле бывшего многолетнего главы КГБ. Обращаясь к членам Политбюро, Андропов якобы говорит: «Товарищи члены Политбюро, желающие проголосовать за мою кандидатуру на пост генерального секретаря Коммунистической партии Советско - го Союза, могут опустить руки со стены, повернуться спиной к ней, сесть и, не делая резких движений, поднять правую руку».

После смерти Брежнева было немало надежд на новую разрядку. Журнал «Ньюсвик» поместил в конце ноября 1982 года статью «Мирное наступление Андропова» о том, что последний, мол, пытается придать советской внешней политике новое и более гибкое содержание. В начале января 1983 г. тот же журнал привел список неотлагательных реформ, которые предстоит осуществить новому генсеку:

1. Покинуть Афганистан;
2. Урегулировать отношения с Китаем;
3. Договориться о частичном разоружении в Европе (СС-20 и американские новые ракеты);
4. Приостановить рост расходов на военные нужды;
5. Дать хозяйственникам свободу управлять: провести экономическую реформу по «венгерскому образцу»;
6. Создать Совет старейшин, т. е. предоставить геронтократии пожизненные привилегии в обмен на омоложение правящего аппарата.

Ни одну из этих действительно насущных проблем Андропов не смог или не собирался решить. Вместо этого он до такой степени накалил международную обстановку, что теперь его преемника Черненко встречают новым оптимизмом, который в основном сводится к надеждам на исправление внешнеполитических промахов предшественника.

Об СССР пишут сейчас много, но при этом информация о самом Черненко продолжает оставаться весьма бедной. Впрочем, пересказав опубликованную в СССР его биографию, многие западные газеты, в том числе и либеральная немецкая «Ди Цейт», обратили внимание на десятилетний пропуск в оной: в 1931-м году он вступил в партию, а в 1940-м стал в Красноярске вторым секретарем крайкома. Правда, отмечается, что в тридцатых годах он служил в пограничных частях, которые, как известно, подчинялись НКВД и из рядов которых выделялись команды для проведения арестов и казней в годы сталинских чисток. Утверждается, что имеются свидетельские показания переживших сталинский террор 1936-39 гг. об участии сотрудника НКВД Константина Черненко в расстрелах. Эти показания никогда не были убедительно опровергнуты, однако не всеми на Западе считаются абсолютно достоверными.

Впрочем, после палача Сталина и главного кагебиста Андропова рядовой энкаведешник — это уже прогресс. И одна из статей в «Ди Цейт» озаглавлена «Константином Черненко удовлетворены полностью». В ней приводятся такие слова Збигнева Бжезинского, советника по безопасности президента Картера, о Черненко: «Очень осторожный бюрократ, полная противоположность Брежневу, не энергичен и во всяком случае — не динамит... интеллектуальности не излучает, менее смышлен, чем Андропов, но не глуп, при этом однако высокомерен и с диктаторским самолюбием — одним словом аппаратчик.»

Как же случилось, что Политбюро, 15 месяцев тому назад проголосовавшее за Андропова, теперь, после укрепления сторонниками последнего Алиевым и Воротниковым, отвергло «крон-принца» Горбачева и предпочли в пользу престарелого и по распространившимся на Западе слухам больного (эмфизема легких, хроническое их воспаление) Черненко. Одно из возможных объяснений: испуг. Очень уж рьяно

взялся покойный Юрий Владимирович за омоложение высших партийных кадров. Правда, лишь в вотчинах «брежневцев» Кунаева, Щербицкого и Гришина, и вообще во втором эшелоне правящей элиты. Но на Западе усиленно поговаривали, например, и о скором выталкивании на пенсию 78-летнего «брежневца» премьер-министра Тихонова. А Горбачев, который на 16 лет моложе Андропова, конечно же тоже потянет в Политбюро своих друзей — «молодежь». И тогда старикам нужно будет убираться на покой. К тому же вручить власть лет на 20-30 в одни руки... А так после смерти Черненко еще один из нынешних членов Политбюро повластвует над всей страной.

Не исключено также, что Черненко помог... Рональд Рейган: неловко, мол, вести переговоры с 73-летним американским президентом какому-то молокососу. Да и вообще, если им можно, то почему же нам нельзя.

В демократических странах процесс смены власти довольно прост: население выбирает президента или партию (и ее главу). При этом опросы общественного мнения позволяют заранее грубо оценить шансы соперников, причем даже в случае ошибочности такого прогноза участники политической дуэли общеизвестны. В СССР механизм престолонаследия никак не формализован, скрывается от народных глаз и служит поводом для различного рода догадок и кривотолков. И хотя внутренняя логика тоталитарной власти рождает соблазн *назначения* преемника, более того, превращения коммунистического престола в наследственный (далее всех по этому пути продвинулся Ким Ирсен, окружен родственниками у власти Чаушеску, но и Хрущев с Брежневым едва не погорели из-за своих попыток посадить на высокие посты близких родственников), ни одному из советских лидеров не удалось пока реализовать посмертно свою волю. Ленин не смел воспрепятствовать восхождению Сталина, Сталин явно не предполагал увидеть своим преемником Хрущева, последний же своей грубостью сам уложил на больничную койку крон-принца Козлова. Брежневский Черненко был оттеснен (не с самим ли Брежневым вместе) Андроповым, а протееже последнего Горбачев вынужден ждать смерти Черненко и бороться за сохранение своей позиции в Политбюро.

Фактическим главой государства в СССР является глава единственной и правящей партии; со времен Сталина — это генеральный секретарь КПСС (или ВКП/б/), т.е. главный чиновник правящего аппарата партийной бюрократии. Столь непривычная для европейской цивилизации система власти, приводит к тому, что для западного наблюдателя представляется трудным подобрать для нее понятную ему политическую аналогию.

Форму правления в СССР никак не назовешь президентской, несмотря на то, что один из постов в советской иерархии принято на Западе именовать соответствующим словом. Действительно, чисто бюрократическая в прошлом, а с определенных пор служащая для внешней маскировки диктатуры партаппарата под привычные западному человеку формы, должность Председателя Президиума Верховного Совета СССР (уф!) призвана ныне вызывать параллели с постом президента в таких демократических странах, как ФРГ или Италия. Однако, прямые выборы правящего президента, аналогичные таковым в США или во Франции — странах с президентской формой правления, немыслимы в Советском Союзе.

Ее нельзя назвать и парламентской, ибо Верховный Совет СССР никак не тянет на роль парламента, а выборы в него не являются борьбой разных партий с известными лидерами, для одного из которых победа его партии будет означать реальную власть в стране.

В поисках аналогии западные журналисты давно уже хватаются за слово «царь», впрочем вряд ли понимая, что за 370 лет царского правления смысл, вкладываемый в этот термин, неоднократно наполнялся различным историческим содержанием. И все же такая аналогия представляется наиболее обоснованной. Несмотря на все содержательное отличие тоталитарного советского режима от Российской империи их объединяет такая общая черта, как позиция власти, стоящей над обществом, а не служащей ему.

Сталин первый почувствовал эту аналогию, сознательно воплощал её в жизнь и упорно, хотя и намеками, прививал её народу, прославляя Петра Душегуба и провозглашая прогрессивность Ивана Бесноватого. Хрущев, хотя и отличался от весьма по тому времени образованного Годунова своей

полуграмотностью, походил на него тем, что смягчил лютость режима предшественника и обладал, как и Годунов, явными государственными способностями. Василий Шуйский и Романовы объявили Годунова убийцей Димитрия и, возможно, приложили руку к смерти Бориса при загадочных обстоятельствах; Брежнев сверг Хрущева, заморозил его реформы, а самого объявил волюнтаристом (что это: ругательство или комплимент бывшему самодержцу?)

Леонид Ильич своим консерватизмом более всего напоминает мне Николая II, хотя установившийся при нем и непоколебленный в своей основе полицейско-реформаторской попыткой Андропова государственный строй скорее всего уходит корнями в послеивановский период нашей истории: сажаемые боярами на престол цари и коллективное руководство Боярской думы, порой действительно обладающей большей властью, чем номинальный царь.

После возвращения министров и глав западных правительств с похорон Андропова прошел слух: за пост генсека Черненко заплатил, мол, обязательствами по ограничению своей власти. Как не вспомнить ограничительные записи, данные боярам Василием Шуйским и Михаилом Романовым.

Грустная это комбинация: космические полеты, атомное оружие и политические структуры XVI века. И все же тайное боярскодумское царетворчество грозит стране меньшими потрясениями, чем современный аналог бурного беззакония века от Софии до Александра, наполовину узаконенного декретом Петра о престолонаследии по воле самодержца. И остается лишь пожелать, чтобы долгий путь к демократии не задержался на отрезке, изоморфном 18-му веку, и не закончил бы временного аналога последнего века российской империи всего лишь мгновением свободы.

Новому кремлевскому хозяину никто на Западе не желает зла. Все хотят надеяться на лучшее. Но при всем западном идеализме судить о том, оправдались ли надежды, будут весьма реалистично и прагматично. И в первую очередь по невралгическим точкам внешней политики: Афганистан, гонка вооружений, претензии СССР на мировое господство.

Всякому, знающему российскую и советскую историю (длившееся более двухсот лет завоевание татарских ханств: от взятия Казани до присоединения Крыма; полвека войн за

Кавказ, десятилетия борьбы с басмачеством) трудно поверить в добровольный уход СССР из Афганистана. Наш естественный прогноз: 10-20 лет войны, уничтожение и изгнание 90-95% населения и, возможно, даже присоединение к СССР в качестве союзной республики (как Литвы) или автономной области (как Тувы) — не устраивает Запад. Простой избиратель в демократических странах не является знатоком русско-советской исторической традиции. Он просто органически не может примириться с тем, что одна из двух великих держав ведет в конце 20-го века войну на уничтожение против еще не вступившего в 20-й век и потому не представляющего никакой опасности для соседей народа.

НАТО не собирается нападать на СССР и не видит у последнего реальных врагов, из-за которых стоило бы грабить в такой мере свой народ с целью сверхвооружения. Он мог бы давить на Советский Союз, просто провоцируя его на гонку вооружений в области самой современной военной технологии, которую ему не вынести экономически. Но у Запада нет намерения уничтожать своего весьма выгодного торгового партнера и он тщательно пытается найти формулу мирного сосуществования с коммунизмом.

Однако всякому терпению есть предел. Попытки СССР распространить свое политическое, военное и экономическое влияние по всем материкам и субконтинентам, отрезать свободный мир от его источников снабжения полезными ископаемыми, перерезать его коммуникации, подорвать изнутри его демократические структуры, разрушить гарантирующие его безопасность политические и военные союзы — все эти признаки геополитического наступления Советского Союза вызывают самую серьезную озабоченность во всем мире. И СССР, чтобы не спровоцировать Запад на действительно серьезную реакцию, пора свернуть масштабы своей агрессивной политики, которая грозит уничтожить всю земную цивилизацию в нонсенсе мировой термоядерной войны. В конце концов и воинствующее ранее христианство, и не менее воинствующий ислам ограничились со временем частью земного шара.

Я сознательно не останавливаюсь на наболевших экономических вопросах, ибо — при всей их серьезности для населения страны — для внешнего мира они остаются в

основном чисто внутренними проблемами СССР. В большей мере, чем ситуация с загрязнением окружающей среды, использованием космоса в милитаристских целях или правами человека. В связи с последним отмечу еще один не совсем внутренний невралгический пункт: свобода эмиграции из коммунистической метрополии, возобновление еврейской и немецкой эмиграций, распространение признаваемого во всем мире права на воссоединение семей и на другие народы СССР.

Принятие соответствующего решения будет трудным для СССР из-за тоталитарного настроения системы, но и небесполезным, ибо воссоздаст отдушину для выпуска самой горячей составной части пара недовольства. Для Запада вопрос сей важен неимоверно, ибо невозможность выволить из неволи, спасти от гибели или от страданий хотя бы одного человека даже объединенными усилиями народов и правительств унижает свободного гражданина демократического общества сверх меры, которую он согласен терпеть. И правительство, и члены парламента весьма дорожат мнением простого налогоплательщика, который никогда не сможет понять, что его психология столь же недоступна для понимания кремлевскими старцами, как и посланцам инопланетной, построенной на рабстве, цивилизации. И только космические пришельцы могут надеяться, сначала унизив свободного человека, потом ожидать от него уступок в вопросах вооружения и размещения ядерных ракет.

Ничто не будет Черненко так мало стоить и ничто не принесет ему большего морального капитала во всем западном мире, чем безотлагательное решение вопроса о выезде из СССР семьи Сахаровых: тяжелобольных Елены Георгиевны и Дмитрия Андреевича. И ничто не сослужит худшую услугу его моральному реноме, чем физическое уничтожение хотя бы одного из этих благородных людей.

ЗАГОВОР С ЦЕЛЮ УБИЙСТВА РИМСКОГО ПАПЫ*

Ложь — бессмертная душа коммунизма. Он не может избавиться от нее. Разница между реальностью и фасадом так велика, что ложь стала нормальным, естественным способом жизни.

Лешек Колаковский.

Попытка убить Папу-поляка Иоанна-Павла II 13 мая 1981 года не была делом рук случайных интриганов, совершивших покушение ради собственного удовольствия. Это и не отвлекающий маневр контрабандистов, и не работа уголовных элементов, жаждущих дурной славы. Мехмед Али Агча, пришедший на площадь Св. Петра с целью убить Папу, не был больным или умственно неполноценным. Умственно неполноценные одиночки могут стать террористами, как это было в случае покушения Джона У. Хинкли на жизнь президента Рональда Рейгана 30 марта 1981 года. Но Агча — не Хинкли. Он не страдал психическим расстройством. Если бы он был умственно неполноценным, его не отобрали бы на ключевую роль в деле, которое Збигнев Бжезинский назвал «наиболее амбициозным и запутанным заговором столетия». Он не был и одиночкой, хотя претендовал на эту роль и временами вел себя соответствующим образом. Тем не менее во время его допросов в Риме довольно скоро стало очевидным, что он был тем, кто должен был осуществить план заговора с целью убийства Римского Папы. Это несомненно. Даже русские согласились с этим и вели себя соответственно с самого начала. Но они поддерживают версию, что за всем этим стоит американское правительство.

Для участия в заговоре нужны мотивы. Агча — турок, но нет турецких проблем, которые могли бы стать основанием для убийства Папы-поляка. Отчаянные попытки Москвы

* Работа Пола Б.Хенци «The Plot to Kill the Pope» издана в Лондоне (Croom Helm Ltd.) и в Нью-Йорке (Ch. Scribner & Sons), в сокращенном виде опубликована в журнале «Survey», v. 27, 1983. «Форум» печатает адаптированный вариант этой статьи.

возложить ответственность на ЦРУ, начались почти в тот же момент, когда прозвучали выстрелы, — много раньше, чем появились серьезные основания подозревать Кремль. Эти попытки продолжаются до сих пор. Упорное запирательство русских, клевета в адрес итальянских судей, голословное обвинение в соучастии в преступлении американского правительства и постоянный поток дезинформации из стран Восточной Европы — все это усиливает впечатление вины Советов. Этому же способствуют грубые атаки на Римского Папу в советской провинциальной прессе, начавшиеся задолго до выстрелов в Риме. Советский Союз — единственное из всех заинтересованных правительств, которое не желает никаких расследований или независимого обсуждения вопросов, связанных с заговором.

Резкое осуждение «международного» терроризма новой администрацией Рейгана в первые месяцы 1981 года и часто предъявляемые Советскому Союзу обвинения в том, что он поддерживает террор, вынудили Москву перейти к обороне. В этот период отмечена активизация усилий советской пропаганды, имеющих целью доказать, что это Соединенные Штаты создают и поддерживают террористические группы. Во всех пропагандистских материалах, если не считать деталей, было мало нового. Основная линия пропаганды заключалась в желании привлечь внимание к фальшивым «документам», которые появились в Турции в 1960-х годах благодаря стараниям просоветского сенатора Гайдара Тунчханата. Особое внимание обращалось на поддельный боевой устав армии США 30-31 В, который был впервые опубликован в Анкаре крайне левой газетой «Baris» («Мир») в марте 1975 года. Эта подделка боевого устава была опубликована затем более чем в 20 странах.

Детальный обзор «продукции» советских средств массовой информации за период, непосредственно предшествующий нападению на Папу, ясно свидетельствует о сознательной попытке заранее возложить на Соединенные Штаты, и в частности на ЦРУ, ответственность за убийство, которое должно было быть совершено. Пространная статья ветерана КГБ-истской пропаганды Эрнста Генри в «Совет-

ской России» от 5 мая 1981 года особенно показательна. В статье под названием «Терроризм без маски...» рассказывается о серии террористических актов, которые якобы совершили или пытались совершить, начиная с 1950-х годов, неофашисты или ультралевые экстремисты «по указке ЦРУ».

Если бы мы заменили слово «ЦРУ» на «КГБ» в статье Генри, мы бы точно описали советский *modus operandi* в Турции во время второй волны терроризма в 1975-80 годах. Есть очевидное сходство между линией, проводимой в этой статье, и теми «объяснениями» и обоснованиями преступления Агчи, которые дали советские источники сразу же после выстрелов и которые поддерживает и развивает советская пропаганда до сих пор.

Параллельно со все усиливавшимися попытками приписать «международный терроризм» Соединенным Штатам, советские средства массовой информации энергично старались доказать, что события в Польше — это в основном работа ЦРУ. Цель ЦРУ, согласно версии советской пропаганды, — дестабилизация положения в Польше и свержение правительства. Немецкие «реваншистские» организации обвинялись в подготовке «освобождения» Силезии и Восточной Пруссии. «Правда» от 15 апреля назвала церемонию памяти жертв массовых убийств в Катынском лесу на Варшавском кладбище акцией, инспирированной нацистами. Делегацию КПСС, приехавшую в Польшу по приглашению польских партийных коллег во второй половине апреля с «дружеским визитом», возглавил главный идеолог Политбюро Михаил Суслов.

Здоровье кардинала Вышинского в это время быстро ухудшалось но Суслов все же не мог вернуться удовлетворенным тем, что он нашел. Польская Церковь не могла серьезно пострадать в связи с уходом кардинала. Присутствие Иоанна-Павла II в Ватикане давало ей силу. «Солидарность» и Церковь вместе стали реальной политической силой в стране. Возможно, что Суслов мог входить в ту маленькую группу в Кремле, которая была вовлечена в планирование операции по устранению Папы. Его совет после возвращения в Москву 24 апреля вполне мог играть определенную роль в утверждении плана немедленных действий Мехмеда Али Агчи, который отправился из Милана 25 апреля на Майорку с

итальянской туристической группой и звонил Мусе Сердару Челеби во Франкфурт несколько дней спустя для того, чтобы сказать, что он получил обещанные деньги и направится теперь в Рим «закончить дело».

Папа был ранен 13 мая 1981 года в 17. 21. Час спустя варшавское телевидение прервало свою программу для того, чтобы сообщить о покушении. Вскоре то же сделало варшавское радио. Московское радио дало короткое сообщение о случившемся еще через полчаса. В то время, как варшавские средства массовой информации освещали эти события в течение нескольких дней, т. е. довольно широко, советская служба информации была сначала очень осторожной. Телевидение почти не освещало событие в Риме. ТАСС выпустило короткий бюллетень вечером в день покушения:

«Сегодня на площади перед собором св. Петра было совершено покушение на главу римско-католической церкви папу Иоанна-Павла II. Как передает агентство АНСА римский папа был тяжело ранен и доставлен в госпиталь».

«Правда» на следующее утро опубликовала сообщение в 15 строк о выстрелах в Риме. Леонид Брежнев послал письмо с выражением соболезнования, которое было опубликовано «Правдой» 15 мая. Оно было показательно коротким:

«Глубоко возмущен совершенным на Вас преступным покушением. Желаю Вам скорого и полного выздоровления».

Начиная с 15 мая, советские средства массовой информации стали уделять этой истории довольно много внимания, побуждаемые, несомненно, тем обстоятельством, что советские граждане (особенно те, что проживают в католических районах западных областей страны) будут слушать западные радиостанции и польское радио. В то время, как общий тон советских сообщений был формально благожелательным по отношению к Папе и покушение на него резко осуждалось, отношение к Агче было явно тенденциозным. Его характеризовали как «ультраправого террориста» (*Московское радио*, 15 мая), «тесно связанного с крайне правыми террористическими организациями» (*ТАСС*, 16 мая), как «члена запрещенной в Турции профашистской партии» (*Известия*, 15 мая).

Отношение к событию проявилось очень скоро. Уже спустя 24 часа после выстрелов московское радио сделало в своей международной программе сообщение, которое срав-

нительно точно определяет это отношение. Информация о состоянии здоровья Папы сопровождалась текстом, в котором ответственность за покушение возлагалась на фашистов и нацистов.

Тема, которая вскоре станет ведущей, уже видна. Точка зрения, что Агча как турецкий фашист должен желать убийства Папы, рассматривается как вполне естественная. На этой стадии советская пропаганда еще не впутывает в дело Соединенные Штаты (оплошность, которая вскоре будет исправлена), но недавнее покушение Джона У. Хинкли на жизнь президента Рейгана уже связывается с нацистами. В этой же радиопередаче сказано: «Террор — главное средство, используемое нацистами в попытках достичь своих целей. Совсем недавно, 30 марта, было совершено покушение на жизнь Президента США Рейгана. Это также был выстрел нацистов. Есть бесспорные свидетельства того, что Джон Хинкли, совершивший покушение на жизнь президента, был членом американской национал-социалистской партии».

17 мая ТАСС в своих сообщениях из Рима утверждает (и часть итальянской прессы подхватывает это утверждение), что Папа стал жертвой «широкого международного неофашистского заговора» и что якобы установлено, будто Агча во время своего пребывания в Италии встречался с представителями местных крайне правых террористических организаций. Хотя расследование заговора против Иоанна-Павла II еще продолжалось, ТАСС заключает, что уже можно сделать основной вывод: покушение было провокацией международного уровня, совершенной неонацистами.

Москва абсолютно ничего не сообщала о мотивах Агчи и о его путешествиях — об информации, которой была заполнена западная пресса в этот период. Тот факт, что Агча провел немало времени в Болгарии, игнорировался. — «Кто же такой Мехмет Али Агджа? — спрашивает московская газета «Неделя» 17 мая. — Ему 23 года, он родился в Турции, примкнул там к правой профашистской партии, задавшей целью установить в стране фашистскую диктатуру...»* Эта

* Нет никаких свидетельств, что Агча был членом возглавляемой Тюркешем партии национального действия или каких-либо других организаций подобного рода.

характеристика завершается сообщением о том, что Агча в 1979 году, в канун визита Римского Папы в Турцию, написал письмо с угрозой убить Папу.

Журнал «Наука и религия» (№9, 1981) опубликовал статью Ю. Григулевича. В этой статье автор сообщает о конспиративной организации, стремящейся «оклеветать левые силы», которая входит в итальянскую тайную масонскую ложу, «Р-2, работающую рука об руку с ЦРУ». Убийство Папы, как утверждает Григулевич, вполне отвечало целям ультраконсервативных клерикальных кругов в Италии.

Вскоре советские пропагандисты возложили ответственность за покушение на Папу на Соединенные Штаты Америки. Утверждение, что Хинкли, совершивший покушение на президента Рейгана, — нацист, было забыто. «Советская Россия» и «Комсомольская правда» 31 мая опубликовали статьи, в которых, среди прочего, вновь упоминался поддельный американский армейский боевой устав. Газеты писали, что американская секретная служба не только обучала, но и вооружала турецких террористов, что на большей части пистолетов, бомб и взрывчатых веществ, которые были конфискованы, нетрудно обнаружить хорошо знакомый штамп: «Made in USA».

Между тем, агентство печати «Новости» (АПН) ощутило прилив творческих сил. Оно поручило одному из своих наиболее одаренных авторов Владимиру Катину срочно написать работу, которая впервые появилась 27 мая. Основное направление практически идентично тому, что было в статье, опубликованной «Советской Россией», но аргументация была более специфической. В очерке под названием «Покушение на Папу: куда ведут следы?» высказывается предположение (хотя прямо ничего не говорится), что покушение было совершено потому, что американский посол в Ватикане Уильям Уилсон был неудовлетворен встречей с Папой 13 марта, на которой обсуждался палестинский вопрос. «По его (папы) мнению, мир уже нельзя обеспечить с помощью оружия, а только путем переговоров, — написал Катин и продолжал. — Это мнение папы диаметрально расходится с политическим курсом Белого Дома. Далее Иоанн-Павел II высказал мнение о том, что положе: в

Сальвадоре должно быть урегулировано мирным путем, т. е. с помощью специальных переговоров. Вашингтон против такого подхода». Кроме того Катин утверждал, что Вашингтон был раздражен состоявшейся в это время встречей кардинала Казароли с «министром иностранных дел» ПЛО Хаддуми, также как и визитом в Ватикан сальвадорского лидера левых. В заключение Катин заявил, что все это, вместе взятое, несомненно является политическим фоном покушения на главу Католической церкви.

Это сообщение АПН сначала не привлекло к себе большого внимания, но вскоре оно появилось в итальянском переводе в ежемесячном журнале «URSS Oggi», распространяемом советским посольством в Риме. Это, в конечном счете, привело к протестам американского и итальянского правительств и заявлению советского пресс-атташе о том, что сообщение АПН не отражает официальной точки зрения советского правительства.

Таким образом, менее чем через три недели после покушения Агчи на Папу, когда никто из западных руководителей, ни одно правительство еще не высказывали подозрения, что в деле замешан Кремль (американское правительство было особенно осторожным), когда вся западная пресса все еще рассматривала покушение как дело рук турецких правых, связанных, возможно, с таинственными силами исламских фундаменталистов, ведущие советские средства массовой информации уже начали громоздить обвинения против Соединенных Штатов.

Эта их линия не изменилась до сих пор. Для кремлевских пропагандистов заговор больше не является тайной; им не надо собирать дополнительных данных, исследовать мотивы. Личные и политические связи Агчи их не интересуют. Они знают: за ним стоит ЦРУ. Когда дезинформация уже начала циркулировать, нужно лишь добавлять дополнительные оттенки к той же теме.

Не является ли это упорное стремление придерживаться непродуманных, примитивных объяснений сущности заговора свидетельством нечистой совести? Можно ли считать всего лишь случайностью тот факт, что Сальвадор занимает все большее место в советских комментариях, если учесть, что Агча писал о нем в блокноте, который он забыл в пансионе «Иза» в тот день, когда

отправился стрелять в Папу?

В то время, когда прозвучали выстрелы, болгарские средства массовой информации давали новости, обработанные как обычно. Уже в день покушения Тодор Живков послал Папе письмо с выражением своего возмущения совершенным «актом террора» и с пожеланием скорейшего выздоровления. Это письмо почти идентично брежневскому, которое было послано позже. Первые признаки того, что в Риме обнаружены «болгарские связи» Болгария абсолютно игнорировала.

Центральная советская пресса ни до, ни после выстрелов на площади Св. Петра не нападала на самого Папу. Мало кто на Западе, кроме немногих специалистов, знал о широкой кампании нападков на Римского Папу, в советской провинциальной прессе в первые месяцы 1981 года. Белорусский журнал «Полымя» в марте 1981 года назвал Папу «злонамеренным, низким, вероломным и консервативным прихлебателем американских милитаристов»; «Радянська Україна» была почти столь же грубой. Подобного рода выпады были и в литовской прессе. Но все это не повторялось и не отражалось в центральных средствах массовой информации. Эта политика продолжалась, как мы увидим, до конца 1982 года, когда были разоблачены «болгарские связи» в Риме.

Даже если бы Агча был убит на месте*, определенные подозрения в отношении советского участия в этом деле все равно могли бы возникнуть. Правое прикрытие для Агчи готовилось, возможно, в ожидании, что он будет убит на месте или позже — после бегства. У него было намного больше шансов стать мертвым «серым волком», чем остаться в живых. Но даже если бы он был убит, подозрение полиции, наверняка, все же пало на Кремль. должно быть, была разочарована, когда судья Сантьяпиччи объявил свой

* Агча не ожидал, что будет убит, и тщательно готовился к бегству. На основании того, что сейчас известно о поведении болгар, можно предположить, что один из болгар, пришедших на площадь Св. Петра, должен был убить Агчу. План не осуществился, т.к. сразу после выстрелов толпа хлынула к Агче и к Папе, и болгары вынуждены были спасаться бегством.

приговор на процессе Агчи 25 сентября 1981 года. Дело не было закрыто. Расследование продолжалось. В течение всего следующего года центральные советские средства массовой информации следовали намеченной линии: утверждали, что это дело рук США. В советской провинциальной прессе атаки на Ватикан и на Папу все усиливались — и все еще не были замечены на Западе.

Когда в сентябре 1982 г. вышел «Reader's Digest», Москва начала кампанию нападков на Клэр Стрелинг, автора статьи о заговоре. После того, как НБС передало 21 сентября «Белую газету», ТАСС назвало ее «грязной, антисоветской сенсацией, выдуманной ЦРУ». Когда радиовещание НБС в январе 1983 года передало обновленную версию той же программы с новой важной информацией, Москва пригрозила ответными мерами (но ничего не предприняла).

Советские контрмеры не были слишком изобретательными. Время было тяжелое. Брежнев умирал, Андропов маневрировал, чтобы иметь как можно больше шансов на успех. «Путч» Ярузельского 13 декабря 1981 г. в Варшаве выявил идеологическое банкротство советской позиции в Польше и подтвердил развал польской компартии. Попытка Кремля стимулировать «движение за мир» и запугать Западную Европу была недостаточно эффективной. Когда арест Сергея Антонова 25 ноября 1982 года сделал очевидными «болгарские связи» (которые прослеживались еще ранее, но большинством замечены не были), КГБ, должно быть, на какое-то время был в оцепенении от ужаса. Почему болгары ради элементарной предосторожности не сменили команду своих разведчиков в Риме? Что за совет давал посол Николай Толубеев Живкову? Почему офицеры КГБ, надзиравшие за болгарской разведкой не предупредили ее об опасности?

Айвазов покинул Италию с неприличной поспешностью, взывая к дипломатическому иммунитету. Лишь немногие советские средства информации откликнулись на арест Антонова в начале декабря, считая это событие сугубо болгарским делом. Москва присматривалась к ситуации пару недель. Должно быть, надеялась, что случай Антонова можно будет игнорировать. Наверняка, пыталась каким-то образом сторговаться с итальянцами. Кто-то, возможно, предлагал

взятку или угрожал, или же делал то и другое одновременно... Это были пустые хлопоты. Широко распространившееся в Советском Союзе в последние годы слушание западных радиостанций ставит советские средства массовой информации в условия, когда они не могут не уделять хотя бы минимального внимания важнейшим новостям. В середине декабря Кремль решил, что блефовать больше нельзя. Советским гражданам непозволительно формировать свои взгляды на основе сообщений западных радиостанций. Нужно было начинать контратаку. Однако в этих контрударах ничего нового не было. Лишь усилились обвинения, риторика стала более насыщенной, стиль более резким. Названия статей конца 1982 — начала 1983 гг. демонстрируют неистовство, овладевшее советскими пропагандистами. Здесь выбраны наугад названия некоторых статей, появившихся в советской центральной прессе в промежуток между 18 декабря 1982 г. и 1 апреля 1983 г.: «Нелепые инсинуации» („Правда", 18 .12. 1982), «Следы ведут в Вашингтон» („Известия", 26. 12. 1982), «„Дело Антонова" или попытка доказать невозможное» („Литературная газета", 29. 12. 1982), «Рекорд клеветы» („Известия", 30. 12. 1982), «Кому это на руку?» („Правда," 30. 12. 1982), «Портрет террориста» („Литературная газета", 19. 1. 1983), «Серый волк, Красная шапочка и... уши Генри Киссинджера» („Литературная газета", 26. 1. 1983), «Грязные следы ЦРУ» („Правда", 13. 2. 1983), «„Красный колпак" для „серого волка"» („Известия", 25. 3. 1983).

Эти статьи и другие, подобные им, обыгрывают одну и ту же тему: шум вокруг болгарского участия в покушении на Папу — тактический маневр Запада, имеющий целью отвлечь внимание от его агрессивных планов в отношении Восточной Европы. Каждый знает, что именно ЦРУ руководит международным терроризмом, и бесполезно пытаться возложить ответственность на Советский Союз. Вновь советская пресса голословно утверждает., что Агча был подготовлен в Турции американцами, которые поддерживают там организацию Тюркеша «Серые волки». Советская пропаганда утверждает, что версия о «болгарских связях» Агчи, установленных им во время визита в Болгарию, выдумана итальянской разведкой, которая и предложила ее Агче после его осуждения.

Нигде в этих «обличительных», полных «праведного

гнева» публикациях не было сказано ни слова о том, что Агча летом 1980 года в течение длительного времени был в Болгарии, что Агча прошел подготовку у палестинцев; нигде не сообщалось о тайне, связанной с местопребыванием Агчи после того, как он бежал в Иран.* Все это — очень чувствительные темы для русских

Самые крупные фигуры в иерархии советской пропаганды были привлечены к делу. Леонид Замятин называет разоблачение болгарских связей «злой кампанией, в которой нет ни зерна истины, ни на йоту правды». Все это разработано, по его утверждению, для того, чтобы дискредитировать Болгарию и СССР в глазах католиков. Георгий Арбатов, директор Института США и Канады АН СССР, смог лишь заявить, что США выдумали болгарские связи для объяснения попытки убийства Папы потому, что администрация Рейгана была разочарована быстрой и спокойной сменой руководства в Москве после смерти Брежнева и хотела создать трудности для Советского Союза. Очень уж жидковатой получилась каша у человека, который, судя по всему, должен хорошо знать, как работает Америка.

Тем временем раздражение Кремля выразилось в массированных атаках прессы на самого Папу. 30 декабря 1982 г. ТАСС публикует обращение ЦК КПСС, где Папу называют примитивным антикоммунистом, который стремится использовать Церковь для разрушения Польши и других стран Восточной Европы. Называя Римского Папу «архиепископом Кракова», документ обвиняет его в использовании «языка христианских молитв» для маскировки своих политических целей. В этих нападках легко просматривается завуалированный намек на то, что Папа якобы сам спровоцировал террористический акт против себя. Такая точка зрения резко противоречит основному направлению советской пропаганды, выбранному более чем за 18 месяцев до этого, — линии, согласно которой организатором попытки убийства Папы являются недовольные им Соединенные Штаты.

* Упорное советское молчание о побеге Агчи из Турции в Иран 1 февраля 1980 года вызывает подозрение и наводит на мысль, что он, возможно, отправился из Ирана в Советский Союз (или в Сирию, или в Ливию) для прохождения спецподготовки.

Папа не сделал ничего, что могло бы спровоцировать эти нападки. Ватикан молчал во время ареста Антонова и разоблачения «болгарских связей». Теперь пресс-бюро Ватикана опубликовало краткий ответ, в котором указывается, что советские заявления «противоречат действительным фактам и событиям, которые всем хорошо известны и в отношении которых мировое общественное мнение уже вынесло свой приговор, и этот приговор трудно опровергнуть. Оно (это заявление) противоречит также оценкам советских источников, в том числе и официальных, которые не раз признавали важное значение неустанной работы Папы Иоанна-Павла II для дела мира и справедливого решения серьезных проблем, стоящих перед человечеством».

Аргументы Ватикана были, очевидно, серьезнее советских. Их поддержала даже газета итальянской компартии «Unita» 31 декабря 1982 г. Прямые, ничем не обоснованные советские нападки на Папу, да еще на языке, который до сих пор использовался только в провинциальной прессе, лишь усилили на Западе впечатление (даже в среде скептиков), что за заговором против Папы стоит кремлевское руководство. Новая советская линия не была, однако, постоянной. Даже во время визита Папы в Польшу в июне 1983 г. Москва предпочитала в основном угрюмо молчать, а не вести активное фронтальное наступление.

До ареста Сергея Антонова болгарские средства массовой информации уделяли делу о заговоре против Папы меньше внимания, чем информационные службы других восточноевропейских стран. Затем они проявили необычайную активность. Ответные действия Болгарии лишь усилили впечатление ее виновности. Айвазов бежал из Рима, а Бекир Челенк, пользующийся дурной славой турецкий спекулянт, который был в Лондоне в момент ареста Антонова, тотчас же бросился назад в Болгарию для того, чтобы его «взяли под стражу» в Софии и показательно судили 9 декабря 1982 года. Болгары арестовали двух итальянских туристов с очевидной целью иметь золожников для обмена. Советский посол Толубеев и его болгарские подопечные, должно быть, провели несколько бессонных ночей накануне беспрецедентной пресс-конференции, которая состоялась в Софии 17 декабря 1982 г. с участием Айвазова, Колева, жены Антонова и

Бекира Челенка. Прессе не позволили высказывать даже в частном порядке свои подозрения.

В болгарской попытке самозащиты выделяются три основных направления:

1). Повторяющиеся заявления о своей невиновности и одновременная кампания обвинений против Соединенных Штатов.

2). Подготовка контраргументов с целью поставить под сомнение тот факт, что большинство данных, полученных итальянцами от Агчи, хорошо увязываются между собой и подтверждаются информацией, полученной от Скриччиоло*, который подтвердил, что Агча верно идентифицировал своих болгарских партнеров и их оперативный стиль.

3). Попытка дать известным и трудно опровержимым фактам иную (противоположную очевидной) интерпретацию. Например, болгары не смогли опровергнуть того факта, что Агча останавливался в Болгарии, хотя они его долго замалчивали. Они утверждали, что невозможно было идентифицировать его среди сотен тысяч турок, которые проезжают через Болгарию ежегодно. Они игнорировали факт, что лишь очень немногие из этих турок останавливаются в лучших отелях Софии и что болгарская служба безопасности, несомненно, следит за такими людьми. Болгары заявляют, что Скриччиоло был в действительности западным агентом, т. к. он контактировал во время своего визита в Польшу с известными польскими диссидентами, передавал им деньги от западных профсоюзов и посещал американское посольство в Риме. Один из наиболее 'изобретательных' аргументов — это утверждение, что действия Агчи были инспирированы НАТО, поскольку он путешествовал по семи странам НАТО перед тем, как раздались выстрелы на площади Св. Петра.**

Поток материалов, который Болгарское агентство новостей начало выдавать на-гора с декабря 1982 г. (и который не прекращается до сих пор) свидетельствует о большом

* Луиджи Скриччиоло был руководителем иностранного отдела Итальянской социалистической федерации труда. Арестованный в связи с делом о похищении Дозьера в начале 1982 г., Скриччиоло признался несколько месяцев спустя, что он был болгарским агентом с 1976 г. Данные, которые он сообщил итальянским властям и которые касаются его деятельности в пользу болгар (в том числе и его возможного участия в подготовке неосуществленного заговора с целью убийства Леха Валэнсы, которое должен был совершить Агчи), еще не опубликованы.

** Странами НАТО, через которые проезжал Агча, были (помимо Турции, откуда он начал свое путешествие) лишь Германия и Италия.

замешательстве Софии, маскируемом с помощью наглого поведения. Некоторые болгары, участвующие в кампании по опровержению, возможно, действуют искренне, т. к. лишь очень ограниченный круг лиц в Болгарии мог действительно знать о такой деликатной операции как убийство Папы.

Официальная польская пресса повторяет многое из того, что говорят в связи с покушением на Папу советские и болгары. Создается впечатление, что делает она это чаще всего вынужденно. Население Польши хорошо информировано западным радио и, следовательно, имеет достаточно данных для того, чтобы склоняться в пользу мнения о виновности русских. Поляков, несомненно, радует дискомфорт Москвы и Софии, вызванный позорными разоблачениями.

Дезинформация о заговоре против Папы начала появляться осенью 1981 года. Способ ее распространения характерен для обычной практики КГБ. Цель этой дезинформации — подтвердить советскую версию (в этом как раз появилась необходимость), согласно которой Агча был правым фанатиком и стрелял в Папу, руководствуясь как религиозными, так и «фашистскими» мотивами. За его спиной стояли Соединенные Штаты.

В конце октября 1981 года мюнхенская бульварная газета «Bild» опубликовала статью, в которой утверждается, что, по данным немецкой полиции, Агча проживал 6 месяцев в гостинице в Оттобрунне возле Мюнхена, где прошел курс обучения в группе немецких нацистов. Когда? Никаких подробностей. Нет даты. Нет никаких реальных фактов. Не смогла все это официально подтвердить и немецкая полиция. Хотя турецкая газета «Milliyet», выходящая в Стамбуле, опубликовала эту историю на видном месте уже 24 октября, она быстро забылась. Слишком уж много действительных фактов о путешествии Агчи и его связях стало известно к этому времени, чтобы эту сказку можно было воспринимать всерьез. Другой дезинформации, появившейся несколько месяцев спустя, суждена была более долгая жизнь. Это письмо, которое Агча якобы написал Альпарслану Тюркешу из Мюнхена. Нет даты. Не было даже оригинала самого

письма. Лишь его фотокопии, «посланные неизвестными лицами различным людям и организациям». Это обычная советская техника. Отсутствие даты, вполне понятное в подложном письме, нечасто встречается в письмах обычных. Подлинные письма Агчи всегда были датированы. Авторы подделки не желали разоблачения своей работы в связи с тем, что фиктивная дата позднее может не подтвердиться. Однако наибольшие сомнения вызывает содержание письма. В письме есть целый набор лозунгов партии национального движения — язык, который совсем не был характерен для Агчи. Тюркеш заявил, что он ничего не знает об этом письме. Никаких других свидетельств, подтверждающих переписку Агчи с Тюркешем или иную форму связи между ними, не появилось ни в Германии, ни в Турции.

Довольно неубедительное письмо Агчи к Тюркешу мало что могло бы доказать, даже если бы оно было подлинным — ко времени, когда оно появилось, накопилось уже много свидетельств того, что Агча был втянут в организационную сеть, которая с целью камуфляжа стремилась выглядеть ультраправой, хотя она бесспорно служила советским интересам. Сущность этой организации обнаружилась тогда, когда осенью 1982 года стала очевидной ключевая роль в ней Мусы Сердара Челеби.

Зимой 1981-82 гг., когда стали постепенно выясняться новые факты о заговоре против Папы, поток дезинформации усилился. Часть дезинформации была направлена на то, чтобы доказать, что мотивы действий Агчи были глубоко антихристианскими (это после всего!). Его родной город Малатья будто бы сильно пострадал во времена крестовых походов и выраженные антихристианские настроения бытуют там до сих пор. Так что покушение Агчи на жизнь Папы было вполне естественным. Если бы кто-нибудь удосужился прочитать в туристском путеводителе полстранички истории Малатии, эта сказка показалась бы ему фантастической. Так много сражений прошло в местах, которые сегодня составляют юго-восточную часть Турции, после крестовых походов, что зверства крестоносцев давно должны были бы стереться в памяти. Современная Малатия возникла лишь в середине 19 века, после того как старый город, расположенный в нескольких милях к западу, был разрушен во время сражений

между армией Османской империи и повстанцами египетского вождя Мехмета Али. Есть и еще одно несоответствие в этой истории. Предки родителей Агчи жили в районе, находящемся довольно далеко от Малатьи, — их род происходит совсем из другого турецкого города Кайзери. Отец и мать Агчи приехали в Малатю только в 1965 году. Как только что прибывшие на новое место, они вовсе не обязательно должны были бы следовать бытующим в Малатьи традициям, даже если бы эти традиции действительно были антихристианскими.

Еще одно направление дезинформации связано с пошловатыми сказками о сексуальных приключениях Агчи (гетеро- и гомосексуальных), с наркотиками и насилием. Эта дезинформация появилась в двух больших статьях, опубликованных дублинской «Sunday Press» 14 и 21 февраля 1982 года. Их авторы Гордон Томас и Макс Морган, объединив эти статьи с рассказами о политике Папы и интригах Ватикана, подготовили большую книгу «Римский Папа», которая была издана в Нью-Йорке летом 1983 года. Если бы эту книгу честно рекламировали как фантастическую, о ней можно было бы говорить лишь как о посредственного качества попытке коммерческой эксплуатации истории Агчи и дела о его покушении на Папу. Однако авторы претендуют на то, что их книга — результат анализа, основанного на изучении источников. Они пытаются создать впечатление, что были проведены серьезные исследования в различных странах и авторы получили информацию от многих разведывательных служб. Обсуждая биографию Агчи и его активность в Турции, авторы допустили невероятное количество ошибок.

Даже если авторы «Римского Папы» использовали дезинформацию незаметно, они все же эксплуатировали ее очень неразборчиво. Конечный результат служит советской цели запутать дело о заговоре против Папы. Книга оставляет у сбитого с толку читателя впечатление, что история эта очень сложная и пачкает каждого, кто попытается добраться до сути дела. В ней многократно утверждается, что КГБ был вовлечен в заговор, и поэтому книга подверглась нападкам со стороны двух просоветских авторов в США, которые выразили свое возмущение попытками продемонстрировать участие КГБ в заговоре.

Среди беспорядочного потока ложной и недобросовестной информации, которой изобилует книга о Римском Папе и которую сейчас открыто используют Советы, есть утверждение, что бывший агент ЦРУ Фрэнк Терпил служил тренером Агчи. Эта история повторяется вновь и вновь в различных вариантах и даже иногда используется серьезными органами массовой информации в США и Европе. История может быть использована для того, чтобы продемонстрировать связи ЦРУ с людьми Каддафи. Несомненно именно поэтому Иона Андронов в своей серии статей в «Литературной газете» в июне-июле 1983 г. (см. ниже) напомнил о каких-то связях Терпила с Ливией и об участии его в обучении «серых волков» на Ближнем Востоке (но при этом не упомянул ПЛО). Очевидно, что Агча был связан с палестинцами. Возможно, он имел связи и с Ливией, но до сих пор нет данных, подтверждающих это. Во всяком случае, его связи с настоящими советскими ставленниками много более правдоподобны, чем с Фрэнком Терпилом. Советские специалисты по дезинформации не тратили времени впустую, фабрикуя материалы, которые должны были отвлечь внимание от все новых и новых свидетельств того, что заговор против Папы был инспирирован коммунистами. С одним из примеров дезинформации, варьирующей старую тему, мы познакомились весной 1983 года. В начале марта, кажется в мадридском еженедельнике «El Tiempo», впервые появилась подделка датируемого 1978 годом «строго секретного» меморандума Збигнева Бжезинского президенту Картеру, в котором предлагается план дестабилизации Польши. Курьезно, что варшавская газета «Życie Warszawy» перепечатала подделку 13 марта 1983. «Меморандум» рассматривает избрание кардинала Войтылы Римским Папой как составную часть этого плана дестабилизации. Подделка, должно быть, отражает точку зрения КГБ конца 1978 года, согласно которой избрание поляка на Римский престол произошло в результате тайных махинаций Бжезинского, осуществляемых через кардинала Кроля в Филадельфии и западногерманских католических лидеров. Эта подделка, как кажется, рассчитана больше на эффект внутри советской империи, чем на Запад. Помимо прочего она, вероятно, может быть использована для судебного преследования руководителей «Соли-

дарности» в Польше.

Дезинформация продолжала появляться и летом 1983 года. В начале июля неожиданно появились в левой европейской прессе две поддельные телеграммы, якобы посланные из американского посольства в Риме в Вашингтон в августе и декабре 1982 года. Это дезинформация распространялась по всему миру до тех пор, пока не была официально опровергнута Госдепартаментом США. Цель распространения этих «документов» — продемонстрировать, что «болгарские связи» были сознательно сфабрикованы США в сотрудничестве с итальянцами. Отношение ТАСС к этим «документам» демонстрирует технику советской дезинформации в ее наиболее грубой и примитивной форме. В сообщении ТАСС, опубликованном в Риме 14 июля (за день до вашингтонского опровержения), говорится о подделке как о документах, которые якобы обычным путем появились на свет в Италии, и утверждается, среди прочего, следующее:

«Шумиха на Западе по поводу якобы соучастия Болгарии и других социалистических стран в попытке турецкого террориста Али Агджи убить Римского Папу Иоанна-Павла II была прямо инспирирована Вашингтоном, как явствует из сообщения агентства новостей АНСА. Агентство ссылается на фотокопии двух секретных документов, отправленных Послом США в Италии Максвеллом Рэббом, которые получил итальянский журнал „Pace e Guerra“. В первом документе, датированном августом 1982 г., прямо говорится об организации в Италии кампании, имеющей целью убедить общественное мнение в том, что Болгария причастна к акту террора. Второй документ, относящийся к декабрю 1982 г., говорит уже об «успехе» этой операции... Недавно официальные власти организовали встречу Али Агджи с ... группой итальянских и иностранных журналистов... Правый террорист не обманул их надежд и использовал предоставленную ему возможность для грубых клеветнических заявлений, касающихся Болгарии и СССР».

«Грубые клеветнические заявления» ТАСС повторить постеснялось. Они были связаны с расследованием случая похищения 22 июня 1983 года Эмануэлы Орланди, 15-летней дочери ватиканского чиновника. Это таинственное похищение, расследование которого еще не закончилось в момент написания этой работы, все более смахивает на еще одну советско-болгарскую попытку представить Агчу как исламского фундаменталиста. Похищение было совершено неизвестным, назвавшим себя турком, который в начале августа

заявил о своей причастности к «антихристианской турецкой освободительной армии» и потребовал освобождения Агчи. Об организации с подобным названием даже не слышали в Турции. Мусульманские фундаменталисты в Турции никогда не заявляли о своих «антихристианских» настроениях. Эти люди не проявляли никакого интереса к Агче — человеку нерелигиозному. Агча, доставленный в Рим для допроса, заявил, что он не был связан с такой группой и ничего не знает о ней. Пользуясь присутствием большого количества журналистов у входа в здание, где его допрашивали, он заявил, что работал на КГБ и проходил подготовку в Сирии и в других местах у советских агентов. Нет никаких оснований не верить в то, что он сказал правду.

Похищение Эмануэлы Орланди и всплывшие на поверхность невесты откуда поддельные телеграммы американского посла в Риме, видимо, имели целью придать вес появившейся в это же самое время самой крупной компиляции дезинформации, клеветы и извращения фактов — опубликованным «Литературной газетой» в июне-июле 1983 года серии статей Ионы Андропова. Статьи были тотчас же перепечатаны в Софии и в середине июля опубликованы европейской службой болгарского пресс-агентства. Мы встречаемся здесь с хорошим примером переплетения советских и болгарских попыток распространить дезинформацию. Из-за своего большого размера эти статьи привлекли к себе очень незначительное внимание на Западе, но они достойны изучения как в связи с делом о заговоре против Папы, так и с точки зрения ознакомления с советскими методами дезинформации.

Андронов, бывший корреспондент «Литературной газеты» в Нью-Йорке, постоянно напоминает своим читателям о том, что он расследовал дело «по-журналистски», и пытается создать впечатление, будто бы лично собирал материалы в Турции, Болгарии и Германии — в странах, по которым он действительно путешествовал. Ему отказали в визе в Италию, но он успешно совершил вояж в Италию несколько позже — тем же летом 1983 года. Серия статей Андропова претендует на обстоятельность и представляет собой литературную обработку всего набора дезинформации КГБ по поводу

заговора против Папы.

Андронову позволили использовать информацию, которая до сих пор не появлялась в советской прессе: например, таинственное исчезновение денег с банковского счета Агчи в Турции в 1978 году и роль Челеби в качестве наставника Агчи в последние месяцы перед выстрелами в Риме. Метод Андропова заключается в интервьюировании людей, а затем в интерполяции данных различных интервью и суммировании их с целью создать впечатление, что человек, у которого берут интервью, подтверждает советскую дезинформационную версию и соглашается с ней.

Основной тезис Андропова все тот же: за спиной заговорщиков стоят Соединенные Штаты и главным исполнителем является ЦРУ. Выдвигается целый набор всевозможных обвинений против США, которые якобы поддерживают террористов с начала 1960-х годов. Автор статьи приводит в качестве характерных и доказательных примеров создание организаций турецких фашистов в конце 1950-х годов, вербовку Агчи для убийства турецкого редактора Абди Ипекчи в начале 1979 г., т.е. тогда, когда советником президента США по вопросам безопасности был Збигнев Бжезинский, который якобы возглавлял «Черный Интернационал» — поддерживаемый США координационный центр нацистов и фашистов всего мира. (Я полагаю, для того, чтобы надзирать за тем, как бывший агент ЦРУ Фрэнк Терпил тренирует Агчу, и — наконец, но не в последнюю очередь — чтобы организовать покушение на Папу.)

Серия статей Андропова наглядно демонстрирует поразительную способность Советов лгать, ставшую всем очевидной после того, как в сентябре 1983 г. был сбит южнокорейский авиалайнер «Боинг-747». Но эти статьи также демонстрируют, что, опираясь только на ложь, очень трудно справиться с таким непростым делом, как объяснение заговора с целью убийства Папы-поляка. За два с половиной года кремлевские пропагандисты не смогли, как ни пытались, предложить альтернативной теории объяснения заговора без участия в нем Москвы. Советы имеют готовых помощников — и в западной прессе, и в интеллектуальных кругах, и даже в правительствах (подавляющее большинство из них не являются ни советскими агентами, ни защитниками

или сторонниками коммунизма). Эти люди пытались (и пытаются до сих пор) объяснить заговор таким образом, чтобы обелить советское руководство. «Ужасный секрет» этого феномена — в естественной западной реакции в таких ситуациях. Но даже эти люди раздражены назойливой болтовней об участии ЦРУ в преступлении, о мстительности администрации Рейгана, о том, что «серые волки» завербованы американцами, о разработанном Бжезинским грандиозном плане дестабилизации Польши. Я сам был не столько оскорблен, сколько удивлен тем, что был обвинен сначала в подготовке террористического акта против известного турецкого общественного деятеля, а затем в участии в покушении Агчи на Папу. Это, наверное, большая честь — быть выбранным в качестве одной из главных мишеней для нападок столь широко известного поставщика клеветы и дезинформации как «Литературная газета». Вскоре после того, как это случилось, 9 сентября 1983 г., руководитель международного отдела «Литературной газеты» Олег Битов попросил политического убежища в Риме. Москва заявила, что он был похищен сотрудниками ЦРУ, желающими скрыть свою роль в организации заговора против Папы («The Daily Telegraph», 25 октября 1983 г.)

Дезинформация, распространяемая Советским Союзом для того, чтобы с помощью наглой лжи замаскировать свое преступление, — явление не новое. Преступления Советов сегодня общеизвестны на Западе — будь-то московские процессы или убийство Троцкого, Катынь или суд над 16 польскими руководителями подполья. И совсем свежий пример — корейский авиалайнер. К сожалению, их методы дезинформации все еще способны смутить Запад — вызвать сомнения и превратить дело в «спорное». И это — несмотря на то, что в прошлом мошенничество советской пропаганды такого рода не раз становилось очевидным. Как и в недавнем случае с внутренне противоречивыми «объяснениями» по поводу сбитого корейского самолета. Советскую дезинформацию в связи с попыткой убить Римского Папу следует принимать за то, чем она является: королева Зла пытается

прослыть Белоснежкой — под видом новостей и информации широким потоком подается дезинформация. Впрочем, западные средства массовой информации сами несут ответственность за то, что позволяют злоупотреблять собой.

Он действительно был — заговор против Папы. Он тщательно и долго планировался. Покушение Агчи — это необычное дело; заговор был организован не в турецких, болгарских или итальянских интересах. Причина его не связана с проблемами Ближнего Востока, как русские пытались утверждать в статье своего агентства «Новости» спустя две недели после покушения, или с разногласиями американцев и Ватикана по поводу ближневосточной политики. Его происхождение не имеет ничего общего с внутренними делами Польши. Причина заговора — в советско-польских отношениях.

Ради того, чтобы господствовать в Польше, Кремль совершил три больших преступления против польского народа: Катынь в 1940 году, отказ поддержать Варшавское восстание в 1944 году и попытка убить Римского Папу в 1981 году. В годы между этими датами Москва пыталась сделать Польшу покорной, но всегда безуспешно. Избрание Римским Папой поляка в 1978 году было расценено Кремлем как событие чрезвычайной важности. Газетные нападки в советской провинциальной прессе начались задолго до выстрелов в Риме и стали исключительно злобными в период, непосредственно предшествующий инциденту. В марте 1981 года, например, белорусский журнал «Полымя» обвинял Папу Иоанна-Павла II в сотрудничестве с нацистами в Польше во время Второй мировой войны. Не было, конечно, никаких оснований для таких обвинений, но они служат показателем того, как люто ненавидят Папу-поляка в среде представителей «нового класса», управляющего советской империей.

Все известное о попытке убийства Папы Иоанна-Павла II, свидетельствует, что в этой страшной драме нет ничего такого, что допускало бы различные толкования, каждое из которых было бы по-своему обосновано. Всем очевидно, что здесь речь идет о борьбе между Римом и Третьим Римом — Москвой, между свободой и плюрализмом, с одной стороны,

и тоталитаризмом, с другой. Борьба эта ведется с первых лет возникновения советской системы, которая провозгласила себя системой наиболее прогрессивной и враждебной всему остальному миру. Причина страха Москвы и ее подозрительности по отношению к несоветскому миру — в действиях самой Москвы, а не где-то вовне. Остальной же мир вновь проявляет снисхождение, выходящее за пределы здравого смысла, по отношению к преступному поведению Советов.

(Перевод В. Панченко)

SOVIET NATIONALITY SURVEY

The West long failed to notice what every Soviet leader since Lenin has known — that the Union of Soviet Socialist Republics (U.S.S.R.) has a nationality problem. The U.S.S.R. and Russia, so the thinking went, were one and the same.

The last two decades have witnessed a substantial change in Western attitudes. Although misconceptions still abound, the Soviet 'nationality question' is now acknowledged to be both important and far from answered. The non-Russian nationalities of the U.S.S.R. have become a legitimate subject of inquiry. But, one thing has not changed — Soviet nationality affairs still do not receive the attention they merit.

Soviet Nationality Survey has as its immediate goal to serve as a newsletter providing concise and topical information about the 'other Russia' — its peoples, its problems and its relationship to Russians. Our long-term goal is to illuminate broad trends and serve as a handy reference guide to Soviet nationality affairs. We hope eventually to become an indispensable source of news for policy makers, journalists, academics and businesspersons interested in the Soviet nationality question.

Soviet Nationality Survey is published by Suchasnist Publishers, whose other periodical publications include Suchasnist, a Ukrainian-language monthly, and Forum, a Russian-language quarterly specialising in Soviet nationality affairs.

Soviet Nationality Survey will appear ten times annually. The price of a one year subscription is £20 / 30 \$ U.S., or the equivalent in other currencies.

Please make cheques payable to **Soviet Nationality Survey:**

15 Sherringham Avenue,
London N17 9RS, England.

ПОЛЬСКИЙ ОПЫТ

Адам Михник

ДЕКАБРЬСКОЕ ГОВЕНЬЕ*

Еще накануне 13 декабря 1981 года в «Солидарности» выявились две противоположные точки зрения. Одни говорили: «Следует любой ценой добиваться взаимопонимания с правительством. Это возможно, потому что правительство хочет такого взаимопонимания». Другие возражали: «Необходимо любой ценой наступать по всему фронту, т. к. правительство — хотя и слабое и бездарное — стремится расколоть и уничтожить „Солидарность“. Успех возможен, т. к. с помощью генеральной забастовки можно вынудить правительство пойти на необходимые уступки». Эти две точки зрения высказывали нередко одни и те же деятели, которые на местах старались сдерживать радикальные настроения своих коллективов, а на заседаниях Общепольской комиссии представляли точку зрения этих же коллективов. Теперь, по прошествии двух лет, возникает вопрос: какая же из этих точек зрения — «радикальная» или «умеренная» — была правильной? Мой ответ: «Ни та, ни другая».

Сегодня ясно видно, что конфронтация с правительством не могла в тот момент принести успех. Даже если бы «Солидарность» решилась на оборону бастующих фабрик, на

* Статья Адама Михника «Grudniowe rekolleksje» опубликована в журнале «Kultura» (Paris) за январь-февраль 1984 года.

Адам Михник — известный польский общественный деятель, с 13 декабря 1981 года находится в заключении. Подробнее см. «Форум» N 5, стр. 43.

уличные сражения и попыталась вызвать бунт в армии (что было возможно), никто не должен был бы питать иллюзий относительно дальнейшего хода событий. «Советские товарищи», согласно своим обещаниям, не упустили бы Польшу. Декабрьский урок, а также позднейшие события должны были избавить профсоюзных радикалов от иллюзий, которые порождает упоение размерами влияния «Солидарности» в обществе.

Эти события показали, что и позиция «умеренных» в равной мере была ошибочной. «Солидарность» не могла достичь взаимопонимания с правительственной партией. Поскольку свою концепцию «взаимопонимания» эта партия строила по образцу сталинской модели отношений между государством и обществом. Общество — в их представлении — это совокупность подданных «государства», тогда как само «государство» является собственностью партийной «номенклатуры».

Иллюстрацией послужили действия аппарата власти после 13 декабря 1981 года: их общим знаменателем было стремление к ликвидации институционального плюрализма. Конечно же и раньше эта власть не имела намерений вести серьезные разговоры на тему взаимопонимания с представителями общества. Такова уж ее природа: коммунисты, когда могут, стремятся к тоталитаризму, взаимопонимания ищут лишь тогда, когда их к этому вынуждают. Это стоит запомнить: последекабрьские действия властей следует трактовать как подлинную реализацию додекабрьских деклараций о диалоге и обновлении.

Взбунтовавшееся общество, добиваясь гражданских прав и возможности самовыражения, напоминало узников, взбунтовавшихся против тюремной администрации. Эта администрация могла прибегнуть к просьбам и угрозам (до 13 декабря) либо к прямому принуждению (после 13 декабря), но цель имела всегда одну и ту же — нормализацию порядка в тюрьме.

В этом смысле — конфликт не разрешим: начальник тюрьмы никогда не признает правосубъектности заключенного, а заключенные никогда не согласятся признать свой статус естественным.

Это должно послужить уроком — также и сегодня — для сторонников «взаимопонимания любой ценой». Делая эти критические замечания, имею и себя в виду, потому что и мне случалось высказываться подобным образом.

Понял это окончательно лишь в тюрьме. Лишь здесь, слушая откровения сотрудников тюремной администрации и службы безопасности, понял абсолютно ясно, что единственно реальные отношения в обществе при Передовом Строе — это принципиальный, универсальный конфликт заключенных с надзирателями. Для функционера «диалог» всегда будет лишь формой допроса. Очевидно, разные бывают допросы. Есть допрашивающие «либеральные» и есть «твердолобый бетон»; есть сторонники уговоров и приверженцы кнута; есть такие, что ожидают помощи от дружелюбных узников. И заключенные бывают разные: «радикалы» и «умеренные», сторонники бунтов и приверженцы стратегии выживания, есть «несгибаемые» и есть «органики», есть и «стукачи». Тюрьмы также бывают с более жестким и с более мягким режимами: реже или чаще свидания, короче или продолжительнее прогулки, лучше или хуже питание. И все же тюремщики остаются тюремщиками, заключенные — заключенными, а тюрьмы — тюрьмами.

Поляки, создавшие в августе 1980 года «Солидарность», были заключенными, которые взбунтовались и пожелали жить как свободные люди.

Не следует ли из всего этого вывод, что «Солидарности» вообще не следовало бы стремиться к соглашению, т. к. оно в принципе невозможно? Нет ничего более ошибочного.

Мы должны добавить к сказанному, сохраняя столь близкую мне аллегорию, что тюрьма, о которой здесь идет речь, находится на местности, которая вот-вот будет затоплена. В этой ситуации отношения между заключенными и тюремщиками могли бы измениться. Случилось иначе. 13 декабря тюремщики заперли узников в зарешеченных камерах, а корабль сел на мель. Начал дрейфовать, потому что не мог плыть нормально, имея испорченные машины. Так дрейфует и по сей день.

Но сегодня все же не так, как было позавчера. 15 месяцев жизни на свободе многому научили узников. Это был

отличный урок общественного самовыражения, период необычайного духовного возрождения народа. Даже если бы больше ничего хорошего не случилось в жизни людей из «Солидарности», каждый из них мог бы все же сказать себе: в эти 15 месяцев жил я как человек, а не как быдло. В течение 200 лет повторяют подобные слова лучшие сыновья нашего народа и благодаря тому, что они способны их повторять, тому, что существуют антракты свободы, польский народ спасает свое лицо, свою честь, свою правду.

Поляков не раз упрекали в том, что они романтики и не считаются с реальной расстановкой сил. Но узник, который хочет вырваться на волю, должен быть романтиком, должен оценивать силы по замыслу, должен желать невозможного и должен считать отвагу реальной силой. Только после четкого осознания этого факта, который стараются обойти молчанием наши бедолаги — партийные публицисты, можно спросить: подтвердился ли, и если да, то в какой мере, в последние годы стереотип «польского безрассудства», стереотип поляка-улана, с саблей в руках атакующего танки?

Без сомнения, эти годы подтвердили, что поляки никогда не согласятся жить в неволе, никогда не будут добровольными заключенными. Но сформировавшаяся в это время модель польского сопротивления имеет мало общего с уланским стереотипом. Уланская отвага соседствует здесь с политической осмотрительностью. В сфере целей — сила определяется замыслом, в области их реализации — замыслы соответствуют силе. С 1976 года поляки не проявляют более никакого безрассудства. Они продемонстрировали свою волю к свободе и одновременно поразительное политическое чутье и верное ощущение времени. Еще ни в одной из стран, покоренных коммунизмом, общество не могло организовать такого широкого, разветвленного и эффективного сопротивления, как организовали эти «романтики», способные, казалось бы, лишь «с любовью умирать». Поэтому тот, для кого стереотип безрассудства поляков привычен, должен под влиянием событий от него отказаться.

Это особенно касается ситуации после 13 декабря 1981 года. Руководители «Солидарности» и другие общественные

лидеры правильно поняли цель политики генерала Ярузельского, верно оценили расстановку сил и выбрали методы деятельности, которые оказались успешными. После двух лет власти военных общественное сопротивление не подавлено.

Можно было бы сказать, что после 13 декабря Ярузельский все время действовал по сценарию, уже заранее предвиденному руководителями «Солидарности», которые справедливо не верили в декларации о «продолжающемся обновлении». Сценарий тот предсказывался на основе убеждения, что целью действий властей будет постепенная тоталитаризация всех сторон жизни, ликвидация плюрализма, независимости и самоуправления. Так и произошло.

Никакие компромиссы не могли остановить стремление к самовыражению, которое проявилось в промежутке между августом и декабрем. Руководители «Солидарности» и творческих союзов стояли перед выбором: либо ликвидировать правосубъектность своими руками, либо оставить это «благородное занятие» партийным и военным комиссарам. Выбрали сопротивление, правду и честь. Это следует подчеркнуть: уволенные журналисты и художники, актеры и ректоры вузов, кинорежиссеры и литераторы своими делами вписали славную страницу в историю польской интеллигенции и подтвердили верность лучшим национальным традициям. Тем самым заслужили эти люди уважение и благодарность всего общества, выразителями духовности которого — согласно традициям польской культуры — они стали.

Это не просто фразы. Примас Стефан Вышинский в 1953 г., решившись на сопротивление, за которое он поплатился тюрьмой, спас католическую церковь в Польше. Сегодня, решившись на сопротивление, польские художники и интеллектуалы спасли не только честь польской культуры, но и ее наивысший смысл.

Ярузельскому очень нужна видимость нормализации. Но польский культурный слой не стал в этот раз фиговым листком, прикрывающим действия властей, единственным мандатом которых было насилие, а единственным законом — ложь.

Фронт отказа отдельных общественных групп остался несломленным, также как осталось несломленным сопротивление всего общества. Это всего лишь проявление конфликта

между «номенклатурой» и обществом. Основные источники напряжения находятся где-то в ином месте.

Экономическая ситуация столь же плохая, как и раньше. После двух лет правления генералов нельзя уже нехватку мяса и масла, чая и кофе, сыра и шнурков сваливать на волюнтаризм и дурные качества Герека и Ярузельского или на бастующую «Солидарность». Вновь введенные ограничения на масло и маргарин, публичное заявление Ярузельского на заседании Совета экономической взаимопомощи о том, что обеспечить распределение мяса по карточкам становится все труднее, — все это сигналы того, что экономическая ситуация в Польше еще хуже, чем это кажется постороннему наблюдателю. Советская помощь не помогла преодолеть кризис и правители-генералы постепенно начинают понимать, что на самом деле советские руководители без труда могут прислать в Польшу танки, но долларové кредиты прислать могут только ненавистные американцы.

Без кредитов и реформ невозможно преодолеть кризис в ближайшие годы, а ключом к тому и другому является взаимопонимание с обществом. Никто и никогда еще не добился повышения производительности труда при помощи громких заявлений и свиста нагайки. Сами генералы признают, что «сейчас плохо, а будет еще хуже», но не делают из этого соответствующего вывода. Эта команда не способна на взаимопонимание с обществом.

Традиционный партаппарат естественным образом тяготеет к методам, оправдывавшим себя в прежние эпохи, — на них держится «бетон». Отношение к Ярузельскому недоверчивое, потому что он все центральные места в партии и администрации отдал своим военным. Генералы и полковники — руководители ключевых отделов в Центральном Комитете, секретари воеводских комитетов, воеводы и министры. Их становится все больше, и ничто не свидетельствует о том, что они намерены от своих постов отказаться. Напротив, у пропаганды появился новый акцент: говорят о том, что

«военные готовятся к выполнению невоенных задач», что «часть военных кадров должна работать одновременно в партийном аппарате и в военных учреждениях» и т. д. Полковник Станислав Квятковский, приближенный генерала Ярузельского, организатор нового центра социальных исследований, так прямо и написал: «Нынешний аппарат — это преимущественно партийные чиновники..., привыкшие к бюрократической работе..., привыкшие работать только внутри структуры власти ..., сегодняшние кадры „профессиональных революционеров“ не могут противостоять противнику».

После этого выступления «бетон» забурлил. Один из оппонентов — аппаратчик — припомнил, что после 13 декабря «аппаратчики» рисковали жизнью, выступая перед людьми, тогда как военные делали это очень редко. Эта полемика еще более усилила напряженность конфликта. Конфликт — грубо говоря — порожден не столько спором о методах осуществления власти (генералы — ничуть не большие «либералы», чем «бетон», хотя, быть может, меньшие доктрионеры), сколько проблемой подбора кадров в аппарат. Продвижение военных заблокировало традиционные пути карьеры. Как в польском анекдоте: генералы расходятся с «бетоном» в аграрном вопросе — генералы хотят уложить в землю «бетон», а «бетон» хочет, чтобы в земле оказались генералы.

Атакованный «бетоном» М. Ф. Раковский удерживается на своем посту исключительно благодаря поддержке генералов. «Политыка» печатает дифирамбы в адрес армии, хотя причин хвалить генералов немного. Желая найти какой-нибудь повод, чтобы похвалить своих шефов, публицисты из «Политыки» подчеркивают необычайную гениальность Ярузельского, который в декабре 1981 года спас свою власть, а без военного переворота, несомненно, утратил бы ее. Очень возможно. — добавим мы со своей стороны, — что утратил бы, но не в пользу «Солидарности». Однако считать успехом тот факт, что партия, правящая без перерыва 37 лет, должна была вводить войска на фабрики, т. к. не располагала никаким иным средством убеждения, и представлять это как главное достижение двухлетнего правления генералов — значит откровенно признаваться в политическом поражении.

Недостаточные успехи послужили «бетону» поводом

утверждать, что, коль скоро «мягкие» методы Ярузельского не привели к нормализации, следует обратиться к средствам более радикальным. Советские руководители, видимо, считают так же, но их слишком радикальное вмешательство в польские дела осложнит и без того неблагоприятное для них международное положение. Здесь-то и следует искать причину разжижения «бетона» в последнее время. Похоже на то, что начальник тюрьмы временно подавил дворцовый бунт слишком усердных надзирателей. Но в более отдаленной перспективе курс «бетона» — может быть с некоторыми модификациями — будет, наверняка, единственной дорогой. Так как Ярузельский оказался неспособным политически разбить «стражников мирового огня» марксизма-ленинизма, они в будущем либо начнут диктовать генералу свою политику, «твердую как никогда», либо в подходящий момент перегрызут ему горло.

В партийной публицистике не раз проводились параллели с опытом советского НЭПа, который дал возможность хотя бы частично успокоить общественное недовольство и удовлетворить потребности рынка. Однако все это лишь видимость, маскировка. Кто хочет понять механизм, правящий миром «номенклатуры», наступающей на общество, должен склониться над трудами Иосифа Виссарионовича Сталина

Вспоминаю здесь личность Товарища Языковеда не ради демагогии, а потому, что в официальной речи, прочитанной в Варшаве по случаю годовщины большевистской революции, припомнил фигуру добродетеля поляков член Политбюро ЦК ПОРП Стефан Ольшовский, рассказывая о ялтинском соглашении и выступлениях Сталина в Ялте и тем самым неосторожно напоминая полякам о том, благодаря каким людям и каким обстоятельствам утвердилась в Польше коммунистическая власть.

Скажем и мы пару слов о Сталине. Был он человеком гениальным. Никто больше не способен был с такой железной последовательностью разбивать общественные связи, с таким дальнозорким предвидением создавать теории государства и права Передового Строя. Идея Сталина — это построение тоталитарной системы без малейших проблесков свободы, построение общества заключенных с опорой на

теократической мировоззрение, согласно которому он сам был и божеством, и верховным жрецом. Этот гений словоблудия умел так мастерски пользоваться языком, что смог околдовать философов и художников, сторонников мира и друзей детей, а также американских политических мужей, в головы которых вдолбил он в Ялте, что в интересах мира и взаимопонимания Советский Союз должен управлять половиной Европы. Понять Сталина — значит получить ключ к пониманию современного коммунизма.

Этот один из величайших преступников 20 века был политическим реалистом. Вопреки мнению различных интерпретаторов, ищущих корни его деятельности в догматах доктрины марксизма-ленинизма. Сталин не был связан никакой ортодоксией. Создавал догматы, чтобы цементировать свой аппарат, основанный на принципе скрещивания духа религиозной секты с этикой бандитской шайки. Идеологические догматы обосновывали политику, но никогда не определяли ее направления. Кровавый грузин не был доктринером. Он всегда был политиком холодным и хитрым, и силу его всегда определяло полное отсутствие угрызений совести. Умел ставить перед собой промежуточные цели и заключать временные союзы, умел легко менять политическую ориентацию и умел выжидать подходящий момент.

Но прежде всего умел быть последовательным. В основе его политической позиции лежало стремление постепенно подчинить себе все сферы жизни всех живущих на земле людей. Если смотреть с такой точки зрения, то большие чистки перестают быть иррациональным безумством диктатора, а представляются элементами продуманной и рассчитанной на долгие времена концепции усмирения общества. В его государстве институтам, отражающим интересы общества, не было места. Его государство было тюрьмой людей и народов в самом дословном смысле этого слова.

Повторю еще раз: был реалистом. Атаковал только слабых.

Трудно без удивления — хотя и не без ужаса — подумать о том, что этот человек смог сделать, например, с русской церковью. Каждый христианин, который заботится сегодня о мире на земле, должен хорошо задуматься над сталинским уроком мирного сосуществования христианской церкви с коммунистическим государством.

Напоминая о Сталине, напомнил Стефан Ольшовский и о том направлении коммунистической политики, о котором сами коммунисты в эпоху детанта говорили очень неохотно. Это напоминание является очень ценным в связи с проблемой отношений между государством и церковью в данный момент.

Визит Папы в Польшу еще раз продемонстрировал настроение общества, вновь выявил подлинный образ польского католицизма, размеры его влияния и его огромный авторитет. Это было очевидное поражение власти, хотя визит Папы и создал благоприятный климат для диалога генералов с обществом. В коммюнике конференции Епископата от 25 августа 1983 года епископы писали: «Следует однако сожалеть, что не был использован благоприятный случай, появившийся в результате визита Папы, для достижения подлинно национального взаимопонимания». «Ограничительные предписания», которые «вновь усилили беспокойство», заняли место диалога. «Там, где диалог между правительством и народом перестает существовать, там,— утверждали епископы,— общественный мир оказывается под угрозой или вовсе исчезает». Заключение епископов гласит: «Нынешний трудный момент в жизни нашей родной страны может стать путем к общественному обновлению, начало которому может положить тщательное соблюдение условий заключенного в августе 1980 года общественного соглашения между представителями государственной власти и представителями мира труда ... Но ..., чтобы далее не возростало беспокойство, власти должны ответить на вполне закономерные ожидания общества».

Это абсолютно ясно свидетельствует о том, что обманулись как оппозиционные критики церкви, так и хвалившие ее сторонники режима. Церковь не хочет быть и не будет институтом, представляющим политические настроения общества, так же как не хочет она быть и не будет элементом мира официальной власти. Она есть и останется для одних и других одновременно защитником и апостолом христианских ценностей — ценностей, которые попираются при помощи лжи и насилия. Так следует понимать и упомянутую Папой Иоанном-Павлом II организованную помощь преследуемым, и покровительство очагам культуры (например,

предоставление церковных зданий для экспозиций живописи, театральных спектаклей, актерских вечеров, концертов, демонстрации кинофильмов).

Такое положение стало для аппарата власти сигналом тревоги. Аппарат не хочет дискуссии на эту тему, но закрыть рот церкви сегодня он уже не в состоянии. В этой ситуации пробует он подменить тему. В партийной прессе вновь появились публикации с типично сталинскими аргументами. Там говорится, что государство не ограничивает свободу религиозных культов, но не будет относиться толерантно к использованию этой свободы в политических целях. Круг этих целей будут определять — понятное дело — партийные специалисты от церкви. Все время повторяют, что диалог государства с церковью прекрасно развивается, но в то же время возобновились атаки против крестов в школах и госпиталях, некоторым священникам угрожают уголовным преследованием, а иерархам деликатно напоминают о грехах христианской церкви в других странах, особенно в СССР.

Шире, чем до сих пор, рекламируются атеистические издания и общества, а партийные еженедельники пытаются оживить старые антиклерикальные настроения. В этих еженедельниках появились вдруг статьи прирученных либералов в духе церковного обскурантизма; на дневной свет вылезли из подполья энтузиасты порнографии и сторонники аборт, что для обычной пуританской пропаганды коммунистов кажется несколько странным. Но это всего лишь обычная попытка перенести полемику с католицизмом на почву, для себя более благоприятную. Легче спорить с епископами об абортах и противозачаточных таблетках, разводах и порнографии, чем о плюрализме профсоюзов, цензуре, законности и демократизации общественной жизни. Развитие этих тем имеет целью столкнуть церковь на позиции защитницы анахронизмов, к тому же представить ее внутренне разделенной. Иногда (например, в еженедельнике «Политика») делается это удачно, и католические епископы не должны такие замечания игнорировать. Публикуемые в «Политике» статьи потому оказываются столь неожиданно эффективными, что стимулируют к полемике в условиях, не

слишком благоприятных для дискуссии, а это в более отдаленной перспективе может привести к помутнению образа. «Спаси меня, Боже, от друзей, от врагов я и сам спасусь», — эта пословица припомнилась мне во время чтения статьи католического деятеля, который требовал уголовного наказания за аборт. Не ведал благодетель, что этой статьей, которую охотно опубликовала «Политыка», сыграл, среди прочих, заранее написанную роль в чужом спектакле.

С таким же удовольствием «Политыка» перепечатала интервью с ксендзом Кунжем, критикующим Папу Иоанна-Павла II за недостаток гражданских свобод в церкви. Так же старательно она отмечает каждый критический голос в западной прессе.

Все это нечестные приемы низких людей, но они могут привести к определенным успехам. Потому — думаю — католические епископы должны к этому направлению пропагандистского наступления отнестись внимательно. В цитированном уже коммюнике конференции епископов есть выражение: «Польша является родиной всех поляков, без какой-либо дискриминации». Развитие этой формулы, высказывания в защиту гражданских прав для всех, безусловное отмежевание от всякой нетерпимости, бытующей все еще в определенных католических кругах, полностью свели бы на нет смысл статей «либералов» из «Политыки» и прочих подобного рода писаний.

Одно очевидно: время кажущейся идиллии миновало. Власть боится церкви. Она прекрасно понимает, что пока не подавит церкви, не подавит сопротивления общества. Поэтому атаки на церковь будут все усиливаться — никому на сей счет не следует иметь иллюзий. Атаки эти могут быть то более интенсивными, то более слабыми, но продолжаться они будут непрерывно до тех пор, пока положение католической церкви в Польше не станет подобным положению православной церкви в Советском Союзе. Неслучайно в пропагандистских целях стали говорить — аргумент из классического сталинского репертуара — о связях церкви с подпольем «Солидарности». Идеально для власти было бы, чтобы «Солидарность» прокляли с амвона, и к этому власть стремится. Примас Польши, высказывающийся так же, как и

Ян Добрачиньский*, — это серебряный сон власти о национальном единстве. Пример СССР или Чехословакии показывает, что — с точки зрения перспективы — никакие уступки со стороны аппарата не должны успокаивать.

Подполье «Солидарности» может говорить о большом и подлинном успехе. У него есть все основания для гордости. После двух лет репрессий, преследований и приговоров существует подпольная структура, существуют центр и организации на местах. Все это беспрецедентно в истории Передового Строя. Не подлежит сомнению, что через какое-то время — при подходящей конъюнктуре — движение это либо заставит коммунистическую власть считаться с требованиями общества, либо вынудит ее уйти. Эти два года были свидетельством действительной силы движения и наличия у него глубоких корней в обществе. Эти два года были доказательством, что с помощью нынешних методов уничтожить движение нельзя.

Полагаю, что у «Солидарности» самый трудный этап уже позади. Она стала непобедимой. Потому что стала движением общенародным, борющимся за общенародные цели и ценности. Со времен гитлеровской оккупации, со времен героической эпохи Армии Крайовой не было в Польше столь массового движения. «Солидарность» борется не за власть для себя, а за права для всего общества и в этом главный секрет ее силы. В отличие от Армии Крайовой она не является организацией военного типа, не является конспиративной организацией, управляемой с помощью военной дисциплины. Это общественное движение, в котором сочетается наличие центра, определяющего главные направления деятельности, с широкой автономией отдельных групп и очагов сопротив-

* Ян Добрачиньский — католический писатель, руководитель прорежимной организации ПРОН.

ления. Это движение, существующее в любом уголке страны и в каждом социальном слое общества, является собственностью всего народа и его надеждой. Спасающей от отчаяния и позволяющей бороться за реальное добро здесь и сейчас.

Общепародный характер движения связан, несомненно, с особенностью нынешней ситуации. Со временем, возможно, будет выработана альтернативная программа, которая получит общественный резонанс, либо разойдутся дороги людей, объединенных сегодня в «Солидарности». Все это футурология — пока же «Солидарность» едина, хотя понимает свой плюралистический характер.

Плюрализму — этому единству в разнородности — способствует широкий диапазон изданий подпольной прессы. Этими изданиями, в которых выражаются различные стремления и тенденции, определяется лицо «Солидарности». В некоторых своих изданиях «Солидарность» проявляет себя как движение людей, желающих учиться и искать. Программа движения очевидна: восстановление гражданских прав и реализация принятой на съезде идеи Самоуправляющейся Речи Посполитой. Придерживаясь этого направления, деятели «Солидарности» не дают столкнуть себя в экстремизм, стараются избежать конфронтации и хорошо организованным сопротивлением постепенно вынуждают военную власть менять методы управления. После двух лет правления военных наблюдаем эволюцию военной диктатуры в своего рода «самоограничивающуюся контрреволюцию». В декабре 1981 года генералы хотели конфронтации, стремились к «горячей» войне, которую должны были выиграть. Теперь же они должны проиграть. Не сегодня, так завтра.

Ясным свидетельством огромного влияния «Солидарности» является бойкот новых, официальных профсоюзов. Каждый трудящийся, бойкотирующий эти профсоюзы, платит за это высокую цену — его в первую очередь бьют по карману. В условиях все нарастающей нужды решиться на бойкот — это для большинства рабочих семей действие героическое. И все же этот ежедневный плебисцит «Солидарность» выигрывает. Польские рабочие таким способом ежедневно отдают свои голоса в пользу своего профсоюза.

Нужда стала изнуряющей и выдержать ее было бы трудно

без моральных стимулов. Таким стимулом было присуждение Нобелевской премии Мира Леху Валэнсе. Этой награде предшествовало демонстративное выражение дружеских чувств к Валэнсе Папой Иоанном-Павлом II, серия опубликованных деклараций руководства «Солидарности» на тему необходимости общественной борьбы за взаимопонимание — и, наконец, ставшая уже знаменитой полемика с М.Ф. Раковским на Гданьской верфи. Там, отвечая на грубые и демагогические выпады вице-преьера, Валэнса — поддержанный энтузиазмом судостроителей — ответил предложением переговоров о взаимном соглашении («кто-то должен же быть в этой стране благоразумным») и в спокойных тонах раскритиковал политическую линию партийного руководства («социализм — да, ваши методы — нет»). После встречи на верфи и компрометации вице-преьера агрессивность пропаганды в отношении Валэнсы достигла размеров, вызывающих беспокойство. Обвиняют его — как обычно — в национальном предательстве и одновременно в деятельности с целью наживы. Партийные журналисты — и министры — наслаждаются каким-то якобы подслушанным разговором Валэнсы с братом, из которого вытекает, что он думает только о долларах. Свидетельствует все это лишь об их собственных мечтаниях, тогда как Валэнса сразу же после получения Нобелевской премии заявил, что предзначает всю сумму премии организованному церковному фонду развития сельского хозяйства. Было бы смешно, если бы через какое-то время выяснилось, что на решение норвежского жюри оказали влияние эти никчемные нападки на Валэнсу правительственных лгунов.

Несомненно все же, что своей деятельностью Валэнса заслужил эту награду, как никто другой. Как Мартин Лютер Кинг стал символом борьбы за гражданские права негров, самопожертвованием добившись победы, так и Валэнса стал символом мирных методов борьбы рабочих Передового Строя в защиту гражданских прав. По всеобщему мнению, награда руководителю «Солидарности» была выражением признания международной общественностью поставленного вне закона профсоюза. Пользуясь охранной грамотой неприкосновенности — до сих пор коммунисты считают с его «святой кровью», — Валэнса говорит открыто то, что

думают деятели подполья и арестованные члены «Солидарности».

Этот руководитель, а ныне легальный выразитель интересов подпольной «Солидарности», который вернулся на свое рабочее место электромонтера на верфи им. Ленина (такое не может случиться ни с одним из снятых со своих постов деятелей ПОРП — все они способны быть только генералами, министрами или послами), стал сегодня символом борьбы польских рабочих. Но все же он — не единственный символ. Символами также являются уже два года находящиеся на нелегальном положении руководители подполья в Варшаве и Гданьске (Збигнев Буяк и Богдан Лис), символы — это осужденные на тюремное заключение руководители рабочих Вроцлава (Владислав Фрасынюк и Петр Беднаж), символами стали и ожидающие суда Гвязда, Яворский, Модзелевский и другие.

Руководители подполья, действующие в необычайно трудных условиях, преследуемые и оклеветанные, проявили в своей деятельности большую политическую осмотрительность, разумную умеренность и железную последовательность. Они провели «Солидарность» через самый трудный период, превратив ее в общественное движение всех поляков, способных на борьбу и готовых к соглашению. Им в первую очередь и направлены нижеследующие замечания, написать которые заставило меня убеждение, что сегодня движение стоит перед новым трудным этапом.

Из-за катастрофической бездарности генеральской команды и антирабочей направленности их социальной политики становится все очевидней, что путь Ярузельского не имеет ни малейшей разумной перспективы. Никакие пояснения и прокламации военных не могут скрыть того факта, что после двух лет их правления жизнь людей становится все труднее. Такое положение вещей порождает новые волны радикальных настроений. Нарастающий гнев и глухая ненависть создают опасную ситуацию, которая вот-вот

может привести к взрыву. Все чаще раздаются голоса, что нужно будет вновь «умирать за Польшу». Такие голоса опасны, и в связи с этим мне хотелось бы сказать несколько слов.

Международное положение — также и с польской точки зрения — со времени декабря 1981 года существенно изменилось. Польша, как и прежде, является частью советской империи и не располагает силой, способной одолеть Красную Армию. Два года назад фактором, тормозящим интервенционные устремления Кремля, был страх перед размещением ракет. Сегодня советских руководителей ничто не будет сдерживать, если они признают ситуацию в Польше революционной. Это может произойти, когда «бетон» убедит Андропова, что только «братская помощь» может спасти Польшу от «контрреволюции». Следует быть уверенным, что в тот момент Кремль пошлет в Польшу не группу для переговоров, а дивизию генерала Куликова. Надо затем признать, что сегодня ни одна забастовка — в том числе и забастовка всеобщая — не заставит коммунистов пойти на компромисс и что Ярузельский и его генералы заплатят любую цену, дабы удержаться у власти. Поэтому — с моей точки зрения — требованием времени является отказ от мысли о радикальных ударах по центрам власти. Они не имеют сегодня ни малейшей надежды на успех, тогда как к массовой резне вполне могут привести. Наша обязанность любой ценой избежать советской интервенции. Патриотическим требованием времени является не смерть за Польшу, а жизнь для Польши.

Поэтому — я полагаю — в ближайшее время «Солидарность» должна сохранить методы, выработанные в течение последних двух лет. Имеют смысл периодические демонстрации, имеют смысл хорошо подготовленные забастовки, имеет смысл деятельность, рассчитанная на долгосрочную перспективу (пресса и радио, издательства и группы самообразования). Не имеют смысла действия, направленные на тотальную конфронтацию.

В отличие от тех, кто считает необходимым уже сегодня создавать политические партии, думаю, что модель подпольной «Солидарности» выдержала испытание временем. Хорошо, что на место арестованных приходят все новые люди —

так должно быть и в будущем. Общество должно знать по крайней мере несколько имен людей, которым оно безусловно доверяет и которые действуют здесь, а не за границей. Эмиграция может играть — и играет — исключительно важную роль, но подпольного руководства в стране ничто не может заменить. Хорошо, что различные региональные и профсоюзные организации «Солидарности» имеют широкую автономию — это несомненный признак того, что внутри движения действует принцип правосубъектности отдельных групп в рамках движения. Хорошо, что подпольная «Солидарность» сохранила за членами профсоюза право на свободный поиск возможных форм легальной и официальной деятельности. Это необычайно важные формы участия движения в общественной жизни, но имеют они смысл лишь в том случае, когда официальная деятельность начинается после консультаций с руководством подпольной «Солидарности». Плюрализм форм не должен означать толерантного отношения к предательству и ренегатству, а именно так и следует оценивать деятельность некоторых бывших активистов «Солидарности» в новых профсоюзах. Но это, к счастью, лишь отдельные случаи.

Иными словами: взять курс на стратегию «долгого марша». Приближающиеся выборы в Сейм и в народные советы (если они вновь не будут отсрочены) должны стать поводом для того, чтобы «Солидарность» сформулировала альтернативную программу. Тем самым вероятный бойкот выборов будет не только актом отрицания, но и позитивным выражением заботы о реальной программе выхода Польши из кризиса. В принципе альтернативную программу — сформулированную ясно и понятно — должна провозгласить ВКК (Временная координационная комиссия «Солидарности»). Должны также огласить свои детальные программы региональные и профессиональные отделения «Солидарности». Особенно необходимо ясно сформулировать комплекс наиболее важных постулатов, касающихся права народа на самовыражение и право гражданина на жизнь в правовом государстве.

Также следует сохранить наново сформулированную программу соглашения между властью и обществом. Не для того, чтобы создать у поляков иллюзию, что такое соглаше-

ние сегодня возможно, а для того, чтобы не отказаться от шанса на компромисс тогда, когда оно станет хоть скольконбудь вероятным, когда Ярузельский вместе с Ольшовским, Раковским и Сиваком лишатся постов секретарей и отправятся на заслуженный отдых. Уход этих людей — ответственных за нынешний политический кризис — является обязательным условием выхода Польши из этого кризиса. Они уже не способны на соглашение и не могут рассматриваться как возможные партнеры в диалоге. Как условием соглашения в августе 1980 года была отставка Герека, так и условием будущего соглашения является уход Ярузельского и всей его команды, состоящей из генералов, «бетона» и болтливых журналистов из конюшни Раковского. За прошедшие два года эти люди сделали все возможное, чтобы доказать, что они не способны вывести Польшу из кризиса, а их методы управления страной не выдержали общественной проверки.

Польская драма, однако, не разыгрывается лишь на польской сцене. На польскую судьбу окажет большое влияние ход событий на сцене международной. Здесь же ситуация настолько сложная и неопределенная, что в любой момент можно ожидать как новой мировой войны, так и новой мировой Ялты — компромисса между сверхдержавами во всемирном масштабе. Чтобы ни произошло, ход нынешнего соперничества сверхдержав окажет влияние на судьбу Польши. Поляки же, напротив, большого влияния на результат этого соревнования оказать не могут.

Конечно, шанс оказать такое влияние был. Если бы у Ярузельского хватило воображения, то можно было бы использовать визит Папы для поворота в сторону соглашения. Оно могло бы оказать существенное влияние на весь международный климат, могло бы затормозить рост напряженности. Это было связано с риском, но проводимая теперь политика репрессий может привести лишь к одному — к углублению кризиса.

После двух лет политики санкций против правительства ПНР Рональд Рейган имеет все основания для удовлетворения. Его политика оказалась успешной. Несмотря на хвастливые заявления Ярузельского, несмотря на шумные декларации о «переориентации» в сторону СССР, помощь братских партий мало что дала. Предъявляя сегодня американцам счет

за санкции, правительство ПНР предъявило счет себе, своей политической концепции и своей способности предвидеть события. Оказались правы те экономисты, которые еще в первые недели военного положения предсказывали, что без кредитов и соглашения властей с обществом ни одно правительство не выведет Польшу из кризиса. Поэтому нынешнее правительство несет сегодня всю ответственность за нищету поляков, за то, что не может удовлетворить их элементарных потребностей. Дорога к выходу из кризиса связана с необходимостью переговоров с «Солидарностью», которые многократно предлагались как руководителями подполья, так и Лехом Валэнсой. За грубый отказ от этих предложений расплачивается сегодня весь народ. За такую политику — нисколько в этом не сомневаюсь — общество предъявит команде Ярузельского счет значительно больший, чем тот, который оно предъявило команде Герека. Наши генералы за два года своего правления разрушили нашу страну в несравненно большей мере, чем герековское руководство за десять лет.

Таким образом, президент Рейган добился в Польше своих целей. Он не оставил у поляков сомнения в том, что, если бы даже американский империализм каким-то чудом предоставил Ярузельскому очередные миллиарды долларов, они были бы выброшены на ветер. Генералы полагают, что доллары поправят экономическую ситуацию, а это принесет общественное признание их режиму. Ошибаются: путь к долларам и общественному признанию лежит через соглашение с обществом. Над этим должен хорошо задуматься преемник Ярузельского на посту руководителя государства.

Должен он также задуматься и над новыми акцентами в политике Соединенных Штатов. Все более частая критика Ялты американскими руководителями означает по существу критику политического статуса Европы, опирающегося на сталинскую концепцию раздела континента на сферы влияния.

Необычайно нервная реакция руководителей ПОРП на каждое американское упоминание о Ялте очень показательна. Для них Ялта является основанием легализации советского господства над Польшей и власти коммунистов в ней. Поэтому они в запальчивости повторяют, что именно Ялта

определила границы по Одере и Нейсе, вместо того, чтобы подчеркивать, что — согласно польской оценке событий — западная граница Польши окончательно признана обоими немецкими государствами.

Означает ли критика Ялты угрозу польским западным границам? Не думаю. Скорее, речь идет об утверждении, что коммунистическая диктатура в Европе не может быть оправдана никакими международными соглашениями, особенно в связи с тем, что она сама эти соглашения не уважает.

Через год Ялтинская конференция будет отмечать свой юбилей. Он может стать хорошим поводом для размышлений о результатах этих соглашений, в которых злому гению Сталина удалось обвести вокруг пальца несколько наивного и прямолинейного Франклина Д. Рузвельта. Разорвет ли правительство Соединенных Штатов официально ялтинские соглашения? Этого я не предполагаю. Мне кажется более правдоподобным, по крайней мере сегодня, что оно напомним об основном принципе тех договоров и соглашений, который был в одностороннем порядке нарушен Сталиным. Мол, Ялта означает гарантию того, что Польша не будет государством, враждебным по отношению к Советскому Союзу, но она вовсе не должна служить гарантией господства системы тоталитарных коммунистических диктатур над Польшей и половиной Европы. Фальсифицированные выборы в январе 1947 года были нарушением ялтинских соглашений, а не их реализацией. И эта тема может стать предметом нового американо-советского соглашения.

Безусловно, большим успехом советской политики является привлечение всеобщего внимания к проблеме равновесия вооружений. А между тем, вопрос вооружений — вопрос вторичный. Никакие ракеты, расположенные по обе стороны Эльбы, не будут угрожать миру, если в мирный порядок не будет вмонтирован механизм внутренней деструкции. Третий Райх начал войну не потому, что имел танки, а потому, что имел Гитлера, который, как никто другой, умел хорошо говорить о мире и разоружении. А потому западный пацифизм не спас мира, а лишь заставил демократические общества на коленях предлагать уступки, чтобы утолить прожорливость автора «Mein Kampf». Успешно бороться за мир — и тогда, и сегодня — можно, лишь борясь за порядок,

опирающийся на права человека. Кто этого не понимает, кто считает, что обезоруженность способствует миру, тот готовит почву под очередной Anschluss, очередной Мюнхен, очередной пакт Риббентропа — Молотова.

Тот, кто ищет путей разрядки напряженности в международных отношениях, обязан понимать, что проблема прав человека должна стать неотъемлемым элементом возможного соглашения между сверхдержавами. Сейчас уже недостаточно общих заявлений Сталина о демократии, которые Рузвельт принимал за чистую монету, — они лишь прокладывают дорогу к усилению напряженности и к новым конфликтам и одновременно служат прикрытием тоталитарному насилию.

В виду резкого обострений международной политики изменение соотношения сил в Польше в последние два года беспокоит советских руководителей. Наверняка, они внимательно и с недоверием присматриваются к Польше. Вопреки своим декларациям, они не боятся отступлений от идеологических догм. Боятся они «контрреволюции» в Польше, т. е. массовых выступлений против коммунистического правительства. Эти опасения достаточно обоснованы. Все же до сих пор остается без ответа вопрос: обсуждает ли Кремль альтернативный сценарий, принимает ли во внимание, наряду с «силовым» вариантом, также и вариант компромиссный? А поэтому вопрос польско-советских отношений зависит в значительной мере от советской интерпретации событий в Польше. Будут ли советские руководители в согласии со сталинским тезисом видеть в них лишь результат «усиления классовой борьбы в процессе социалистического строительства» и контрреволюционный заговор, инспирированный американской службой безопасности? Или же обнаружат в них непреодолимые стремления польского народа, на которые следует обратить серьезное внимание?

Иначе говоря: ближайшее время может показать, способны ли советские руководители учиться на ошибках своих предшественников и своих собственных? Способны ли они заметить, что политика, опирающаяся на силу иногда обманывает надежды, как это показывает опыт конфликтов с Югославией и Китаем?

Советские руководители не могут превратить Польшу в

витрину демонстрации их хозяйственной помощи. После двух лет «переориентации» истина эта стала очевидной. Они, однако, могут превратить Польшу в витрину демонстрации их стремлений мирно разрешать международные конфликты. Для этого им необходимы смелость и воображение. Но в любом случае для преодоления нынешнего международного кризиса нужны смелость и воображение.

Хочу повторить еще раз. Поляки не имеют большого влияния на мировую политику, хотя развитие ситуации в Польше может способствовать или препятствовать разрядке напряженности. Не от нас, однако, зависят: размещение ракет, ход женевских переговоров, война в Ливане. Поэтому польская политика должна быть сегодня осторожной и уравновешенной. В виду возможных изменений на шахматной доске мировой политики еще раз хочу напомнить основные черты той политики, в которой поляки сегодня нуждаются.

Во-первых: нужна политика, опирающаяся на прочное и постоянное стремление к самостоятельности. В связи с этим роль «Солидарности» является бесценной. Благодаря ей, Польша из придатка советской империи вновь превратилась во что-то живое, существенно важное в политическом сознании всего мира. «Солидарность» доказала, что длительная разрядка напряженности в Европе невозможна без учета стремления поляков к свободе.

Во-вторых: нужна политика перспективная, рассчитанная и планируемая на долгие годы, а не на неделю; терпеливая и настойчивая политика в защиту прав граждан и народа; политика развития общественных связей вне рамок официальных структур, политика построения суверенного общества в несuverенном государстве.

В-третьих: нужна политика динамичная, рассчитанная на различные возможные варианты развития событий. Такая политика, которая позволяла бы достичь соглашения между властью и обществом и одновременно давала бы возможность сосуществования с властью в случае невозможности достижения компромисса. Надо быть готовым к различным вариантам польско-советских отношений — обсуждать их следует уже сейчас. Руководители СССР должны знать, что могут иметь в Польше партнера для переговоров, что не следует смотреть на коммунистов как на единственных

гарантов их интересов. Это означает, что они должны представить себе, что компромиссное соглашение с польским обществом может стать лучшим гарантом их государственных интересов, чем опора на проводящих политику «гарнизонного» государства генералов и «бетон».

В-четвертых: нужна политика, которая будет сочетать стремление к глубоким структурным преобразованиям с необходимостью добиваться реализации насущных требований общества, возникающих в условиях жизни в кризисе. Организация обществ «солидарности против кризиса» столь же важна, как и организация манифестаций и разработка программы демократических реформ. Демократические реформы возможны лишь в обществе, готовом к демократии. Процесс созревания может и должен идти уже сегодня, развиваясь в ходе деятельности в аутентичных общественных организациях.

В-пятых: нужна политика, опирающаяся на правду. Не следует никого обольщать обещаниями легкого и быстрого успеха. Не надо бояться правды. Правда никого не лишит надежды и никого не приведет в отчаяние. Правда является самым прочным фундаментом реалистической и успешной политики, оружием безоружных и щитом беззащитных. Для того, чтобы выдержать в столь трудное время, полякам нужны не только слова, укрепляющие их сердца, но и счет их собственных слабостей. Такой счет может предъявить им только «Солидарность». И должна начать его с себя. Это должны сделать — по поручению ВКК — эксперты «Солидарности»: юристы, социологи, экономисты.

Последние два года продемонстрировали значение и силу «Солидарности». Насколько сильным является это необычное движение показали не месяцы между августом 1980 и декабрем 1981, когда некоторым казалось, что профсоюз является трамплином для карьеры, а, собственно, эти два трудных года существования «Солидарности» в подполье, когда страна находится под властью генералов.

Как участник — правда пассивный — этого движения постоянно размышляю о моральной и политической позиции «Солидарности», о ее руководителях и рядовых деятелях. Поэтому, собственно, и считаю себя вправе говорить о том, что движение должно решиться на трезвую оценку своей

деятельности. «Солидарность» должна иметь смелость ясно сказать правду о том, из-за чего разрывали нас столь глубокие конфликты перед декабрем 1981 года. Прежде всего я имею в виду зараженность коммунистическим стилем управления общественной деятельностью, недостаточную культуру полемики, игнорирование принципов плюрализма в общественной жизни. Имею в виду и то, что среди профсоюзных деятелей были не только люди слабые и глупые, не только люди, пьянеющие от жажды власти, но также предатели и обычные преступники. Эпоха между августом и декабрем выявила не только жизненную активность и талант польской общественности, но и наличие в общественном сознании темных закоулков (результат долгих лет порабощения).

В этом смысле — думаю — генералы в конце-концов неосознанно оказали движению услугу. Их репрессии вымели из «Солидарности» мусор карьеристов. Преследования «Солидарности» не уничтожили движения, а лишь облагородили его. Таким образом, работали генералы на нас, хотя руководили их действиями совсем другие побуждения. Нас они укрепили, а сами оказались в тупике, где их ждет политическая смерть.

Знаю об удивительном парадоксе: человек, когда у него почти все отбирают, вынужден концентрировать свое внимание на самом важном. В результате такой ситуации и появились эти мои размышления, которые пусть будут одновременно и моим ответом на предложение получить свободу ценой потери родины. Так вот: нет! Не покину Польшу, не сменю тюремную камеру в Мокотове на квартиру в Париже или Вене. Хочу отсюда светить в глаза генералам непрерывным укором совести.

Хочу отсюда еще раз обратиться и к моим друзьям: держитесь самого главного, делайте то, что можно, отворачивайтесь от дурного.

Адам Чарторыйский, один из великих поляков прошлого столетия, говорил: «Делай то, что должен; будет то, что возможно».

Перевод с польского В. Панченко

ТРУД — РАБОЧЕЕ ДВИЖЕНИЕ — ПРОБЛЕМЫ САМОУПРАВЛЕНИЯ

СВОБОДА АССОЦИАЦИЙ — ВАЖНЕЙШАЯ ИЗ СВОБОД

(Беседа В. Федосеева с Томасом Каном*)

От редакции: Интервью у Томаса Кана Виктор Федосеев взял на следующий день после того, как Т. Кан выступил от имени 13,5 миллионов членов АФТ-КПП в Конгрессе США на Слушаниях, посвященных использованию принудительного труда в Советском Союзе.

Федосеев: Давайте начнем со вчерашних слушаний, во время которых Вы высказали следующую мысль: «Это довольно скверно, когда американских рабочих вынуждают соперничать с иностранными рабочими, чей заработок в некоторых странах не превышает 75 центов в час. Может им еще следует соревноваться с теми, кто обречен на рабский труд в тоталитарных странах?» Как Вы поясните эти слова? Советская пропаганда постоянно твердит, что американские рабочие заботятся лишь о том, чтобы оградить свою монополию на хорошие заработки от какой-либо конкуренции. Беспокоит ли американских рабочих судьба их собратьев в (других) странах или они действительно руководствуются только материальными соображениями? Не свойственен ли им такой ход мысли: «Я буду защищать права других до тех пор, пока они не начнут претендовать на мои доходы?»

Кан: Ну, я бы сказал что американские рабочие обеспокоены положением их иностранных сестер и братьев как по экономическим, так и по моральным соображениям. И мы не видим здесь никакого противоречия. Эта их забота имеет исторические корни. Основатель современного американского рабочего движения Сэм Гомперс умер по пути на

* Томас Кан — член руководства крупнейшей американской профсоюзной организации АФТ-КПП (Американская федерация труда — Конгресс производственных профсоюзов).

Виктор Федосеев — политический обозреватель радио «Свобода», специалист в области прав человека.

родину из Мексики. Он был решительным сторонником мексиканской революции и мексиканских рабочих, которые боролись с реакционным режимом. К тому же Американская Федерация Труда — Конгресс Производственных Профсоюзов в период после Второй Мировой войны была весьма активна в борьбе против колониализма. По сути мы были более энергичными в нашем противодействии колониализму, чем многие наши друзья из европейских профсоюзных объединений. И началось это еще до того, как возникла конкуренция низкооплачиваемых рабочих. Но нас действительно беспокоит конкуренция с рабочими, которые зарабатывают 75 центов в час. Всем рабочим хотелось бы прилично зарабатывать, жить по хорошим стандартам и работать в хороших условиях. Я уверен, что в Советском Союзе рабочие чувствуют то же самое и также не хотели бы трудиться за 75 центов в час. Именно этот интерес, свободный от стремления к постыдной конкуренции, руководит американскими рабочими в их поддержке борьбы рабочих за границей за повышение жизненных стандартов и условий оплаты труда. Я считаю это вопросом справедливости, и когда принципы справедливости помножены на собственный экономический интерес, они становятся более устойчивыми и более надежными.

Федосеев: Вы упомянули об отношении американских рабочих к колониализму и о том, что их противодействие колониализму бывало даже сильнее, чем противодействие европейских рабочих. Почему так произошло? Что это — унаследованная национальная черта, моральная норма, присущая американскому народу?

Кан: Ну, конечно. Американским рабочим самим пришлось участвовать в революции. Это была революция против колониализма, против подчинения иностранным силам. И я считаю, что американцы всегда испытывали глубокую преданность идее права нации на самоопределение, на развитие своей собственной политической системы и своих собственных общественных институтов. Я думаю, что американские рабочие впитали дух независимости. Они не захотели бы иметь правительство, которое определяло бы для них рамки их прав, и, разумеется, им не по душе, когда это делают правительства других государств. Кроме того, американский рабочий класс включает в себя большое число

иммигрантов из разных стран, которые переселились в Америку исключительно потому, что хотели избавиться от той или иной формы тирании, в том числе и от такой разновидности тирании, как угнетение со стороны другого государства.

Федосеев: Естественно, такое отношение к колониализму перерастает в ненависть к рабскому труду, который и был темой вчерашних слушаний.

Кан: Американским рабочим пришлось воевать и против рабства — такой войной была Гражданская война в США. От исхода этой войны зависело, смирится ли страна с тем, что значительная часть населения превратилась в рабов другой его части, или нет. Конечно, Гражданская война была связана с рядом проблем, но проблема рабства была одной из самых важных. Северяне вели борьбу за свободный труд, против труда рабского. Это была кровавая война, фактически самая кровавая война из всех, которые до тех пор случались в Америке. И американские рабочие с тех пор весьма чувствительные к этой проблеме, к проблеме использования рабского труда, в какой бы стране мира это ни происходило.

Федосеев: В какой мере беспокоит Вас судьба рабочих под коммунистическим режимом? Насколько я знаю, вы входите в состав редколлегии журнала «Рабочие под Коммунизмом». Как возник этот журнал? Предназначен ли он для американцев или для всех, кто читает по-английски? Что побудило Вас принять в нем участие? Почему вы считаете, что такое издание необходимо?

Кан: Мы рассчитывали и на внутреннюю и на внешнюю читательскую аудиторию. А в будущем нам хотелось бы видеть этот журнал на нескольких языках. Пока что он выходит только по-английски и рассчитан на всех, кто читает на этом языке. Мы решили издавать его потому, что понимали необходимость такого журнала. Существовало множество изданий в которых содержались материалы об ущемлении права трудящихся на создание собственных профсоюзов, о репрессиях против рабочих во многих частях некоммунистического мира. Существовали издания, освещавшие специфические аспекты коммунистического общества. Но не было ни одного, которое было бы посвящено такой своеобразной проблеме, как положение рабочих под коммунистическими

режимами. Эта проблема во многих отношениях уникальна. И ее уникальность не только в том, что в коммунистических странах средства производства принадлежат государству, что означает для рабочих необходимость вести переговоры об условиях их труда не с частным предпринимателем, а с самим государством. Эта уникальность еще и в том, что на деле в Советском Союзе и в других коммунистических странах профессиональные союзы в подлинном смысле слова отсутствуют. А то, что существует под вывеской профсоюзов, всего лишь орудие государственной власти. В глазах американского профсоюзного движения, да и вообще всех американских рабочих, положение с правом трудящихся на свободу ассоциаций в этих странах — критическое. Свобода ассоциаций — фундаментальный принцип, на котором зиждится Американское профсоюзное движение, да и вообще любое профсоюзное движение. Мы признаем, что в мире существуют различные социальные и политические системы. Мы вовсе не считаем, что все страны должны непременно следовать американской модели. Такой подход был бы высокомерным и утопическим.

Федосеев: С точки зрения организации рабочего движения или с точки зрения структуры общества?

Кан: Политических и экономических структур общества. Мы считаем, что рабочие во всех, без исключения, странах, независимо от природы их социальной и экономической системы, должны иметь право создавать и контролировать свои независимые профессиональные союзы, свободные от правительственного вмешательства. Это и есть то, что мы называем свободой ассоциаций, универсальным и абсолютным правом человека. Мы идем даже дальше. Мы утверждаем, что свобода ассоциаций является важнейшим из всех прав человека, ибо без этой свободы немыслима защита других прав — свободы слова, свободы собраний, свободы совести — от посягательств со стороны государства, со стороны работодателя или какой-либо другой силы, действующей в обществе. До тех пор, пока люди лишены возможности собраться вместе для создания собственной организации, само понятие «свобода собраний» лишено смысла, т. к. оно означает всего лишь право сойтись без цели и разойтись по домам. А свобода слова в отрыве от свободы ассоциаций

означает свободу одичавшего индивидуума издавать нечленораздельные звуки. Без свободы ассоциаций не может быть сформирована политическая оппозиция, не могут быть проведены выборы. Таким образом свобода ассоциаций, по нашему мнению, жизненно необходима не только для существования профсоюзного движения, но и для защиты всех остальных прав человека. Мы считаем, что права человека должны быть универсальны, что их нельзя отрицать или признавать в зависимости от специфических требований той или иной социальной системы.

Федосеев: Вы высказали сейчас очень интересную мысль: свобода ассоциаций — важнейшая из свобод, так как без нее нельзя защищать остальные свободы. Элеонора Рузвельт считала самым важным правом — право на жизнь. Без этого права, по ее мнению, все остальные права лишены смысла. А Андрей Сахаров, который в настоящее время живет в изгнании в городе Горьком, считает, например, одним из важнейших прав право — на свободу передвижения. Он сказал, что если вы имеете право передвигаться, то вы обладаете и правом выражать ваши мысли. И действительно, если ваш подчиненный недоволен вами, он может вам это прямо заявить: «Господин Кан, мне не нравятся Вы, мне не нравятся Ваши поступки», после чего он может выйти и хлопнуть дверью, потому что его свобода передвижения позволяет ему и свободу выражения мыслей. Это, повторяю, очень интересно, что Вы находите самой важной свободу ассоциаций.

Кан: Без свободы ассоциаций свобода передвижения превращается лишь в «свободу бегства». Что же касается права на жизнь в качестве важнейшей из свобод, то право на жизнь может быть гарантировано и в тюрьме, где тюремщики будут вас кормить, обеспечат ночлегом и защитой от уголовных элементов. Однако никому не придет в голову отождествлять свободу с тюрьмой, равно как и с изгнанием.

Федосеев: Но я хотел бы вернуться к журналу «Рабочие под коммунизмом». Всем известно, что в коммунистических обществах средства производства контролируются государством. Но то же самое можно сказать и о правых, фашистских режимах. В чем же разница? Выкручивают ли вам руку вправо или влево — это одинаково больно. Особенно для рабочего.

Может быть, у Вас есть другой журнал под названием «Рабочие под фашизмом» или «Рабочие под тоталитаризмом»? Или только этот?

Кан: Когда мы пришли к решению о создании нашего журнала, мы хотели сузить фокус, потому что нам казалось, что будет нелегко добывать материалы по этой теме. Но это не означает вовсе, что нас не беспокоит нарушение прав рабочих под некоммунистическими режимами. В нашем заявлении по поводу выхода в свет журнала, мы указали, что наш интерес к проблеме вытекает из серьезного беспокойства за сохранение и расширение прав рабочих повсюду в мире. Журналы, которые концентрируются на нарушениях прав рабочих в некоммунистическом мире, тоже существуют. Немало такого рода сообщений можно найти и в коммунистической печати.

Федосеев: Вы упомянули также и об экономических правах, которые, разумеется, неразрывно связаны с правами гражданскими. Считаете ли Вы, что забота американских рабочих о гражданских и политических свободах в последнее время усилилась, причем не только применительно к их собственной стране, но и по отношению к людям, живущим в Центральной и Южной Америке, в коммунистических странах и в Третьем мире?

Кан: Мы думаем и о тех и о других. Профсоюзное движение — это созданный самими рабочими инструмент в первую очередь для отстаивания их экономических интересов, для улучшения условий их труда и повышения жизненных стандартов. Это все относится к экономическим правам. В процессе же отстаивания этих экономических интересов мы обнаружили, что их нельзя защитить без организации, самоорганизации рабочих. Это означает, что они должны обладать правом на организацию. Если рабочие будут лишены права организоваться и создавать их собственные институты, то они будут лишены главного средства, орудия самовыражения, с помощью которого они, собственно, и борются за достижение своих экономических и социальных целей. Таким образом, мы не видим здесь никакого соперничества между двумя разновидностями человеческих прав — экономическими и социальными с одной стороны, и гражданскими и политическими, с другой.

Нас изрядно беспокоит точка зрения, часто высказываемая представителями коммунистических стран, относительно того, что в первую очередь внимание следует уделять экономическим и социальным проблемам, и только после того, как будут решены эти проблемы, можно переключить внимание на гражданские и политические проблемы, проблемы демократии. Горькой иронией кажется попытка навязать такой образ мыслей странам Третьего мира, странам с неразвитой экономикой. Такие теоретики ставят учение Маркса с ног на голову, ибо как раз Маркс, будучи приверженцем экономического детерминизма, провел большую часть своей активной политической жизни в борьбе за право голоса для немецких рабочих. В его собственной практической политической деятельности он выдвигал на первый план политический вопрос, а именно — вопрос о предоставлении немецким рабочим избирательного права. Он признавал, что в целях борьбы за экономические интересы следует добиваться права голоса, права на собственные организации, добиваться политической демократии. И мы смотрим на вещи аналогичным образом. Я не хочу сказать, что американское рабочее движение является марксистским движением, но те, кто противопоставляет одну группу прав другой, отнюдь не способствуют развитию прав человека.

Те, кто безразличен к экономическим и социальным проблемам рабочих людей, обычно не очень-то интересуются и их правом на самоорганизацию. Мы наблюдаем это как в капиталистическом мире, так и в коммунистическом.

Федосеев: Вы сказали ранее, что американские рабочие и их организации далеки от того, чтобы навязывать свой образ жизни — демократию — каким-либо другим странам. Я уверен, что Вы знакомы с взглядом Уинстона Черчилля: хотя демократия не является лучшей из возможных социальных систем, она остается лучшим из того, что человечество до сих пор изобрело. Вы защищаете право людей на выбор. Недавно в интервью я попросил одного известного профессора дать определение демократии. Он ответил: «Демократия — это право выбора, т. е. право каждого самому выбирать, где ему жить, какую делать работу и так далее». Каково в этой связи ваше отношение к проекту администрации президента Рейгана, который называется «Проект демократии»?

Кан: Если позволите, я сначала прокомментирую определение демократии, которое предложил Ваш друг-ученый. Я согласен с ним, что демократия — это свобода выбора. Но демократия — не только это. Получив свободу выбора, люди могут совершить и ошибку. Американская федерация труда — Конгресс производственных профсоюзов, как вы знаете, считает, что люди совершили ошибку во время последних президентских выборов. Мы надеемся, что к следующим выборам мы поможем людям не повторить их ошибку. Мы имеем на это право. У нас есть право на ошибку, равно как и на ее последующее исправление. Право на второй шанс — крайне важно. Я должен с сожалением признать, что и Американское рабочее движение время от времени делает ошибки, хотя и реже, чем администрация, которая приходит у нас к власти со сменой правительства. Но даже наше правительство получает право повторного выстрела. Мы заинтересованы в выработке наших собственных предложений в качестве народного вклада в демократию.

Нас весьма заинтересовал механизм немецких политических фондов, в частности фонда Фридриха Эберта, основанного социал-демократическим правительством ФРГ для развития демократических начал повсюду в мире. И мы внесли свое предложение при предыдущем правительстве. Эти предложения были изучены. Позднее они были переработаны, улучшены в некоторых аспектах и снова представлены уже нынешней администрации. Сейчас эти предложения изучаются Конгрессом, который должен утвердить нашу программу национального вклада в демократию. Эта программа даст возможность обеим политическим партиям, профсоюзному движению и деловым кругам внедрять демократические институты и ценности на международной арене.

Мы придерживаемся мнения, что международная политика не должна быть отдана на откуп исключительно Государственному Департаменту. И частные организации здесь также могут принести много пользы. Мы могли бы оказать существенную помощь зарубежным профсоюзным движениям, усилить их позицию в случае конфронтации с правительством или работодателями.

Многие политические партии в Европе имеют международные отделы и их деятельность предусматривает актив-

ность в международных сферах. Наши партии до сих пор не создали такие секции, и мы считаем, что вовлечение их в такую активность может принести немало пользы.

Федосеев: Итак, Вы считаете, что рабочее движение может играть более активную роль в деле внедрения демократических институтов и распространения ценностей демократического общества. Как же это должно выражаться в повседневной деятельности?

Кан: Американское рабочее движение разработало программу, рассчитанную на несколько лет. У нас есть три института, разделенные по региональному признаку — Американский институт свободного рабочего развития в Латинской Америке, Афро-американский Трудовой центр и Азиатско-американский институт Свободного труда в Азии. Наши усилия сконцентрированы на том, чтобы оказывать конкретную помощь профсоюзным движениям стран названных континентов. Сюда входит помощь в получении образования, обеспечении рабочих жилищами, организации всевозможных социальных служб для рабочих, устройство детских садов и различная другая деятельность, полезная для местных профессиональных союзов. Мы запрашиваем профсоюзы этих стран о том какую помощь мы могли бы им оказать. Но мы не участвуем в организации рабочих — это забота местных профсоюзов, они должны сами организовывать собственных рабочих. И мы не вмешиваемся в политическую жизнь, не диктуем профсоюзам, какую политическую партию им следует поддерживать, как голосовать на выборах или что-либо подобное. Мы стараемся быть им полезными, когда они к нам обращаются за помощью. И виды помощи разные в разных странах. Вот конкретный пример — Сальвадор. Вот уже лет двадцать американское рабочее движение находится в тесном сотрудничестве с объединением Кампосино в Сальвадоре. Это объединение насчитывает 100 тысяч фермеров. Когда руководителю этого Союза было поручено возглавить Сальвадорский институт аграрных реформ, он обратился к нам с просьбой помочь в разработке программы земельной реформы. Нам удалось оказать ему помощь. Мы связали его с экспертами по аграрным реформам. В итоге выработанная при их содействии программа была принята в Сальвадоре. Как вы знаете,

руководитель этого объединения впоследствии был убит вместе с двумя советниками из Американской федерации труда — Конгресса производственных профсоюзов. Мы настаивали на том, чтобы убийцы этих профсоюзных деятелей были переданы в руки американского правосудия и заявили сальвадорскому правительству, что до тех пор, пока это не произойдет, наше рабочее движение не может поддерживать политику американской военной помощи правительству Сальвадора. Таков пример нашей деятельности в этой стране, деятельности, которая была предпринята по просьбе профсоюзного движения Сальвадора.

Федосеев: Давайте перейдем к другому вопросу. Могу я спросить Вас, в какой мере американские рабочие информированы о судьбе советских рабочих и диссидентов? Я знаю, что прежний Президент Американской федерации труда — Конгресса производственных профсоюзов Джордж Мини пригласил Анатолия Марченко на один из съездов федерации (это, кажется, было в Калифорнии). Я знаю также, что вы лично выражали свое беспокойство по поводу судьбы А. Марченко. Но что знает о положении советских рабочих и диссидентов средний американец и что делает рабочее движение для того, чтобы держать его в курсе этих событий?

Кан: Я думаю, что участники нашего движения едва ли хорошо информированы. Они знают, что многие права, которые гарантированы участникам профсоюзного движения в Соединенных Штатах, в Советском Союзе просто не существуют. Они знают, что попытка создать первый независимый профессиональный союз в СССР закончилась тем, что его руководитель Клебанов был заключен в психиатрическую больницу вместе с рядом его товарищей.* Мы по мере наших возможностей информировали заинтересованные инстанции о нарушениях прав профессиональных союзов в СССР. Мы пригласили Марченко и шесть других советских граждан на наш съезд (это было, кажется, в 77 году). Среди приглашенных был и академик Сахаров. Большинство из них вообще не получили наше приглашение.

* В СССР продолжает свою деятельность другая независимая профсоюзная организация — Свободное межпрофессиональное объединение трудящихся (СМОТ). Ред.

Сахарову письмо было доставлено. Правда, само приглашение из конверта исчезло, а вместо него в конверт была вложена уродливая карикатура. Эта история вызвала серьезное беспокойство делегатов съезда. Я бы сказал, что члены нашего движения осведомлены о проблемах советских рабочих, и мы сделаем все, что в наших силах, чтобы информировать их еще лучше.

Федосеев: Возникают ли у Вас трудности когда вы пытаетесь донести до ваших соотечественников-американцев особенности политического климата в СССР?

Кан: Это, конечно, сложный вопрос. Знаете, когда Александр Солженицын прибыл в Соединенные Штаты и выступил с лекциями на двух митингах, организованных Американской федерацией труда — Конгрессом производственных профсоюзов, он поднял такой вопрос: может ли один народ, страдающий под гнетом определенных обстоятельств, передать другому народу, который никогда не жил в аналогичных условиях, все тяготы своего существования. И я не думаю, что ему самому удалось найти ответ на этот вопрос, если такой ответ вообще может быть найден. Я полагаю, что большинство американцев имеют представление о структуре жизни в Советском Союзе, о том, что разрешено советским гражданам и что — не разрешено. Но я не думаю, что американцы представляют себе, каким образом государственным органам удастся душить и подавлять людей повседневно. Я даже думаю, что это невозможно передать. И наоборот, я обнаружил, что довольно большое число советских диссидентов, прибывших в Соединенные Штаты, даже зная в общих чертах, что из себя представляет жизнь в этой стране, были поражены, познакомясь с методами работы наших организаций. Я хочу проиллюстрировать это одним примером: Джорджа Мини, когда он еще был президентом Федерации, посетила советская эмигрантка, чей родственник находился в советской тюрьме. Она спросила Мини, может ли он что-либо сделать, чтобы побудить американское правительство помочь в деле освобождения этого человека. Он объяснил, что его влияние на правительство весьма ограничено. Тогда она спросила, не в состоянии ли он призвать к проведению всеобщей забастовки в защиту ее родственника. Джордж Мини сказал, что как президент Американской

федерации труда — Конгресса производственных профсоюзов он не обладает полномочиями призывать ко всеобщей забастовке. Это право закреплено за различными профобъединениями, входящими в федерацию. Она поинтересовалась, не может ли он заставить отдельные корпорации прервать деловые связи с Советским Союзом. На это Мини ответил, что его влияние на корпорации еще меньше, чем на правительство. Надо сказать, что встреча эта прошла в довольно острой обстановке — женщина была глубоко разочарована и озадачена. Трудней всего ей было понять то, как распределяется власть в нашем плюралистическом обществе. Быть может в Советском Союзе есть некое лицо, которое может диктовать свою волю правительству, профсоюзам и промышленному сектору. Но у нас такой личности в стране нет.

В этом, разумеется, и заключается природа демократии. Уинстон Черчилль был абсолютно прав, когда сказал, что демократия имеет много недостатков, но это единственное, что нам подходит.

В заключение хочу сказать следующее. Важно , чтобы и А. Марченко и академик А. Сахаров знали, что Американская федерация труда — Конгресс производственных профсоюзов помнит о них. Мы не собираемся ослаблять наши усилия, добиваясь их освобождения. Мы как рабочее движение готовы приложить все силы, чтобы через международное общественное мнение оказать давление на руководителей Советского Союза ради либерализации положения в этой стране, ради права рабочих на собственные организации, на забастовки, ради права самим решать собственную судьбу.

Как рабочее движение мы обеспокоены не только внешней политикой советского руководства: тем, что они сделали в Афганистане, той ролью, которую они сыграли в подавлении независимого профобъединения «Солидарность» в Польше (хотя наше беспокойство в этом плане очень велико). Мы также обеспокоены и тем, что это руководство лишает граждан СССР элементарных человеческих прав, включая право рабочих на свои профсоюзы. И мы будем продолжать во всех доступных нам формах выражать эту озабоченность.

ФИЛОСОФИЯ, РЕЛИГИЯ, ЭТИКА

А. Пятигорский

ПЛЕМЯННИК СВОЕГО ДЯДИ

(Философские заметки о книге А. Свияжского «Опавшие листья» В. В. Розанова).

«Дело в том, что наследование при смене литературных школ идет не от отца к сыну, а от дяди к племяннику».

(В. Шкловский, «Розанов», Петроград, 1921, стр. 5).

«Что касается подробностей закапывания, личных свойств закопавшихся и психологической подкладки события, то нам удалось собрать следующие данные...»

(В. В. Розанов, «Темный лик», СПб, 1911, стр. 152).

Книга Андрея Свияжского — это вместе великолепный ученый трактат и прекрасная лекция. Плохой лектор пересказывает то, что пишет писатель. Настоящий лектор рассказывает о том, о чем пишет писатель и как он это делает. Именно поэтому, пиша об этой книге, хочется не пересказывать ее, а говорить о Розанове и его темах. Розанов — писатель феноменально тематический. Отсюда и подчеркнутая тематичность книги Свияжского; стиль, форма, манера — все реализуется в темах, внутри тем. В этом Свияжский идет гораздо дальше Шкловского. Последний, в цитированном выше эссе, полагал Розановскую тему трансформацией (т. е. изменением формы) сюжета. Для Свияжского тема — гораздо внутреннее, центростремительнее, дальше от выражения и ближе к тому, что сам Шкловский неосмотрительно назвал «структурой духа». Но хочется начать о Розанове и Свияжском с другого. В самом начале книги мы читаем: «Он оставил нам не систему, а самый процесс мысли, который ему был дороже всего» (стр. 6). Как будто бы речь идет о философе, а не о «младшем племяннике Достоевского» (по

Шкловскому же). Об этой же особенности Розанова С. Л. Франк писал: «Слово у него не искусственное орудие выражения отвлеченного содержания мысли, а как живое ... воплощение конкретного душевного процесса мышления.» («Из истории русской философской мысли конца XIX и начала XX века», Нью-Йорк, 1965, стр. 113). Я думаю, что в этой своей особенности Розанов уже предвосхитил характер нового, тогда еще не бывшего разговора. Не философского, но такого, из которого философия может «выплетаться». Но какая философия? И состоялся ли разговор?

Почти что заставший Розанова Шкловский никогда бы так не сказал, а для Синявского это — почти что трюизм. Означает ли это, что Синявский по умонастроению ближе к русскому культурному ренессансу девятисотых и десятых годов, чем к формализму двадцатых? Означает, наверное.

Действительно, время сделало огромную работу, или само оно есть страшная работа. Шестьдесят лет отделяет блестящее эгоцентрическое эссе Шкловского от предельно концентрированного объективного трактата Синявского. За это время были, между прочим, переоткрыты формалисты и заново открыт Бахтин. (Говоря «переоткрыты», я не иронизирую, а лишь отмечаю тот факт, что формалисты занимались не только пониманием литературы, но и пониманием *себя*. Поэтому новое понимание их нами не так уж обязательно — в этом мы можем вполне на них самих положиться). Розанов оставался почти несуществующим. И не только вследствие фактической запрещенности (нецитируемости, скорее) и идеологической одиозности равно для правых и левых. Причина Розановского «отсутствия» была глубже и объективнее. Она лежала именно в *тематичности* розановского разговора, в его непосредственной и прямой мыслительности. Розанову было очень трудно говорить. У него были друзья и враги, но не было равных собеседников. Получалось так: он им про свое мышление, а они ему про идеи, т. е. про готовые результаты *чужого*, общего мышления. Розанов чувствовал, скорее чем понимал *объективную* связь своего мышления с космическими силами, действующими в истории, и стремился разгадать секрет этой связи не в истории, а в самом процессе своего мышления и чувствования. Но он обладал одновременно и удивительной способностью разго-

варивать об этом процессе в своих книгах, о чем бы в них ни писал. Так, например, рассуждая в «Темном лике» об историческом христианстве, он разговаривал о нем не на языке событий или идей, а на языке субъективных мыслей и чувств. Реальное, значимое в истории он видел не в глобальных катаклизмах, а в малозаметных сдвигах, едва ощутимых переходах, «переливах» от одного к другому. Только так, по Розанову, одно становится другим — через эти тончайшие изменения («флюктуации», «флюксии»). Только так христианство становится в одном месте скопчеством, в другом — инквизицией. А мы говорим: это — не подлинное, то — извращение. Розанов же видел в этих «явлениях» конечный результат микропревращений чего-то абсолютно подлинного в христианстве, но «неотличимого от фона» в своей актуализации. По Бердяеву русская революция — это взрыв центробежных сил, торжество духов, живших в самой природе «недохристианизированного» русского человека, для которого единственной альтернативой рабского послушания является рабский бунт. Розанов не спорит, но сводит дело к тому, что в России не было ... инквизиции, хотя было ... скопчество. Оттого в России вместо реформации случилась ... революция. Это — не парадокс розановского мышления, а образец понимания им самого себя, как особой среды, через которую проходят, преломляясь, эти духовные флюктуации, идущие от «Источника Света» («Темный лик», стр.145). Поэтому, кого ругать за революцию? Инквизицию? Интеллигенцию? Евреев? Самих себя? — Смешно! И конечно, безумно грустно. Но это все — для Розанова сосредоточилось в субъективном («Уединенном»).

Не хочется говорить абстрактно о мыслях этого сверхконкретного писателя, но, мне кажется, что он думал о Духе, как об абсолютно объективной реальности — со всеми отсюда вытекающими объективными же последствиями. Отсюда — почти материальная ощутимость души другого человека. Духовный образ человека — густ до материальности (в противоположность Федорову и Бахтину) — это Синявский выделил и описал, как никто до него. И тогда еще один вопрос, формально самый главный: как русская культура соотносится с христианством? Возражая всем, от Толстого до Бердяева, Розанов говорил: «Никакая культура с

христианством никак не соотносится. Не надо себя успокаивать и обманывать. Культура и дух несовместимы не из-за какого-нибудь там диалектического противоречия, а просто потому, что они не мыслятся, не мыслимы вместе, в одно и то же время. Я здесь не культуру ругаю, а отделяю дух». Гоголь не «инкрустируется» в евангелие не потому что Гоголь, а потому что он — литература, которая хочет заменить собою всё. Это было сказано задолго до «Опавших листьев». Но потом «вдруг» оказалось, что дело не в литературе, а в Гоголе. Да чего там Гоголь! Само евангелие расширяется до третьего, «нового» Нового Завета! Здесь, несмотря на кажущуюся сбивчивость, Розанов намного последовательнее и Бердяева и Франка. Его философская «беда» в том, что он не мог быть монологичен. Не был он и диалогичен (упаси Бог!). Пиша, разговаривая, он спорил одновременно с разными людьми. Поэтому одному говорил одно, другому другое. Бердяев (по его собственным словам), стремившийся всю жизнь к выражению себя в живом общении, всегда обращался в одну сторону. Розанов словно пробовал слова, мысли, чувства, обкатывая их на собеседниках и корреспондентах. В предисловии к отрывку из «Темного лика» Франк называет Розанова апологетом быта и половой любви, чуть ли не гедонистом. И тут же следует сам отрывок, совершенно аскетический по содержанию. Это понятно; один и тот же текст Розанова может сказать Франку одно, Мережковскому другое, а Синявскому третье. Вместо диалектики сформулированных суждений «Братьев Карамазовых», розановский текст уже содержит отрицание им же высказанной идеи. Вернее — она еще есть внешне, словесно, но уже внутри другого контекста, где мысль не разбита на понятия, а текуча... Розанов через свое собственное мышление увидел текучесть мысли и перенес ее на объективность духа. Но саму эту рефлексю он не объективировал. То есть, он не отделил себя рефлексирующего от нее, она как бы тянулась от «мысли о своей мысли» к мысли о Боге и ... обратно к себе. А читателю было упорно неясно, что же он, в самом деле, думает, одно или другое? Розанов же ему, читателю, свое мышление, как оно есть, и передает, а не последствия этого мышления, не определения, не объективации. Отсюда непопадание в цель при всех попытках определить Розанова как ... анархиста,

монархиста, антисемита, иудаиста. В этом «центростремительном» типе розановского мышления и рождалось то особое философско-литературное мироощущение, которое ни в его современниках, ни позже, в двадцатых, не узнало продолжения или развития. Но почему же? — Его современники были прежде всего людьми идей и принципов. Оттого непрерывные личные, эмоциональные несогласия.

Нелюбовь Розанова к Бердяеву ясна и легко объяснима. Бердяев был человек вполне современный и даже с некоторым заходом в будущее. По нынешней мерке его бы скорее считали интеллектуалом, нежели интеллигентом. Появившаяся у него в десятые годы, и особенно после революции, литературная страстность, была страстностью чисто идейной. Розанов же был личностью во многом архаической. Его всегда тянуло ко дню позавчерашнему, к николаевскому времени, к жителям тридцатых-пятидесятых годов прошлого века. И не то что Белинскому, а и самому Чернышевскому Розанов многое прощал за принадлежность тому времени, которое как бы «естественно» кончалось возвращением Достоевского в Петербург. Достоевский и был для Розанова днем вчерашним. К нему одному — до поры до времени, конечно, — весь этот день для Розанова и сводился. И чем дальше, тем больше его раздражали мыслители конца XIX века; Михайловского он не выносил, поздних славянофилов — едва выносил, к Леонтьеву был холоден — ценил его, так сказать, а Соловьева — так даже и не ценил. Так — если сильно упростить всё, конечно, — то можно сказать, что Розанов не терпел интеллектуальной эмоциональности, предпочитая ей даже полную холодность. А Бердяев был именно такой породы, о чем сам прекрасно знал и даже этим несколько тяготился. Возможно, что девятисотые годы произвели кристаллизацию этого «гибридного» типа, к которому относились столь разные по дарованию и направлению люди, как Брюсов, Мережковский, Белый, Флоренский. Иногда, читая высказывания о них Розанова, думаешь, что было в этих людях (даже в близком его друге Флоренском) нечто, что отгораживало Розанова от них, как от реальных людей. Я думаю, что Розанов невероятно остро ощущал «экранизирующее» действие идей и идейных людей, чувствовал, как идеи закрывают жизнь от него и его самого от жизни.

Неудивительно поэтому, что Синявский сразу же обратил внимание на то, как в «Опавших листьях» этот экран исчез. Он подробно описывает, как в этой книге другой, предсмертный Розанов мыслит прямо, чисто и непосредственно, так как если бы исчезла не только сцена, но и зрительный зал. Больше никто не смотрит, а Розанов смотрит на всех, как если бы и он, и все остальные, всё сразу *видели*. Такой картины мироощущения Розанова перед концом, до Синявского никто и не пытался воспроизвести.

В двадцатых Розанова начали понимать, но только ... *для себя*, а не как его самого. Так Шкловский, называя Розанова «Пушкиным еще одной младшей линии» (т. е. когда младший сын наследует младшему брату отца), имеет в виду не только отсутствие реальной преемственности между Достоевским (отец) и Розановым, но и свою собственную позицию, прежде всего. Сам Шкловский — не сын. И уж, конечно, не племянник. Он начинает совсем новую линию искусства, пока — линию понимания. Он, как русский формализм вообще, идет «вперед» от нового понимания классики. И это «начинательство» он во всеуслышание объявляет в последних строках эссе: «И по железным рельсам несется уверенно трамвай ... Я применяю это к себе» (стр. 56). Это тоже — из *его* структуры духа. Тему Розанова Шкловский трактует почти так же, как после него Синявский, хотя и странным образом опускает Бога (Христа), что, однако, вовсе и не странно. Ибо для мировосприятия Шкловского — скорее для его самовыражения — эта тема стала *прошлой* (трамвай уже пронесся). Оттого он и для самого Розанова полагает ее *прошлой*, что, хотя и абсурдно, но легко объяснимо: литература продолжается (трамвай несется), он, Шкловский, *начинается*. Так оказывается уже не опущенной, а упущенной, главнейшая тема «Коробов» — *тема конца*, не только литературы конца и его, Розанова, жизни, но конца *всего*, конца который Розанов не только чувствовал, но в себе реализовал как свой «уход от...» (Интересно, что совершенно аналогичные розановским мысли в этом отношении были высказаны через тридцать пять лет после его смерти Клайвом Льюисом, который «свидетельствовал конец христианской и начало послехристианской культуры» — и в столь же личном плане). Но понимая себя как «начало», Шкловский не верит в розанов-

ский «конец». Принявший эстафету мышления о Розанове Синявский, веря розановскому концу, не видит *сейчас* конца литературы. В своем понимании Розанова Синявский весь — в *продолжении* литературы. В этом его отличие, как от Шкловского, так и от позднего Розанова.

Стоя на позиции предельной, документальной откровенности, на самом краю литературы, Розанов фактически призывал русскую культуру спастись от вырождения и лжи пустых абстракций, и стать доброй цивилизацией осязаемых вещей и простых чувств. Здесь я мог бы несколько иронически заметить, что рекомендация Розанова русской литературе самоуничтожиться — что для русской культуры было бы равнозначно превращению в цивилизацию — принята не была. Культурная инерция России слишком сильна, чтобы такое могло произойти. Для Шкловского розановский «конец» был опять же лишь «трансформацией» сюжета. Для Синявского же он был «литературой вне литературы» («розановская бесформенность — это тоже определенного рода эстетический принцип»). Но и для Синявского и для Шкловского мир(культура?!) без литературы неприемлем.

Итак, к Розанову вернулись только в шестидесятых, и вернулись очень частично. Вернулись немножко по теме, чуть-чуть по стилю. Что-то от его «разговорчивости», документальности различается в книгах Синявского семидесятых годов. Что-то от его «Темы» проглядывало и в «фантастических повестях» Терца. Но всё это только в самовыражении — не в *разговоре*. И не в *личной философии*, которую Синявский блестяще фиксирует, как *другую*, не свою. «Своей» она уже не сможет стать ни для Синявского, ни для меня, ни для кого. Но вернемся к «разговору» — он еще может «возникнуть».

Мне кажется, что в настоящем разговоре не только ответы собеседников на твою реплику — ответы еще не поступившие — уже делают эту реплику сомнительной, но и сама эта реплика в контексте разговора и без ответа сомнительна. Ибо она сделана в ожидании ответа. Тогда твое убеждение в том, что ты говоришь, останется проблемой. Оно и должно всегда оставаться проблемой в реальном *философском* разговоре. Именно это понимал прекрасно Лев Шестов, когда говорил, что у Гегеля все великолепно доказано диалектически, кроме

одного — лежащего за всем этим убеждения в истинности своей философии. Убеждения, которое имеет другие истоки, невыводимо из сказанного, и никак этим сказанным не доказуемо. Убеждения в истинности того, что сказано, и в общезначимости этой истинности. А уж если так, то никаким мнимостям здесь нет места, а заодно и ... настоящему философскому разговору. Сам Шестов понимает это только частично, когда хочет объяснить философам, что в философии полное понимание невозможно. Различие между Шестовым и Розановым, конечно, еще и в том, кому они говорили. Шестов всю жизнь обращался к философии и науке, к Платону, Сократу, Аристотелю, Декарту, и более всего — к Спинозе. Но при всем, так сказать, богатстве и многообразии этого «адресата», адресат-то, все-таки, был один и тот же. Это — человек, стремящийся к тому, чтобы для него лично, как и вообще, истина была понятна и ясна. Иначе говоря, чтобы она была такой же, как в науке, или в области житейского здравого смысла, что по Шестову одно и то же. И стремление к такой истине он называл эллинским, а своего адресата символически обозначил Афинами, противопоставив его мистическому и иррациональному Иерусалиму. И говоря с эллином, т. е. разумным человеком, Шестов пытается убедить его в том, что разум к философии не применим и что, поэтому, гносеология к философии имеет лишь косвенное отношение или никакого. У Розанова нет *определенного*, по типу мышления, адресата, даже если он спорит с конкретными лицами. Его фраза, вырванная из контекста, напоминает по своей странной неожиданности случайно услышанный кусок разговора. Например — из доклада в Религиозно-философском обществе в 1907 году: «Гоголь любил мир, и нас привязывал к миру. Это задерживает мировой финал». Почему же? Потому что из его *разговора*, а не из концепции, следует, что «смерть не только имеет смысл, но и *желательна*». То есть, к смерти стягивается всякий философский разговор и ... не отвлекайте нас пожалуйста! Ибо по Розанову все имеет отношение не только к тому, к чему оно имеет отношение, но всегда и к смерти. И прежде всего, конечно, к смерти относится то, что более всего имеет отношение к жизни: рождение, совокупление, брак... Гоголь же нас и отвлекает от смерти... красотой. А вот из Шестова («На весах

Иова», стр. 103): «... так думал и чувствовал Гоголь — только смерть и безумие смерти может разбудить людей от кошмара жизни». Мы не можем сказать, что эта идея Шестова прямо противоположна розановской. Интересно другое: Шестов, говоря так, имеет в виду *объект*, людей, человечество, философию, что угодно. Розановское же высказывание звучит почти как реплика из анекдота: «не задерживайте финал, пожалуйста, поздно знаете-ли». Какие уж там люди, когда мое собственное мышление остановилось перед смертью и не хочет от нее никуда идти. Розанов потому и философичен, что всякий его разговор *финален*: «Да, мы будем, может быть, еще долго говорить о том, о сем, если живы будем, конечно. Но всё это будет всё-равно о смерти».

Неудивительно, что после Шестова и Розанова гоголевскую тему продолжал именно «косвенный наследник» Розанова Андрей Синявский, в книге «В тени Гоголя». В этой книге Синявский философствует, то есть не Гоголя, конечно, объясняет, а свое о нем мышление. И здесь косвенность его наследования была неизбежной, потому что через такие шестьдесят лет, которые пролегли между 1907 и 1967 годами, никакое прямое наследование было невозможным. Не то что литературная линия, а любая железобетонная прямая искривилась бы в эдаких временах и пространствах. Двадцать напряженнейших лет своей жизни Розанов зарабатывал на жизнь публицистикой и писал книги. Синявский свои двадцать лет провел также в писании книг и — чтобы выжить — в упорных стараниях скрыть, что он их пишет (что берет не меньше энергии, чем их писать). В стараниях, как мы знаем, не вполне успешных, ибо его в конце концов накрыли и посадили в лагерь, где он, однако, продолжал писать эти книги. Так, «конец» превратился у него в середину (это случается — хотя гораздо чаще бывает наоборот). Но между двадцатью розановскими и его годами прошли годы столь урожайные на смерть, что она не могла не обесцениться. Поэтому, в том у Гоголя, в чем Шестов видит смерть, а Розанов жизнь, Синявский видит одну божественную вещь — литературу. Искусство для Синявского больше, чем культура; оно для него единственное, что можно противопоставить смерти *нежелательной*. Оттого же для Синявского гений Гоголя вскрывается в природных магических процессах и языческих

мифах (это — жизнь), а поражение и деградацию Гоголя он видит в попытках создания утопии разумного иерархического общества (это — смерть). В разговоре Синявского — при сравнении с тем, что говорил об искусстве и литературе Розанов — жизнь и смерть поменялись местами. В этом, однако, я вижу не воздействие на философию писателя условий его жизни, а прямое влияние безусловности смерти.

Наша ситуация — неразрешима. Ведь племянник наследует дяде, потому что не может следовать за отцом. Следуя за отцом, сын хочет быть, как отец. Оттого он ищет материального звена связи (у Розанова — связь с Сусловой), которая затем рвется — последующее метафизическое отталкивание Розанова от Достоевского. Отсюда понятно вся условность связи Розанова с Достоевским (хотя по Синявскому, эта связь была безусловной). Но если у Розанова с Достоевским, хоть порванная, но связь была, то у Синявского с Розановым ее не было и объективно быть не могло, просто по причине ее (связи) объективного же исчезновения. Синявский здесь не причем, да и Розанов тоже. Дело не в том, что «розановского» нет в Синявском, что нет розановской реакции на девятисотые и десятые годы, а в том, что полностью прекратилась связь с самой атмосферой чувствования и мышления того периода. И это прекращение безусловно завершилось ко времени формирования самого Синявского (сороковые — пятидесятые).

Шкловский не плакал по Розанову; он его, полностью обращенного к прошлому, *изучал*, сам обращен к будущему. Поэтому Розанов был для Шкловского в *настоящем*. Синявский же учит нас Розанову — но не *по* Розанову — такому, как он реально *был*. В этом — огромное достоинство книги. Нетрудно, конечно, вообразить, что появившись Розанов сейчас, Синявский стал бы его заклятым врагом. И это вполне понятно, если учесть важнейший момент розановского мироощущения — его конечность — момент абсолютно чуждый литературному мироощущению Синявского.

Итак, книга — великолепная. Каждый найдет в ней то, чего он не знает. И тут я хочу сделать Синявскому последний «относительный», так сказать, комплимент чисто личного свойства: Синявский в этой книге мне нравится даже больше, чем Бахтин...

КУЛЬТУРА И ВРЕМЯ

В. М.

«НОСТАЛЬГИЯ» АНДРЕЯ ТАРКОВСКОГО

Фильм Андрея Тарковского снят в Италии, играют русский, итальянка, швед, а называется фильм — «Ностальгия». Актуально звучит для недавнего эмигранта из Союза.

В Мюнхене «Ностальгия» идет уже месяц (правда, в небольших кинотеатрах), но все еще полные залы. Немецкие интеллигенты охотно идут на русский фильм — к русскому искусству отношение почтительное. Тем более — имя. Андрей Тарковский. Но в зале многие откровенно скучают. Кое-кто узнает знакомые символы: этот шкаф — от Бергмана, это — от Бюньюэля, это было у молодого Феллини. Интеллектуалы — им положено знать и узнавать (с молодым Феллини, мне кажется, действительно есть что-то общее, — по существу). Рецензии в немецких газетах не очень вразумительные: загадочная русская душа, Достоевский, таинственно, поэтично, иконописно. Охотнее пишут об идущей в соседнем кинотеатре исторической подделке Э. Климова «Распутин». Не писать о фильме Тарковского нельзя — «Ностальгия» получила приз на Каннском кинофестивале. Но и в каннских рецензиях все то же: поэтично, художественно, настоящее произведение искусства.

— «Быть художником — не самое важное», — говорит Андрей Тарковский, и говорит искренне. — «Это дополнение. Я очень не уверен в себе как художник. Я все еще сомневаюсь в том, что выбрал правильный путь. Прежде всего надо найти твердую почву, на которой можно чувствовать себя человеком. Истина жизни важнее, чем произведение искусства».

Для некоторых, кажется, дороже, чем сама жизнь. Не об этом ли «Ностальгия»? В Каннах Тарковский сказал, что фильм его — попытка ответить на вопрос «Как мы должны жить?»

Фабула фильма. Известный московский поэт Андрей Горчаков ищет для своей будущей книги материал о жизни в

Италии русского композитора прошлого столетия Павла Сосновского. В небольшом городке Баньо Виньони его сопровождает золотоволосая переводчица — итальянка Евгения. Здесь же Андрей встречает Доменико, которого одни считают глубоко верующим, другие сумасшедшим. Тот просит Андрея о помощи: необходимо совершить очень важное, с его точки зрения, дело — пронести горящую свечу от одного до другого края местного бассейна, где целыми днями полощутся постояльцы старой гостиницы. Андрей соглашается и берет свечу. Вскоре итальянка покидает Андрея, а сам он собирается вернуться в Москву. Но тут узнает, что в Рим приехал устраивать демонстрацию Доменико и спрашивает, выполнил ли Андрей свое обещание. В Риме, на Капитолийском холме, Доменико, взобравшись на памятник Марку Аврелию, убеждает нескольких ротозеев изменить свою жизнь. В завершение своей речи он обливается бензином и сжигает себя. И в тот момент, когда в Риме в муках сгорает Доменико, в Баньо Виньони, в бассейне, где недавно спустили грязную воду, зажигает свечу Андрей. Дважды его попытка пройти несколько десятков метров заканчивается неудачей — свеча гаснет. Наконец Андрей все же ставит горящую свечу на противоположный край бассейна и ...умирает. И все. Да, еще несколько раз возникают на экране, как бы из памяти Андрея, дом где-то в глубине России, женщина с тревожными глазами, дети; собака. В последних кадрах фильма русская изба оказалась под высокими сводами старой, разрушенной итальянской церкви. И там же сидит только что умерший Андрей. Рядом с собакой, у края лужи, в которой отражаются своды церкви. И падает снег, и слышно, как причитает русская баба:

Ваши венки сверху плывут,
А мой на дно пошел.
Ваши дружки с войны пришли,
А мой не-е-е пришел.

Я знал, что «Ностальгия» не будет фильмом-плачем по утраченной России. Знал, потому что видел «Андрея Рублева», «Солярис» и «Сталкера». И все же это фильм и о родине.

— «Перестань говорить по-русски!»— первые слова героя фильма. Клише : Россия Толстого и Пушкина (еще Достоевского, Гоголя, Чехова), Италия Петрарки, Данте и Макиавелли — раздражают Андрея. — «Я ничего не понимаю в России!» — резко бросает он своей спутнице. И добавляет: — «Нужно снести границы».

— «Какие границы?» — «Те, что образуют государства.»

Не с государственным флагом связывает Тарковский понятие «родина». Давно не верит он и в богоизбранность русских. Еще в «Андрее Рублеве» наемник-татарин издевается над русским князем, предложившим ему пособничество в убийстве родного брата. Так непохоже на державинское:

«О россы! о добльственный народ,
Единственный, великодушный,
Великий, сильный, славой звучный,
Изящностью своих доброт!»

Но вот — родина у Тарковского. Тончайший нерв, связывающий героя «Ностальгии» с его началом здесь на земле, с его матерью и женой, с его детьми и детством. Русский пейзаж: река, лес, белая лошадь в тумане, деревянный дом. А в нем — женщина и ее дети. Плохо Андрею — тревожатся там, в родном доме; умирает Андрей, и причитают в России.

Рядом с женщиной — собака. Она не связана с родиной. Она появляется и там и здесь, и в Италии и в России — хранительницей очага и египетской богиней смерти. А может быть, символом нашей земной жизни от рождения до смерти, до выхода в иной мир из земной колыбели — общей нашей родины? Общая родина. Туманы России так похожи на туманы Италии; русская женщина и итальянка сливаются в один образ; в центре Европы, под «вечными» сводами старой церкви — русский дом. Но все же для каждого народа наша общая родина в чем-то своем. И без этого своего — ее нет.

Андрей: Что это?

Евгения: Тарковский. Стихи Арсения Тарковского.

Андрей: По-русски?

Евгения: Нет. Перевод. Стихи мне нравятся.

Андрей: Выбрось сайчас же!

Евгения: Почему?

Андрей: Перевести поэзию невозможно, как и любое искусство.

Евгения: Что ж, о поэзии я, пожалуй, того же мнения. Но музыка?

Андрей (поет): — «Вот кто-то с горочки спустился...»

Евгения: Что это?

Андрей: Это русская песня...

Композитор Павел Сосновский покидает Италию, где был погружен в свободное творчество, и возвращается в Россию, чтобы там быть арестованным, спиться и покончить жизнь самоубийством. — «Зачем же он вернулся в Россию, в эту страну рабов?» — не понимает Евгения. — «Мне страшно», — отвечает ей в письме из прошлого века Сосновский. — «Мой страх — не фантазия, а реальность. Я бы попытался не возвращаться в Россию, но это убьет меня. Я не смогу не жить там, не смогу никогда не видеть край, где я родился, где прошло мое детство».

Об Андрее Тарковском пишут разное. Для одних он Нарцисс, занятый самолюбованием, погруженный в проблемы, что находятся вне плоскости человеческой истории. Для других — фанатик-идеалист, со страстью «неофита» навязывающий зрителю банальные истины. В чем-то те и другие правы. Творчество Андрея Тарковского предельно субъективно, он постигает мир *из себя*, темы, взятые у других (у Лема или Стругацких, например), он превращает в *свои* темы (и думаю, имеет на это право). Тарковский — большой художник, но для него самое важное, *что* передать, а не *как* передать. Действие во имя идеи важнее, чем та или иная форма разговора об идее, отношения к ней. Цель искусства — для Тарковского — преображение мира. Сказать главное о главном, чтобы оживить его. «Совершенное искусство в своей окончательной задаче должно воплотить абсолютный идеал не в одном воображении, а и в самом деле, — должно одухотворить, переосуществить действительную жизнь. Если скажут, что такая задача выходит за пределы искусства, то

спрашивается, кто установил эти пределы?» — писал Владимир Соловьев.

Некоторых эстетов, увлеченно играющих «в бисер», Андрей Тарковский, наверняка, должен раздражать. Он снимает умело — на уровне лучших мастеров. Он чувствует многообразие прекрасного в предметном мире, но отворачивается от красоты и не может примириться с *этим* миром. Образы Тарковского сложны и многоплановы, он стремится к единству и простоте. Он живописец, но живопись для него лишь средство. Как для Ван-Гога. Неудовлетворенность Тарковского прекрасным непонятна и неприятна тем, кто превыше всего ценит красоту.

Тарковский болен несовершенством мира, которое вот-вот погубит этот мир. Его болезнь прогрессирует. Если Тарковский Нарцисс, то он вынужден любоваться зеркальным отражением человека с ободранной кожей, с обнаженными и распухшими от напряжения нервами.

«Не я пять чувств, как пятерню Фома,
Вложил в зияющую рану мира,
А рана мира облегла меня...»

Герои Тарковского — люди с Божьей отметиной. Но если в «Андрее Рублеве» художника примиряет с грехами мира творческая одержимость талантливых одиночек: восторженных воздухоплателей и мальчишки, создавшего царь-колокол, то в «Сталкере» остается надежда лишь на чудака-первопроходца и его маленького ребенка-мутанта. Люди, даже творческие люди — писатель и ученый — уже не способны пройти в заповедную зону Всеобщей Гармонии. Исторический путь человечества завершается. Грех не преодолен, следует ожидать скорой катастрофы. Художник это знает уже в «Сталкере», но сохраняет надежду на чудо — на девочку-калеку, наделенную уже *не*-человеческими способностями. Красивый, здоровый и талантливый человек — тот, которого воспевало Возрождение, больше ничего не может.

«Я человек, я посредине мира,
За мною мириады инфузорий,
Передо мною мириады звезд.

Я между ними лег во весь свой рост —
Два берега связующее море,
Два космоса соединивший мост.»

Одержим и один из героев «Ностальгии» Доминико — городской сумасшедший, в прошлом ученый, доктор каких-то наук. Доменико одинок, жизнь пугает его, но он искренне убежден в том, что исправить ее — в силах человеческих. Но не следует жить только для себя, нельзя заниматься мелочами — «не надо учиться курить». Нужно делать только самое важное. Обыватели считают Доменико безумцем, Андрей верит, что он ближе других к Истине.

В прошлом, пытаюсь спасти своих близких от греховности мира, он семь лет держал всю свою семью взаперти. Когда их, наконец, освободили из заточения, жена Доменико из благодарности целует освободителям-полицейским сапоги, а его маленький сын, поразившись огромностью мира, решил, что наступил конец света. Попытка очищения от скверны ограничением свободы закончилась неудачей.

Тарковский понимает, что нельзя насильем заставить людей идти к Истине. Нельзя искать дорогу, закрывшись от мира шорами. Нет Истины в монастыре, нет и в слепом следовании за пастырем (или вождем). Путь к ней — через Свободу. В церковь в «Ностальгии» приходят только женщины. Их вера — жажда Божьей милости (чаще всего — материнства для себя, защиты для детей). За эту милость они готовы расплачиваться вечным терпением и жертвой. Их вера дает им надежду — множество маленьких птиц вылетают из расстегнутого на груди платья на статуе Мадонны и устремляются в небо. Люди ищут в церкви защиту, надежду, но не Истину. Но как жить среди нечистого? Как убедить людей в необходимости очищения?

Безумец Доменико на площади в Риме говорит о необходимости вернуться к простоте и единству, к важнейшим принципам жизни, к истокам, на ту дорогу, с которой человечество свернуло на ложный путь. Когда это произошло? Понять это можно, лишь восстановив память поколений. От сына к отцу, от деда — к прадеду... — «Прошное, на мой

взгляд, важнее будущего», — говорит Андрей Тарковский, — «и гарантия будущего — наша память. Память — доказательство того, что люди существуют во времени». Но память одновременно «есть борьба со смертоносной властью времени во имя вечности», — писал Бердяев. — «Историческая память — величайшее проявление духа вечности в нашей временной действительности. Она поддерживает историческую связь времен».

В древности пророков побивали камнями, потому что они смущали людей, мешали им верить в то, во что они верят. Сегодня никто ни во что не верит. Страстную речь Доменико о грядущей катастрофе равнодушно слушают случайные люди (у многих лица с отпечатком глупости, порока или болезни). Доменико сжигает себя, но и на его мученическую смерть реагирует только оказавшийся зачем-то у подножья памятника дурачок. Все это похоже на балаган, хотя над площадью висит транспарант: «Non siamo matti, siamo seri!» (Мы не дурачимся, мы всерьез!)

Две стихии постоянно присутствуют в фильме: Огонь и Вода. Служанка, страдающая ностальгией, сжигает дом своего хозяина — в рассказе Евгении. Горит в «Ностальгии» книга стихов отца режиссера Арсения Тарковского. Сжигает себя одержимый Доменико. В церкви горят свечи молящихся о защите. Горящую свечу несет Андрей.

Вода. Она и в «Ивановом детстве», и в «Солярисе», и в «Сталкере», и здесь — в «Ностальгии». Теплая, мутная вода в бассейне Св. Екатерины, где плавают (живут) обитатели (обыватели) гостиницы в Баньо Виньони:

«Аквариум с кисельной водой,
Жилище рыб и спящего тритона,
Качающийся ящик тепловой...»

И дождевая вода, смывающая грязь со стены соседнего с гостиницей дома. Живая вода на полу комнаты, где остановился Андрей; вода в жилище Доменико; дождь... Прозрачная вода дождевых луж, на дне которых мусор

(иногда это красиво). В последнем кадре чистая поверхность озера, у края которого сидит умерший Андрей, отражает своды храма, и это отражение похоже на отражение свечей.

Вода живет. Живет во времени и вне его. Она связывает землю с небом, дождем возвращается к нам. Сквозь нашу земную жизнь, сквозь нашу историю течет она из бесконечного в бесконечное, из вечности в вечность. И вбирает в себя все.

«И вправду чуден был язык воды,
Рассказ какой-то про одно и то же,
На свет звезды, на беглый блеск слюды,
На предсказание беды похожий.
И что-то было в ней от детских лет,
От непривычки мерить жизнь годами,
И от того, чему названья нет,
Что по ночам приходит перед снами...»

Поэт Андрей Горчаков все время находится в состоянии полубетаргии. Он душевно и физически страдает от невозможности преодолеть несовместимость родины и свободы, материального мира — земного, конечного — и бесконечной духовности. К несчастью, Андрей наделен острой чувствительностью к красоте и необычайной привязанностью к своим близким, своему прошлому, прошлому своего рода, своей страны, а через них и к человеческой истории. Несчастье в том, что наделенного всеми этими качествами Андрея постоянно преследует ощущение греховности, а потому конечности земной жизни. Острое чувство неповторимости всего живого не позволяет ему смириться с неизбежностью смерти. Дыхание смерти все время присутствует в «Ностальгии». Причитания — в начале и в конце фильма. Белокрылый ангел, ожидающий душу оплакиваемого родными покойника.

«Ангел больничный за ширмой
Светит одеждой туманной.
— Я за больной.
— За которой?
— Я за детдомовской Анной».

Смерть Доменико. Смерть Андрея.

Неприятие смерти для Андрея Горчакова (и Андрея Тарковского) означает и неприятие жизни, человеческой истории, которая в итоге является историей сведения взаимных счетов, чаще всего бессмысленных и неважных, а вовсе не путем к преодолению Зла и достижению Гармонии, в которой нет места смерти.

Духовный максимализм — Божья отметина и болезнь Андрея.

«Я в детстве заболел
От голода и страха...
А все иду, а все иду, иду,
Иду себе в бреду, как под дуду
За крысоловом в реку...
А мать стоит, рукою манит, будто
Невдалеке, а подойти нельзя:
Чуть подойду — стоит в семи шагах,
Рукою манит; подойду — стоит
В семи шагах, рукою манит...
И теперь мне снится
Под яблонями белая больница...
А мать пришла, рукою поманила —
И улетела...»

Эти стихи Арсения Тарковского читает в фильме Андрей Горчаков. Болезнь Андрея обрекает его на одиночество, на бесконечные разговоры с собственной памятью.

— «Надоели мне ваши красоты!» — говорит в фильме Андрей. В этих словах — и неспособность воспринимать красоту чужого, когда переживается боль возможного расставания со своим, и неумение любоваться прекрасным в момент, когда сознание поглощено ощущением приближающегося апокалипсиса. Режиссеру чужды эстетики-гурманы, смакующие красоту умирания, чувственными ноздрями впитывающие тончайшие запахи разложения. — ищущие наслаждений во время чумы. Андрей не отворачивается от красоты, но в его восприятии она вытесняется с первого плана в глубину:

Андрей (Евгению): Остановись.

Евгения: Зачем?

Андрей: Ты очень, очень красива в этом свете (пауза). Ты

знаешь, я чувствую необходимость понять...

Евгения (шепотом): Что понять?

Андрей: Почему Доменико держал свою семью взаперти? Семь лет.

Евгения: Откуда я могу знать? (*уходит*).

Настоятельная потребность всегда искать Истину обрывает контакты Андрея с людьми, даже самыми чуткими и интеллигентными, которых жизнь научила принимать мир таким, каков он есть. — «У меня там в шкафу пиджак три года висит. Никуда не хожу, никого не вижу» — жалуется Андрей. Парадоксальность ситуации заключается в том, что он, как никто другой, стремится к близости с людьми, желает их единства. Но он видит это единство как результат объединения вокруг общей цели, а большинству до этого нет никакого дела. Люди погружены в свои проблемы, которые Андрею чаще всего кажутся несущественными.

Андрей нуждается в свободе, в освобождении не только от границ и крайней степени несвободы у себя на родине (на что довольно прозрачно намекает фильм), но и от родовых и национальных мифов, маскирующих смысл человеческой истории. Ради свободы он готов отказаться от дорогих ему связей и жить на чужбине. Смотреть в окно, за которым стена.

Но свобода несамодостаточна. Люди, не желающие искать, и при свете не найдут дороги. Свободное общество превращается в общество потребления.

Андрей: Много, так много туфель. Так много итальянских туфель... Ужасно. Кто их покупает? Зачем? (*показывает на свои туфли*) Этим туфлям десять лет. Ты понимаешь? Это же совсем неважно.

Мир не желает изменяться. — «Довольна ли ты?» — спрашивает Андрей маленькую Анжелику. — «Чем довольна?» — «Жизнью.» — «О, да!» — отвечает девочка и забрасывает ногу на ногу, подражая взрослым. Горькой иронией звучит рассказ Андрея:

«Есть одна история. Один человек спасает другого из огромной, глубокой лужи. Спасает с риском для собственной жизни. И вот они лежат у края этой глубокой лужи. Тяжело дышат, устали. Наконец спасенный спрашивает: — «Ты что?» — „Как что? Я тебя спас.“ — „Дурак, я там живу“.»

Никто не хочет вылезать за край «глубокой лужи» благополучного обывательского существования. Люди устали от идеологий. Особенно, в наш XX век — век Сталина и Гитлера. Не хотят они больше Великих Инквизиторов. Боятся. Не приемлем путь Великого Инквизитора и для Андрея. Доменико, семь лет державший взаперти свою семью, шел в прошлом именно таким путем. — «Это моя кровь. Как же я мог? Годами не видеть солнца, бояться дневного света. Зачем это? Зачем эта беда?» — спрашивает Доменико устами Андрея. Опыт безумного итальянца в сопереживании стал опытом московского поэта, и отражаясь в зеркале старого шкафа видит Андрей лицо Доменико.

Нет, нельзя навязывать людям свой путь к Истине. И потому, что не может один обладать монополией на полноту знания, и потому, что невозможно передать собственный опыт тем, кто не способен сопереживать, а лишь принужден (силой или обманом) подчиняться. Единое человечество может возникнуть только в результате единения людей, свободно выбравших путь к единству. Но, как писал Бердяев, «огромная масса людей совсем не любит свободы и не ищет ее. Свобода аристократична, а не демократична».

Не зная как разрешить внутренний конфликт, Андрей погружается в летаргию. — «Господь, ты видишь, как он молится, яви ему свое присутствие.» — «Он тот, кто не заметит его». Андрей отказывается от данного Доменико обещания пронести горящую свечу в бассейне Святой Екатерины и лишь после напоминания решается совершить этот путь. Это скорее долг, чем внутренняя потребность. Но несложная операция несения горячей свечи требует полной самоотдачи. Если ее нет, свеча тухнет. Андрей пронес свечу, заплатив жизнью. Эта часть фильма снята Тарковским в необычной для него манере, ограниченными средствами, в расчете на актера (не Бог весть какого актера — Олега Янковского, главное достоинство которого, как мне кажется, в том, что он — в отличие от Солоницына и Кайдановского, например, — не понимает замысла режиссера и потому не мешает ему выражать себя). Такое впечатление, что режиссер сознательно делает все, чтобы катарсиса не было. Сопереживания зрителя с Андреем в его звездную минуту нет, и Тарковский как бы говорит, что его и быть не может. Лишь следующие,

последние кадры, снятые, кстати, совсем в другом ключе, вызывают у зрителя чувство острой жалости к человеку, который жил не как все, а потому «на дно пошел».

Мусор человеческой истории скрывает ее смысл. Вклад каждого в Общее дело, а не миллионы малых дел миллионов людей (у каждого для себя) помогут выявить смысл истории и очистить ее от мусора. Одна капля плюс еще одна капля — одна большая капля, а не две маленьких. Но как мало людей считает подобным образом.

«Мы переживаем сейчас очень тяжкое время, я сказал бы — апокалипсическое» — говорит Андрей Тарковский. — Я очень часто бываю пессимистом, не потому, что нет выхода из создавшегося положения, а потому, что мало кто ищет этот выход. Мне кажется, лишь очень немногие отдают себе отчет в том, насколько искривлен наш мир. Поэтому я удивляюсь и радуюсь всякий раз, когда встречаю людей ищущих...»

Одним из таких немногих является и сам Андрей Тарковский. И у него нет твердой почвы под ногами, но он ищет, отдавая поиску весь свой огромный талант, всего себя. Сегодня высшим этапом его поиска стала «Ностальгия». Во всяком случае, так я ее увидел. Другие, может быть, увидят иначе.

ВЫСТАВКА «УТРАЧЕННЫЕ АРХИТЕКТУРНЫЕ ПАМЯТНИКИ КИЕВА» В НЬЮ—ЙОРКЕ

Многие исторические города Европы становятся жертвами собственного непомерного роста и промышленного развития. Разрушения, причиненные двумя мировыми войнами, ускорили исчезновение архитектурного наследия, и исторический вид европейских городов претерпел радикальные и необратимые перемены.

Судьба Киева, столицы Украины, резко отлична от судьбы других подобных городов. Ему не пришлось ощутить сильный натиск индустриализации, ему не довелось во время Второй мировой войны пережить ужасную судьбу таких центров, как Варшава, Дрезден или Ковентри. Его архитектурные памятники и городские комплексы стали жертвами войны совсем иного рода. Еще в мирные 1930-е годы разрушены архитектурные достопримечательности Киева — важные составные части ансамблей, которые были частью единого городского ландшафта и имели символическое значение для его жителей. В этой войне применяли динамит и топор, и поводов для нее было много; о некоторых можно лишь догадываться.

Сегодняшний гость Киева, удивленно замечает, что в отличие от других городов Восточной Европы, у Киева почти нет налета старины. Несколько архитектурных памятников, которые уцелели, лишь намекают на старинную архитектуру города. Гостю, конечно, объясняют, что через земли Украины двигались орды и армии захватчиков и что в результате этого, и в частности из-за разрушений времен Второй мировой войны, архитектура старого города погибла. На самом же деле, это — лишь очень небольшая часть истории уничтоже-

* Тит Геврик родился в 1936 г. на Украине. С 1951 г. живёт в Америке. Архитектор, магистр градостроения. В течение нескольких последних лет работает над темой «Утраченная архитектура Киева».

Златоверхая Михайловская церковь.

ния архитектурных памятников старого Киева.

Разочарованный посетитель увидит, что Киев, один из старейших городов Восточной Европы, теперь имеет два-три старинных архитектурных комплекса и что главная его улица — Крещатик — имеет архитектуру, к которой лучше всего подходит определение «Муссолиниевский модерн», хотя застроена она уже в 1950-ых годах. У путешественника создается общее впечатление, что наибольший урон богатой киевской архитектуре нанесли нацисты во время войны, в

начале 1940-х годов. А на самом же деле разрушения, произведенные нацистами, хоть и немалые, кажутся мелочью по сравнению с разрушениями, произведенными до войны, в предыдущее десятилетие.

Усилиями Украинского музея в Нью-Йорке летом 1982 года открылась выставка материалов об уничтоженных архитектурных памятниках Киева. Большие черно-белые, диапозитивы-монтажи (фотографии, рисунки фасадов и планов) ярко выделяются на темно-серых стендах, которые ломаной линией идут вдоль стен полутемного музейного зала.

Рядом с каждым диапозитивом-монтажом — объяснения на английском и украинском языках: даты построения, перестройки или обновления и разрушения изображенного памятника. Музей издал также иллюстрированный каталог выставки в двух вариантах — на украинском и на английском языках. В каталоге описано свыше сорока памятников (церквей, колоколен, фонтанов, кладбищ и пр.), показано их размещение на плане города и указаны обстоятельства разрушения в 1920-1941 годах.

Выставка дает возможность посетителям музея представить характер древнего Киева. Составители выставки хотели, чтобы она не только показала жизнь и смерть древнего Киева, но и вызвала интерес к утраченной архитектуре. Немало бывших киевлян живет теперь в Нью-Йорке и поблизости. Некоторые из них сохраняют фотографии уже не существующих городских пейзажей, навсегда утраченных церквей, колоколен, иконостасов. Некоторые киевляне сохранили в своей памяти подробности разрушения архитектурного наследия Киева. Надо надеяться, что эта выставка побудит людей, интересующихся историей, архитектурой и искусством, передать свои снимки (или копии) авторам выставки и тем будет способствовать пополнению собрания документов об утраченной архитектуре Киева.

Расположенный на холмах западного (правого) берега Днепра, современный Киев развивался в 19-ом столетии на основе трех поселений: «Горы», или верхнего города средневековья, Подола — нижней части, у берега реки, и

Печерска — на холмах немного ниже по течению Днепра.

Основанный в девятом веке Верхний город на «Горе» господствовал над Подолом — районом, где жили ремесленники и купцы. Во времена средневековья поросшая лесом долина, ставшая известной впоследствии как Крещатый яр, отделяла укрепления Верхнего города от других холмов вдоль берега Днепра. На этих холмах, в теперешнем Печерском районе города, размещался знаменитый Печерский монастырь (Киево-Печерская Лавра), основанный в одиннадцатом столетии святыми Антонием и Феодосием Печерскими.

На протяжении девятого—тринадцатого веков город Киев был центром архитектурной школы византийского стиля. В двенадцатом-тринадцатом столетиях появились влияния романского стиля, привнесенные преимущественно из южной Европы, в частности из Ломбардии.

Созданные в годы национальной независимости пышные формы барочной архитектуры Украины семнадцатого-восемнадцатого столетий символизировали уверенность в себе, национальные чаянья украинского народа и его шляхты. Благодаря потрясающей строительной активности гетмана Мазепы, искусствоведы часто называют борочный стиль на Украине «Мазепинским стилем».

В девятнадцатом столетии в Киеве, как и везде на Украине, преобладал в архитектуре русский ампи́р (неоклассической стиль). В последние декады минувшего столетия доминировал перегруженный орнаментацией стиль «венского неоренессанса». Появление стиля «модерн» привело к новой интерпретации украинского барокко и народной архитектуры в архитектуре современной. Эти творческие поиски продолжались и после Первой мировой войны, вплоть до конца 1920-ых годов — критического периода в истории украинской культуры. В это же время начал входить в моду новый конструктивистский стиль с широким применением стекла, стали и бетона.

Но к концу двадцатых годов общий характер культурной и политической жизни на Украине стал меняться. Начались массовые репрессии деятелей культуры, науки и других специалистов, фактически всей украинской интеллигенции. Надвигались принудительная коллективизация и искусствен-

ный голод. Тридцатые годы уже выявили отсутствие какой-либо реальной или возможной автономности действий со стороны Украинской ССР. В этой атмосфере была задумана кампания уничтожения старого Киева.

Первая большая антирелигиозная кампания состоялась в 1929 и 1930 годах. По сведениям, опубликованным Союзом воинствующих атеистов, на протяжении двенадцати месяцев, до октября 1930 года, на Украине были закрыты 533 церкви и синагоги. По подсчетам М. Миллера, сделанным на основании советских источников, больше 65% всех церквей, которые находились на территории Советской Украины до Второй мировой войны, были уничтожены или перестроены для использования их в других целях.

Как известно, в 1930-х годах централизация власти в Москве резко усилила общее давление по всему Советскому Союзу. На Украине оно проявлялось в особенно разрушительных формах. Ибо над Украиной тяготел дополнительный потенциальный грех «буржуазного национализма». Уничтожение архитектурного наследия Киева было задумано после расправы над украинской интеллигенцией, после украинского голокоста — искусственного голода 1932-33 гг.

Большевиков 1920-1930-х годов можно рассматривать как примитивных антитрадиционалистов. Они воспринимали исторические и культурные памятники как остатки ненужного прошлого. Сталин и его соратники в середине 1930-х годов усматривали в стиле барокко на Украине, в частности в Киеве, воплощение украинских национальных чувств. Строения в стиле барокко были, в глазах власти и в советской терминологии, свидетельством существования буржуазно-националистических настроений. Об архитектуре Киева и попытках украинских архитекторов возродить традиции украинского барокко в современной архитектуре, всесоюзный архитектурный журнал писал:

«В первые годы Октября делаются отдельные попытки вновь возродить старые националистические и шовинистические архитектурные формы». («Архитектура Украины», доклад А. Г. Молокина, *Архитектура СССР*, июль 1935, стр. 16).

Для советской власти Киев был рассадником контрреволюционеров, а к ним причисляли тогда также историков и искусствоведов, пытающихся спасти древние строения от

уничтожения. Советские планировщики 1930-х годов рассматривали Киев как неупорядоченное нагромождение церковных и коммерческих строений. Единственной положительной чертой города была, с их точки зрения, его живописная топография. Советские центральные газеты «Правда» и «Известия» писали, что запланированная реконструкция Киева превратит его в самый лучший и самый здоровый в мире город, а также в первоклассный бастион материальной и духовной социалистической культуры. В этом же духе писал А. Г. Молокин:

«Застройка Киева по заранее разработанному проекту генеральной реконструкции дает возможность превратить бывлой город церквей и монастырей в архитектурно-законченный, подлинно социалистический центр советской Украины».

(А. Г. Молокин, «Проектирование правительственного центра УССР в Киеве». *Архитектура СССР*, сентябрь 1935, стр. II).

Для того, чтобы у читателя было более четкое представление о планировочной работе середины 1930-х годов, стоит рассказать о событиях, связанных с попытками сохранить архитектурные памятники в 1920-е годы, а также с их разрушением и проектированием Правительственного центра нового социалистического Киева в 1930-е годы.

В июне 1926 года правительство УССР утвердило законодательство об охране исторических памятников и заповедных мест. Существующие памятники были записаны в государственный реестр и классифицированы как памятники общереспубликанского или местного значения. Зарегистрированные памятники и сооружения были переданы в ведение Управления музейных отделов Народного Комиссариата просвещения. Наиболее значительные из них были объявлены государственными заповедниками. Перестройка или разрушение зарегистрированных памятников разрешалась только с согласия Комиссариата просвещения УССР. Об атмосфере тех лет свидетельствует следующий пример. В конце 1920-х годов Археологический комитет Всеукраинской Академии Наук принял решение о том, что большие денежные нужды для сохранения архитектурных памятников Украины нельзя удовлетворить из местных (муниципальных или республиканских) источников и что их презервация требует

поддержки общесоюзного правительства СССР. Соответственно, по поручению правительства УССР Всеукраинский археологический комитет составил смету для обновления десяти важнейших строений Украины. Пять из них были в городе Киеве. Среди них был архитектурный ансамбль Военно-Никольского собора возле Печерской Лавры и Златоверхий Михайловский монастырь напротив кафедрального собора св. Софии в Старом городе. Спустя несколько лет эти уникальные ансамбли были уничтожены.

Перенесение столицы из Харькова в Киев было объявлено в январе 1934 года. Но предварительно должно было начаться связанное с этим решением архитектурное планирование. Согласно свидетельству украинского поэта Михайла Ореста, прежде чем избрали место для правительственного центра столицы в Старом городе, было предложено разместить административный центр на Печерске, на месте Военно-Никольского собора. В связи с этими планами Никольский собор, монастырские стены и ворота (построенные на средства гетмана Ивана Мазепы в 1690-х годах), а также колокольню (1750 г.) разрушили. Тем временем, в начале апреля 1934 года Нарком Внутренних дел Советской Украины апробировал план, по которому предусматривалось построить правительственный центр не на Печерске, как предполагалось, а на месте средневекового Михайловского монастыря и соседней территории Старого города.

Планы по использованию территории разрушенного архитектурного ансамбля Военно-Никольского собора были составлены только в начале 1940-х годов. Вторая мировая война помешала осуществлению плана строительства на этом живописном месте Дома культуры Краснознаменного завода. Только в начале 1960-х годов было предложено построить на месте Никольского собора Дворец пионеров и школьников. В связи с проектом Дворца пионеров возник вопрос о будущей судьбе остатков монастырского ансамбля времен гетмана Мазепы — трапезной в стиле борокко. Включение старого строения в новый архитектурный комплекс было отвергнуто на том основании, что старая трапезная была религиозным строением и может повредить воспитанию

Собор Св.Николая (Военно-Никольский собор).

молодого поколения в атеистическом духе. Уникальную трапезную, отличавшуюся чертами сугубо светской архитектуры, уничтожили в начале 1960-х годов. Новый дворец построен в 1962-65 годах и в 1967 году проектировщики (бригада архитекторов под руководством А.Милецкого) получила государственную (бывшую Сталинскую) премию по архитектуре.

После формального утверждения (апрель 1934 года) выбора места правительственного центра в Старом городе начался пятилетний период проектирования и архитектурных конкурсов. Предусматривалось построить на месте Трехсвятительской церкви (построена в 1183 г., перестроена в 1690-е и 1700-е годы) здание Народных Комиссариатов, а на месте Златоверхого Михайловского монастыря (главная церковь монастыря построена в 1108-1113 годах, церковь перестроена и монастырь расширен в 17-18 вв). — здание Центрального Комитета Коммунистической партии Украины. Перед этими сооружениями запланировали грандиозную площадь (шириной 150 м), одну из наибольших в мире, которую должны были окружать главные административные здания Советской Украины. В центре композиции должны были соорудить памятник Ленину. Получивший премию (осень 1935 г.) проект двух главных домов правительственного центра ленинградца И. Г. Лангбарда во многом напоминал стиль архитектуры нацистской Германии и фашистской Италии.

Между тем, весной 1935 года началось строительство далеко от территории будущего правительственного центра — в Липках — самого большого (на 235,000 куб. м.) государственного сооружения Киева 1930-х годов — Дома НКВД. Его запроектировал московский архитектор А. Фомин в стиле русского ампира. В рецензии о новостройке в Липках (И. Сосфенов, «Дом Совнаркома УССР в Киеве», Архитектура СССР, сентябрь 1938, стр. 54-58) говорится уже не как о Доме НКВД, а как о Доме Совета Народных Комиссаров. Так Дом Народных Комиссаров УССР был построен не на месте Трехсвятительской церкви в Старом городе, а в Липках, на Печарское. Рядом с Домом НКВД — Совета Народных Комиссаров, рядом с бывшим Царским (теперь Мариинским) дворцом, где тогда размещался Верховный Совет УССР, начали строить Дом заседаний Верховного Совета (окончили летом 1938 г.).

Первое из двух проектированных Лангбардом строений, частично запланированное для Совета Народных Комиссаров, начали сооружать весной 1936 года, рядом с разрушенной (в 1935 г.) Трехсвятительской церковью. Этот относительно небольшой дом (100 000 куб. м.) окончили строить в 1938 году. Он стал местом пребывания Центрально-

Богоявленская церковь Братского монастыря.

го Комитета Компартии Украины. Теперь здесь находятся административные учреждения Киевской области.

Архитектурный ансамбль Златоверхого Михайловского монастыря — церкви, колокольню, стены и ворота разрушили в 1935-36 годах. Но второго из двух проектированных Лангбардом строений, симметричного с первым, которое задумали соорудить на месте Михайловского монастыря для

Центрального Комитета партии, не построили. Трапезная Златоверхого Михайловского монастыря, хоть и без своего барочного купола, сохранилась. В августе 1963 года ее снова причислили к архитектурным памятникам УССР. В 1973 году Киевский городской совет решил определить «Архитектурные заповедные зоны». Тогда же территорию Златоверхого Михайловского монастыря ввели в заповедную зону. Все еще пустующее место Михайловского монастыря не вошло в недавно запроектированный Историко-археологический парк-музей «Старый Киев».

Ученые признают, что разрушенная Златоверхая Михайловская церковь это шедевр искусства Киевской Руси. В своей перестройке 18 века это здание — одно из наиболее удачных по комбинированию ранневизантийского строения с пышным убранством времен барокко. Средневековые мозаики Михайловской церкви старались спасти. Мозаичный образ св.Дмитрия Солунского и один из двух византийских барельефов теперь экспонируются в музее русского искусства — Третьяковской галерее в Москве. Другие мозаики и фрески помещены на хорах Софиевской кафедры — теперь Софиевского музея, — куда не имеют доступа обычные посетители. Хотя средневековые мозаики снимали со стен Михайловской церкви очень аккуратно, их последующее хранение нельзя признать удовлетворительным. («Mikhailorskie Mozaiki, by V.N. Lazarev», Review Cyril Mang, Burlington Magazine, march 1968, p. 155).

Уничтожение памятников старины, свидетельствующих о древности города Киева, связанное с планированием правительственного центра, стало прецедентом для советских планировщиков. Среди важнейших разрушенных архитектурных памятников Киева необходимо еще упомянуть хотя бы о следующих: Барочные иконостасы Софиевского кафедрального собора 17-18 вв.; Ирининская колонна — остатки церкви св. Ирины 11 в.; Стретенская церковь 19 в.; соборная церковь Успения или «Пирогоща», построенная в 1132 г. и в последний раз перестроенная в 19 в.; Петропавловская церковь 17-18 вв. и колокольня 18 в.; Богоявленская церковь и колокольня в Братском монастыре на Подоле — напротив Киево-Могилянской академии, — построенная на средства гетмана Ивана Мазепы в 1690-х гг.; Воскресенская церковь на Подоле 17-18 вв.;

Соборная церковь Успения в Киево-Печерской лавре.

церковь Бориса и Глеба 1692 г. и колокольня; церковь св.Николаы Доброго 1800-1807 гг., монастырская церковь св.Николаы Пустынного 1715 г. и колокольня; церковь Всех Святых и историческое кладбище на горе Щекавице; исторические кладбища Флоровского и Кирилловского монастырей; барочные иконостасы Выдубицкого монастыря 1691-1701 гг.; барочные строения — колокольня, врата, башня и стены — Кирилловского монастыря середины 18 в.; колокольня Китаевского монастыря и т. д.

Финальным актом погрома архитектурного наследия Киева было уничтожение соборной церкви Успения Печерской Лавры (построена в 1078, перестроена в 1720-х гг., разрушена 3 ноября 1941 года) и эклектических строений конца 19 — начала 20 в. в центре современного города — в районе улицы Крещатик (разрушенных в сентябре-октябре 1941 г.)

Принимая во внимание исторические обстоятельства на Украине 1930-х годов, приходится сделать вывод, что

ответственность за планирование и решение о застройках на исторических территориях Киева, а особенно — за кампанию по разрушению памятников древней истории и «подготовку места» под еще не спроектированные новостройки, ложится на Сталина и его представителя на Украине — Павла Петровича Постышева. В те времена на Украине вообще не решалось ничего. Более того, Постышев провозгласил, что его задача — уничтожить центр контрреволюции и ее проявлений. Когда был задуман план нового правительственного центра в Киеве, Сталин уже окончательно прибирал к рукам контроль над Украиной. Таким образом события 1934-1935 годов можно рассматривать не как обычное насилие внутри утвердившейся системы, а как своеобразный финальный акт захвата власти над столичным городом Украины и легализация его захвата.

Об уничтожении архитектурного наследия на Украине, как и в других республиках Советского Союза, существует очень мало опубликованных материалов.

Мы знаем очень мало о подробностях этого погрома, даже не знаем точных дат, когда какое строение исчезло с лица земли. Очень мало очевидцев событий 1930-х годов оставили нам свои воспоминания. Нет публикации, которая бы содержала документацию об уничтожении архитектурного наследия Киева. Нет даже точного реестра разрушенных сооружений. Уничтоженные сооружения зачастую не были изучены и наше знание этих исторических памятников ограничено.

Есть много причин недостатка информации о разрушении советской властью архитектурных памятников. После погромов интеллигенции в 1929-1934 годах и голода 1933 года жителям Киева было не до охраны архитектурных памятников. В годы сталинского террора большинство киевлян думали только о хлебе насущном, каждый старался быть наименее заметным. Однако были отчаянные и отважные люди, любители искусства и старины, выступавшие, словно Дон Кихоты, в защиту обреченного наследия златоверхого города. Среди них выделяется мужественный образ Мыколы Омеляновича Макаренко, выдающегося искусствоведа и археолога, который был арестован за деятельность в защиту киевских

Окна собора Успения.

архитектурных памятников и сослан на чужбину, где и умер в 1936 году.

Одновременно вызывает восхищение работа историка архитектуры И. В. Моргилевского, сумевшего вместе со своими сотрудниками в тех крайне неблагоприятных обстоятельствах сфотографировать и обмерить средневековые памятники перед их разрушением.

Несмотря на неблагоприятные обстоятельства, проф. Владимир Мияковский сумел сберечь и опубликовать в 1943 г. во львовском журнале «Наши дни» детальные данные о обстоятельствах, связанных с разрушением Златоверхой Михайловской церкви. Уже в эмиграции в 1951 г. брат Мыколы Зерова поэт Михайло Орест опубликовал (под псевдонимом Б. Микорский) брошюру, в которой подытожил процесс разрушения киевских памятников в 1934-36 годах. Годом позже издательство М. Денисюка в Буэнос-Айресе издало книжечку Леонтия Форостивского «Киев под вражескими оккупациями». Три упомянутые публикации дополнены трудами проф. Олексы Повстенко, воспоминаниями архитектора Евгена Блакитного, проф. Б. Жука, археолога М. Миллера и других. К сожалению, опубликованные материалы не воспроизводят полностью картины событий тридцатых годов.

Гораздо больше данных имеется об уничтожении Успенского собора Печерской Лавры в 1941 году. Оказывается, военные сороковые годы были более благоприятны для мемуаристики, чем мирные 1934-1936 годы. Об уничтожении в 1941 году главной церкви Печерской Лавры и строений на территории вокруг улицы Крещатик писали послевоенные эмигранты проф. Б. Жук, проф. И. Н. Никодимов (псевдоним бывшего юридического советника Лавры Ивана Шумилина), А. Кошман-Коврайский (псевдоним киевского археолога-нумизмата Валентина Шугаевского), Олег Чех (псевдоним инженера Вадима Павловского), Н. Ю. Пушкарский, Леонтий Форостивский, Татьяна Фесенко и другие. Опубликованная в США в 1979 г. повесть А. Кузнецова «Бабий Яр» подтверждает данные воспоминаний послевоенных эмигрантов о том, что за уничтожение Крещатика и Успенского собора ответственна советская власть. С другой стороны, бывший гитлеровский придворный архитектор, осужденный нацист Альберт Шпеер в своих воспоминаниях утверждает, что Успенский собор разрушили немецкие фашисты. Недавно опубликованное сообщение немецкой разведки с ноября 1941 года дает дополнительную информацию о разрушении советскими агентами 3 ноября 1941 года главного собора Печерской Лавры («German Intelligence Reports», Translated by Keith Armes, Religion in Communist Lands, Kent, England, N. 2, 1977, p. 102).

Изданные на Западе материалы об уничтожении архитектурных памятников Киева в 1930 годах являются дополнением к той информации, что содержится в советских предвоенных журналах по архитектуре и послевоенных архитектурных публикациях, к устным воспоминаниям очевидцев и имеющейся на Западе коллекции фотографий уничтоженных архитектурных памятников. Некоторые из этих снимков являются уникальными: они зафиксировали факты варварского истребления национальных памятников (средневековой церкви или барочной колокольни). Среди этих коллекций фотографий выделяется архив снимков украинской архитектуры проф. Олексы Повстенко, бывшего директора Софийского заповедника в Киеве. Однако одним из лучших собраний фотографий архитектуры Киева остаются снимки, опубликованные в 1920-х годах в Мюнхене киевлянином Григорием Лукомским. Из-за недостатка хороших фотографий теперь уже несуществующих киевских исторических строений, фотографиями Лукомского пользуются также историки Советского Союза.

В 1960-х и 1970-х годах в Советской Украине обсуждался вопрос о восстановлении Златоверхой Михайловской церкви, Успенского собора Печерской Лавры, соборной церкви Успения на Подоле («Пирогощи»), церкви Рождества Христо-

ва на Подоле, где стоял гроб с телом Тараса Шевченко с 6 по 8 мая 1861 года, и барочного фонтана «Самсон» на главной площади Подола. Как правило, когда говорят о восстановлении древних памятников, всегда имеют в виду восстановление в их предполагаемом первоначальном виде времен Киевской Руси предпочитая его одеянию перестроек украинского барокко 17-18 веков. В результате всех этих дискуссий осенью 1977 года правительство УССР приказало городскому совету украинской столицы отстроить фонтан «Самсон» (построенный в 1748-49 гг. киевским архитектором И. Григоровичем-Барским и разрушенный в середине 1930-х годов). В 1981 году фонтан был восстановлен. На этом разговоры о восстановлении уничтоженных памятников прекратились.

В издательстве «СУЧАСНІСТЬ» вышла новая книга:

МИХАИЛ ХЕЙФЕЦ

УКРАИНСКИЕ СИЛУЭТЫ

288 стр.

ц. 12. 95 \$

Книгу можно заказать в издательстве «Сучасність»:

254 West 31 st St. 8th Floor. New York, N. Y. 10001. USA

СОДЕРЖАНИЕ

ПРОБЛЕМЫ ДЕМОКРАТИИ

- 3 Избирательная система в СССР и морально-политическое единство советского общества (*Самиздат*).
- 15 *Л. Плющ*. С другого дерева.
- 32 *В. Малинкович*. Военная диктатура — путь к демократии?
- 48 *Б. Шрагин*. Почему необходима демократия? (*Часть II*)

АРХИПЕЛАГ ГУЛАГ СЕГОДНЯ

- 66 *М. Горбаль*. Письма из заключения.

НАЦИОНАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ

- 88 *Владас Иуодейка*. Национальный вопрос.
- 107 *Я. Билинский*. Отношение русских диссидентов к национальным устремлениям нерусских народов СССР.
- 121 *И. Мартынов*. Мне стыдно и больно (*Самиздат*).
- 127 *Т. Кузьо*. Этнические проблемы в Советской Армии.

СОВЕТСКИЙ СОЮЗ В СОВРЕМЕННОМ МИРЕ

- 133 *Е. Габович*. ...Черненко... Кто следующий?
- 141 *Пол Хенци*. Заговор с целью убийства Римского Папы.

ПОЛЬСКИЙ ОПЫТ

- 164 *Адам Михник*. Декабрьское говенье.

ТРУД — РАБОЧЕЕ ДВИЖЕНИЕ — ПРОБЛЕМЫ САМОУПРАВЛЕНИЯ

- 189 Свобода ассоциаций — важнейшая из свобод (*Беседа В. Федосеева с одним из руководителей американских профсоюзов АФТ-КПП Томасом Каном*).

ФИЛОСОФИЯ, РЕЛИГИЯ, ЭТИКА

201 *А. Пятигорский*. Племянник своего дяди.

КУЛЬТУРА И ВРЕМЯ

211 *В. М.* «Ностальгия» Андрея Тарковского.

223 *Тит Геврик*. Выставка «Утраченные архитектурные памятники Киева» в Нью-Йорке.

Условия подписки на журнал «ФОРУМ»

Цена одного номера:

Англия — 3 фунт.

Германия — 15 н. м.

США — 7 ам. долл.

Франция — 40 ф. фр.

Годовая подписка:

10 фунт.

50 н. м.

25 ам. долл.

135 ф. фр.

В других странах — расчет по курсу немецкой марки.

Адрес: Ukrainische Gesellschaft für Auslandsstudien
e. V., für «Forum»

Bankkonto: Deutsche Bank A. G.
Promenadeplatz, 8000 München 2
Kto Nr. 22/20457, BLZ 70070010

Postscheckkonto PSchA München
Kto Nr. 22278-809.

Представители «Форума»

в Англии Лиана Померанцева
Liana Pomeranzev
4 Flat, 5 Sevington str.
Maida Vale, London W 9

в Израиле Израиль Клейнер
Dr. Israel Kleiner
Gilo 105/54
Jerusalem

